

СТИВЕН КИНГ

ПИТЕР СТРАУБ

Талисман

Талисман

Стивен Кинг

Талисман

«АСТ»

1984

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Сое)-44

Кинг С.

Талисман / С. Кинг — «АСТ», 1984 — (Талисман)

ISBN 978-5-17-081747-4

...Вновь и вновь двенадцатилетний Джек Соьер и его мать в спешке переезжают из одного города в другой, бегут, сменяя отели и стараясь не оставлять следов. От кого они прячутся? Кто — или что — их преследует? Этого Джек не знает, но он абсолютно уверен: его матери грозит смертельная опасность и только он может спасти ее. Но для этого ему придется переступить черту — попасть в другую реальность, где обитают силы Тьмы, уже готовые нанести удар... «Талисман» — одно из самых ярких произведений Стивена Кинга — в новом переводе и впервые без сокращений! Читайте «Черный дом» — продолжение романа «Талисман».

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-081747-4

© Кинг С., 1984

© АСТ, 1984

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	35
Глава 5	47
Интерлюдия	57
Часть вторая	63
Глава 6	63
Глава 7	70
Глава 8	93
Глава 9	100
Глава 10	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Стивен Кинг, Питер Страуб Талисман

*Посвящается
РУТ КИНГ и ЭЛВЕНЕ СТРАУБ*

Ну так вот, когда мы с Томом подошли к обрыву и поглядели вниз, на городок, там светилось всего три или четыре огонька – верно, в тех домах, где лежали больные; вверху над нами так ярко сияли звезды, а ниже города текла река в целую милю шириной, этак величественно и плавно.

Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна¹

Мое новое платье было все закапано свечкой и вымазано в глине, и сам я устал как собака.

Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна

Серия «Темная башня»

Stephen King
and Peter Straub

THE TALISMAN

Перевод с английского В. Вебера

Печатается с разрешения автора, E Seafront Corporation и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King and Peter Straub, 1984

© Перевод. В. Вебер, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Часть первая Джек убегает

Глава 1 «Альгамбра: отель и сады»

1

Пятнадцатого сентября 1981 года Джек Сойер стоял у самой кромки воды, засунув руки в карманы джинсов, и смотрел на спокойный Атлантический океан. Джеку исполнилось двенадцать лет, и для своего возраста он был высок. Легкий бриз отбрасывал с красивого чистого лба каштановые, пожалуй, слишком длинные волосы. Противоречивые, тягостные чувства держали Джека, не отпускали последние три месяца – с того самого момента, как его мать заперла двери их дома на Родео-драйв в Лос-Анджелесе и в спешке сняла квартиру к западу от Центрального парка. Оттуда они перебрались в тихое курортное местечко на крошечном океаническом побережье Нью-Хэмпшира. Порядок и размеренность исчезли из мира Джека. Жизнь его стала такой же переменчивой и непредсказуемой, как поверхность простиравшегося перед ним океана. Мать тащила Джека за собой, перебрасывая с места на место. Но что гнало ее?

Она бежала, бежала.

Джек оглядел пустынный берег, повернув голову сначала в одну сторону, потом в другую. Слева находился парк развлечений «Аркадии веселая страна», в котором шум и гвалт не утихали со Дня поминовения до Дня труда². Сейчас парк обезлюдел и затих – как сердце между ударами. «Американские горки» казались строительными лесами на фоне одноцветного, затянутого облаками неба, вертикальные и наклонные опоры расчерчивали его угольными полосами. Там жил Спиди Паркер, но сейчас Джек о нем не думал. Справа высился «Альгамбра: отель и сады», и именно туда тянули мальчика тревожные мысли. В день приезда Джек на мгновение подумал, что видит радугу над двускатной крышей с мансардными окнами. Добрый знак, обещание перемен к лучшему. Но радуга ему померещилась. Только флюгер поворачивался справа налево, слева направо во власти переменчивого ветра. Джек выскочил из взятой напрокат машины, не обращая внимания на безмолвную просьбу матери заняться багажом, и огляделся. Над вращающимся медным петушком нависало лишь пустое небо.

– Открой багажник и достань вещи, сынок, – позвала его мать. – Загнанная старая актриса хочет зарегистрироваться и поискать выпивку.

– Коктейль «Мартини», – уточнил Джек.

– Тебе следовало сказать: «Не такая ты и старая», – отозвалась она, с трудом вылезая из-за руля.

– Не такая ты и старая.

Она просияла – став прежней бесшабашной Лили Кавано (Сойер), на протяжении двадцати лет считавшейся королевой би-фильмов³ – и выпрямила спину.

² День поминовения, День труда – официальные праздничные дни, отмечаемые соответственно 30 мая и в первый понедельник сентября.

³ Фильм категории «Б» (би-фильм) – кинокартина с небольшим бюджетом, не предназначенная для массового проката.

– Здесь все будет хорошо, Джеки. Все-все. Это хорошее место. – Чайка пролетела над крышей отеля, и на секунду у Джека возникло тревожное чувство, что это флюгер отправился в свободный полет. – Избавимся на время от телефонных звонков, верно?

– Конечно, – согласился Джек. Она стремилась спрятаться от дяди Моргана, больше не хотела цапаться с деловым партнером своего покойного мужа, мечтала о том, чтобы забраться в кровать с бокалом коктейля «Мартини» и натянуть на голову одеяло...

Мама, да что же с тобой не так?

Слишком много смерти, мир наполовину состоит из смерти. Чайка прокричала над головой.

– Шевелись, парень, шевелись, – добавила мать. – Давай войдем в Великое хорошее место⁴.

Тогда Джек и подумал: *А если станет совсем кисло, всегда можно позвать на помощь дядю Томми.*

Но дядя Томми уже умер: просто эта новость все еще оставалась на другом конце телефонного провода.

2

«Альгамбра» нависал над водой. Грандиозное викторианское сооружение из гигантских гранитных блоков, казалось, естественным образом вращалось в выступающий в океан мыс – торчащая каменная ключица на считанных милях нью-хэмпширского побережья. Сады располагались со стороны материка, и Джек, стоя у воды, практически их не видел – только верхнюю часть зеленой изгороди. Бронзовый петух на фоне неба указывал на северо-запад. Мемориальная табличка в холле гласила, что в 1838 году здесь состоялась конференция методистов Севера, одно из первых крупных собраний сторонников отмены рабства в Новой Англии. На ней Дэниел Уэбстер произнес яркую, пламенную речь. Согласно табличке, Уэбстер, среди прочего, сказал: «С этого дня и навсегда – знайте, что рабство как американский институт слабеет и скоро отомрет во всех наших штатах и территориях».

3

Тот день на прошлой неделе, когда они приехали, подвел черту под суматохой последних месяцев в Нью-Йорке. В Аркадия-Бич они не сталкивались с адвокатами, работавшими на Моргана Слоута, которые выскакивали из автомобилей, размахивая документами, требуя от миссис Сойер немедленно заполнить их и подписать. В Аркадия-Бич телефоны не звонили с полудня до трех часов ночи (кажется, дядя Морган забыл, что в окрестностях Центрального парка время вовсе не калифорнийское). Собственно, в Аркадия-Бич они не звонили совсем.

Пока они ехали по маленькому курортному городку (мать не переставала смотреть на дорогу), Джек заметил на улицах только одного человека – безумного старика, бесцельно катившего по тротуару пустую тележку для покупок. Над головой висело серое, враждебное небо. В отличие от Нью-Йорка здесь слышался только шорох ветра, продувавшего пустынные улицы: из-за отсутствия на них транспорта они казались более широкими. Надписи на витринах магазинов гласили: «РАБОТАЕМ ТОЛЬКО ПО ВЫХОДНЫМ» или, того хуже, «УВИДИМСЯ В ИЮНЕ!» На улице перед «Альгамброй» гостей ожидала сотня парковочных клеток, пустующих, как и столики в «Чайе с вареньем».

⁴ Аллюзия на рассказ классика американской литературы Генри Джеймса (1843–1916) «Великое хорошее место».

Лишь небритые безумные старики катили пустые тележки для покупок по заброшенным улицам.

– Я провела счастливейшие три недели своей жизни в этом странном маленьком городке. – Лили проехала мимо старика (который, как заметил Джек, повернулся, испуганно и подозрительно посмотрел им вслед и что-то прошептал, но Джек не смог разобрать, что именно), а потом свернула на изогнутую дугой подъездную дорожку, проложенную через сады к отелю.

Вот почему они упаковали все необходимое в чемоданы, сумки и полиэтиленовые пакеты и заперли на ключ дверь квартиры (не обращая внимания на пронзительные звонки телефона, которые просачивались через замочную скважину и, казалось, преследовали их даже в коридоре первого этажа); вот почему забили раздутыми коробками и чемоданами заднее сиденье и багажник взятого напрокат автомобиля и провели в нем долгие часы, медленно продвигаясь на север по Генри-Гудзон-паркуэй, а потом еще более долгие часы – по автостраде 95: потому что именно здесь Лили Кавано Сойер однажды ощутила себя счастливой. В 1968 году, за год до рождения Джека, Лили номинировали на «Оскар» за роль в кинофильме «Блейз». Фильм этот по уровню превосходил большинство фильмов, в которых снималась Лили, и в нем ее талант раскрылся более полно, чем в привычных для нее ролях «плохих девчонок». Никто не ожидал, что Лили способна победить, и меньше всех сама Лили; но клише, что номинация на премию Академии уже большая честь, в полной мере отражало ее состояние: Лили от души радовалась, и Фил Сойер увез ее на три недели в «Альгамбру», чтобы достойно отпраздновать этот успех. Там, на другом конце континента, они смотрели вручение «Оскаров» по телевизору и пили шампанское в постели. Будь Джек старше и возникни у него интерес к подобным вопросам, он мог бы произвести нехитрые математические действия и узнать, что жизнь ему дали именно в «Альгамбре».

Когда огласили список актрис, выдвинутых на соискание премии в номинации «Лучшая женская роль второго плана», Лили, в соответствии с семейной легендой, прошептала Филу: «Если выиграю, а меня нет на церемонии, станцую манки у тебя на груди *в туфлях на шпильках*».

Но победила Рут Гордон, и Лили сказала: «Уверена, она заслуживает этого. Отличная актриса. – И тут же, стукнув мужа кулаком по груди, потребовала: – Найди мне еще одну такую же роль, раз уж ты у нас знаменитый агент».

Больше таких ролей она не получала. А последней, сыгранной через два года после смерти Фила, стала роль циничной бывшей проститутки в фильме «Маньяки на мотоциклах».

Именно тот период вспоминала сейчас Лили, и Джек это знал, вытаскивая вещи с заднего сиденья и из багажника. Полиэтиленовый пакет «Д'АГОСТИНО» порвался, отделив «Д'АГО», и скатанные носки, фотографии, шахматные фигуры, доска и комиксы высыпались на вещи, еще лежавшие в багажнике. Джеку удалось распихать большую часть выпавшего по другим пакетам. Лили, держась за поручень, медленно, будто старушка, поднималась по ступенькам.

– Я найду коридорного, – пообещала она не оборачиваясь.

Джек разогнулся, оторвавшись от пакетов, и вновь посмотрел вверх, туда, где, он в этом не сомневался, видел радугу. Увы, теперь его глазам открылось только враждебное, переменчивое небо.

А потом:

Иди ко мне, тихо, но явственно раздалось за его спиной.

– Что? – спросил он, оглядываясь. Но увидел только пустынные сады и подъездную дорожку.

– Да? – окликнула его мать. Спина ее согнулась вопросительным знаком, она опиралась на ручку дубовой двери.

– Померещилось, – ответил он. Само собой, и голос, и радуга. Джек выбросил все это из головы, посмотрев на мать, сражавшуюся с тяжелой дверью. – Подожди, я помогу. – И торопливо взбежал по ступенькам, неловко неся большой чемодан и раздувшийся бумажный пакет со свитерами.

4

До встречи со Спиди Паркером Джек, словно спящая собака, не замечал хода времени: один день в отеле просто перетекал в другой. Вся жизнь казалась сплошным сном, полным теней и необъяснимых переходов. Даже ужасная весть о дяде Томми, пришедшая по телефону прошлым вечером, не сумела полностью разбудить его, не повергла в шок. Увлекайся Джек оккультизмом, он мог бы предположить, что какие-то неведомые силы захватили его и управляют их с матерью жизнями. В свои двенадцать Джек Сойер привык всегда что-то делать, и плавное и бесшумное течение этих дней после суеты Манхэттена смущало и раздражало его.

Джек вдруг осознал, что стоит на берегу, но не смог вспомнить, как сюда попал, и не имел ни малейшего понятия, что здесь делает. Вроде бы он горевал о дяде Томми, но у него создалось ощущение, что разум его завалился спать, предоставив телу самому заботиться о себе. Концентрации внимания не хватало даже для того, чтобы держать в голове сюжеты сериалов, которые они с Лили смотрели по вечерам, не говоря уж о том, чтобы запоминать какие-то подробности.

– Ты устал от всех этих переездов. – Мать глубоко затянулась и сощурилась, глядя на него сквозь дым. – Что тебе нужно, Джеки, так это немного расслабиться. Это чудесное местечко. Давай же насладимся им, пока есть возможность.

В красном отблеске экрана Боб Ньюхарт разглядывал туфлю, которую держал в правой руке.

– Именно этим я и занимаюсь, Джеки. – Лили улыбнулась сыну. – Расслабляюсь и наслаждаюсь.

Джек взглянул на часы. Они сидели перед телевизором уже два часа, а он не мог вспомнить, что они смотрели до этой программы.

Мальчик как раз встал, чтобы идти спать, когда зазвонил телефон. Старый добрый дядя Морган Слоут нашел их. Новости дяди Моргана никогда не приносили радости, но последняя тянула на блокбастер, даже по его меркам. Джек стоял посреди комнаты, наблюдая, как лицо матери белеет, белеет, белеет. Рука поднялась к шее, на которой за последние месяцы появились новые морщины, чуть сжала ее. Мать слушала молча и лишь перед тем, как повесить трубку, прошептала: «Спасибо тебе, Морган». Повернулась к Джеку, внезапно постаревшая и совсем больная.

– Крепись, Джеки, ладно?

Джек не думал, что сможет выдержать удар.

Она взяла его за руку.

– Дядя Томми сегодня погиб, Джек. Его сбил автомобиль, когда он переходил улицу.

Мальчик ахнул, как от удара под дых.

– Он переходил бульвар Ла Синегга, и его сбил фургон. Согласно показаниям свидетеля, черного цвета, с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ»⁵, но это... Это все... – Лили начала плакать.

⁵ Дикое Дитя – герой комиксов компании «Марвел».

Минутой позже, удивляясь самому себе, Джек тоже заплакал. Все это случилось тремя днями раньше, но Джеку казалось, что прошла целая вечность.

5

Пятнадцатого сентября 1981 года подросток по имени Джек Соьер смотрел на ровную поверхность океана, стоя на пустынном берегу перед отелем, напоминавшим старинный замок из романов Вальтера Скотта. Ему хотелось плакать, но он не мог выжать из себя ни слезинки. Его окружала смерть, смерть составляла половину мира, и в небе не было радуги. Фургон с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ» вычеркнул дядю Томми из этого мира. Дядю Томми, который погиб в Лос-Анджелесе, очень далеко от восточного побережья, хотя даже Джек знал, что его дом именно здесь. Человеку, обязательно повязывавшему галстук перед тем, как пойти в «Эрбис», чтобы съесть сэндвич с ростбифом, следовало держаться подальше от западного побережья.

Его отец умер, дядя Томми умер, мать тоже может умереть. Он ощутил смерть и здесь, в Аркадия-Бич: она говорила по телефону голосом дяди Моргана. И речь шла не о дешевой меланхолии, окутывавшей курорт в межсезонье, когда постоянно сталкиваешься с призраками ушедшего лета. Смерть проявляла себя в текстуре предметов, в запахе ветра с океана. Джек боялся... и боялся давно. Это место, такое тихое, только помогло ему осознать... помогло ему осознать, что, возможно, смерть ехала с ним по автостраде 95 из Нью-Йорка, щурясь от сигаретного дыма и прося его найти по приемнику что-нибудь быстрое и ритмичное.

Он помнил – смутно, – как отец говорил ему, что он родился с разумом старика, но сейчас Джек так не думал. Напротив, он ощущал, что у него разум младенца. *Я напуган*, подумал Джек. *Чертовски напуган. Конец света наступит здесь, да?*

Чайки кружили в сером воздухе над головой. Тишина серостью соперничала с воздухом, такая же убийственная, как растущие мешки под глазами матери.

6

Джек не знал, сколько дней бесцельно брел сквозь время, ощущая, будто все его чувства заблокированы, но встреча с Лестером Спиди Паркером, случившаяся в «Веселой стране», вывела его из этого состояния. Чернокожий, с курчавыми седыми волосами и глубокими морщинами, изрезавшими лицо, Лестер ничем не привлекал к себе внимания, хотя многого добился, путешествуя по стране и играя блюз. Он и не рассказывал ничего особенно интересного. Однако, ненароком зайдя в зал игровых автоматов «Веселой страны», Джек встретился взглядом с его выцветшими глазами – и почувствовал, что оцепенение ушло. Будто некая волшебная сила передалась от старика Джеку. Спиди улыбнулся ему.

– Кажется, у меня появилась компания. Пришел маленький странник.

И правда, апатию как рукой сняло. Мгновением раньше он чувствовал себя облепленным мокрой шерстью и сахарной ватой, а теперь обрел свободу. Казалось, над Спиди вспыхнул серебристый нимб, едва заметный ореол света, который исчез, стоило Джеку моргнуть. И только тут мальчик заметил, что в руках у старика широкая и тяжелая швабра.

– С тобой все в порядке, сынок? – Уборщик потер поясницу, прогнулся назад. – Мир только что стал хуже или чуть изменился к лучшему?

– Э... изменился к лучшему, – прошептал Джек.

– Тогда ты пришел куда надо, скажу я тебе. Как тебя величают?

Маленький странник, назвал его Спиди в тот первый день. *Старина Джек-Путешественник*. Высокий и худой, уборщик привалился к автомату для игры в скибол, а его руки

обнимали черенок швабры, словно девушку в танце. *А перед тобой – Лестер Спиди Паркер, тоже странник, сынок, хи-хи, ей-бо. Спиди знает дорогу, он знает все дороги, даже дорогу в прошлое. У меня был оркестр, Странник Джек, и мы играли блюз. Гитарный блюз. Мы даже записали несколько пластинок, но я не буду смущать тебя вопросом, слышал ли ты их.*

В каждом слоге звучал свой напевный ритм, в каждой фразе – римшот и бэкбит. Спиди Паркер держал в руках швабру, а не гитару, но все равно оставался музыкантом.

В первые пять секунд общения с ним Джек понял, что его отцу, любимшему джаз, понравился бы этот человек.

Большую часть последующих трех или четырех дней Джек всюду ходил за Спиди, наблюдая за его работой и помогая, если возникала такая необходимость. Старик позволял ему забивать гвозди, шкурить штакетины, требовавшие покраски. Только эти простые задания, которые Джек выполнял под руководством Спиди, и могли сойти за учебу в тот период времени, но мальчик чувствовал себя совершенно счастливым. Теперь Джек считал первые дни в Аркадии-Бич жутким кошмаром, от которого его спас новый друг. Спиди Паркер был другом, в этом Джек не сомневался – не сомневался до такой степени, что эта дружба обрела налет таинственности. За несколько дней, прошедших после того как Джек сбросил с себя оцепенение (или Спиди стряхнул с него оцепенение, расколдовав одним взглядом светлых глаз), этот человек стал ему ближе, чем любой из друзей, исключая разве что Ричарда Слоута, которого Джек знал практически с пеленок. И сейчас он чувствовал, как притяжение мудрости и тепла его нового друга, который находился где-то поблизости, уравнивают боль утраты дяди Томми и страх, что мать действительно умирает.

Но у Джека вновь возникло неприятное ощущение, что *им управляют*, манипулируют: будто длинная невидимая нить притащила их с матерью в это пустынное место на берегу океана.

Они хотели, чтобы он оказался здесь, кем бы *они* ни были.

Или это глупости? Мысленным взором Джек увидел согнутого старика, безусловно, рехнувшегося, что-то бормочущего себе под нос и катящего тележку для покупок по тротуару.

В небе закричала чайка, и Джек дал себе слово поговорить со Спиди Паркером о своих ощущениях. Даже если Спиди подумает, что у Джека съехала крыша, даже если начнет смеяться над ним. Но в душе Джек знал, что Спиди смеяться не будет. Они *были* близкими друзьями: Джек знал, что может рассказать старому сторожу практически все.

Но он не мог решиться. Слишком уж это напоминало бред, и Джек сам пока не во всем разобрался. Пересиливая себя, он повернулся спиной к «Веселой стране» и по песку пошел к отелю.

Глава 2 Воронка

1

На следующий день Джек Сойер понимал происходящее ничуть не лучше. Ночью ему приснился *один из самых страшных снов* в его жизни. В нем за матерью крался какой-то жуткий монстр – карлик с перекошенными глазами и гниющей, облезавшей кожей. *Твоя мать почти мертва, Джек, скажи «аллилуйя»!* – прохрипел монстр, и Джек знал – такое знание приходит только во сне, – что монстр радиоактивный, а его прикосновение грозит смертью. Он проснулся в холодном поту, едва сдерживая крик. Только шум прибора помог ему осознать, где он находится, и прошел еще не один час, прежде чем Джек снова уснул.

Утром он собирался рассказать этот сон матери, но Лили пребывала в дурном настроении, не шла на разговор, прячась за клубами сигаретного дыма. И лишь когда Джек под каким-то надуманным предлогом собрался уйти из кафетерия отеля, Лили едва заметно ему улыбнулась.

– Подумай, где хочешь поужинать.

– Правда?

– Да. Только не в фаст-фуде. Я удрала из Лос-Анджелеса в Нью-Хэмпшир не для того, чтобы травиться хот-догами.

– Давай поедem в один из рыбных ресторанов в Хэмптон-Бич? – предложил Джек.

– Отлично. Теперь иди и поиграй.

Иди и поиграй, с непривычной злостью подумал Джек. *Да, мамочка, ловко у тебя получается! Легко! Иди и поиграй! С кем? Мама, почему ты здесь? Почему мы здесь? Ты очень больна? Почему не хочешь говорить со мной о дяде Томми? И чего хочет дядя Морган? Чего?..*

Вопросы, вопросы... И все не стоят выеденного яйца, потому что никто может на них ответить.

Разве что Спиди...

Смех, да и только: как чернокожий старикан, с которым он только что познакомился, мог разрешить хоть какую-то из его проблем?

Тем не менее Джек думал о Спиди Паркере, когда пересек променады и зашагал по наводящему тоску пустынному берегу.

2

Конец света наступит здесь, да? – снова подумал Джек.

Чайки кружили в серой вышине. На календаре было еще лето, но в Аркадия-Бич оно заканчивалось в День труда. Тишина серостью соперничала с воздухом.

Джек взглянул на свои кроссовки и увидел, что они запачканы чем-то вроде дегтя. *Грязь с пляжа*, решил он. *Вынесло волнами?* Он не знал, где измазался, но на всякий случай отступил от кромки воды.

Чайки кричали и кружили в воздухе. Крик одной из них раздался прямо над головой Джека, и сразу после этого мальчик услышал негромкий удар, словно по металлу. Он вовремя повернулся и увидел, как что-то упало на скалу. Чайка быстро, точно робот, вертела головой по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не потревожит. Потом запрыгала к тому месту,

где на ровном, утрамбованном песке лежал брошенный ею моллюск. От удара о камень раковина треснула, как яйцо, и Джек увидел внутри подрагивающее мясо... Или у него разыгралось воображение?

Не хочу на это смотреть.

Но прежде чем он успел отвернуться, желтый крючковатый клюв чайки ухватил мясо, растягивая его, как эластичную ленту, и Джек почувствовал, что желудок завязался узлом. Мысленно он услышал крик разрываемой живой плоти... ничего связного, просто тупая плоть кричит от боли.

Джек вновь попытался отвернуться от чайки – и не смог. Птичий клюв открылся, демонстрируя грязно-розовую глотку. Моллюск нырнул обратно в разбитую раковину, и с мгновение чайка смотрела на Джека мертвенно-черными глазами, подтверждая ужасные истины: умирают отцы, умирают матери, умирают дядя, даже если они окончили Йельский университет и выглядят в своих костюмах-тройках с Савил-роу⁶ несокрушимыми, как стены банка. Дети тоже умирают... и в конце остается только тупой, бездумный крик живой плоти.

– Эй, – произнес Джек, не замечая, что говорит вслух. – Эй, отстаньте от меня!..

Чайка сидела над добычей, буравя его маленькими черными глазками. Потом вновь принялась клевать мясо. *Хочешь кусочек, Джек? Оно еще трепещет! Боже мой, мясо такое свежее, похоже, и не знает, что мертво!*

Крепкий желтый клюв вновь вцепился в моллюска и потянул. Потя-я-я-я-я...

Мясная резинка разорвалась. Голова чайки вскинулась к серому сентябрьскому небу, заработали мышцы горла. У Джека снова возникло ощущение, что птица смотрит на него, как, бывает, смотрят на тебя глаза с висящей на стене картины, в какой бы части комнаты ты ни находился. И глаза... он знал эти глаза.

Внезапно ему захотелось оказаться рядом с матерью – с ее темно-синими глазами. Он не помнил, когда еще с таким нетерпением хотел увидеть ее – разве что в далеком-далеком детстве. *Баю-бай*, услышал он голос Лили, запевший у него в голове, и этот голос был *голосом ветра*, который сейчас звучит здесь, а скоро зазвучит где-то еще. *Баю-бай, засыпай, Джеки, мой в окошке свет, твоего папаши нет, он уехал слушать джаз, не до нас ему сейчас!* – Он помнил, как его укачивали, мать курила одну сигарету «Герберт Тейритон» за другой, возможно, не отрывая глаз от сценария – синих страниц, так она говорила. *Баю-бай, мой Джеки, все у нас так хорошо! Я люблю тебя, мой Джеки. Ш-ш-ш... засыпай. Баю-бай.*

Чайка смотрела на него.

С внезапным ужасом, который заполнил горло, как горячая соленая вода, Джек увидел, что *чайка действительно смотрит на него*. Эти черные глаза (*чья они?*) рассматривали его. И он знал этот взгляд.

Кусок сырого мяса все еще торчал из клюва чайки, однако пока Джек смотрел, птица высосала его. Клюв раскрылся в странной, но ясно различимой ухмылке.

Он повернулся и побежал, опустив голову и крепко сжимая веки, чтобы остановить поток горячих соленых слез. Кроссовки зарывались в песок, и если бы кто-нибудь смог подняться над пляжем, все выше и выше, то с высоты полета чайки он различил бы в этом сером дне только подростка, только его следы. Джек Сойер, двенадцатилетний и одинокий, мчался к гостинице, забыв про Спида Паркера. Слезы и ветер заглушали его крик, а он все пытался выкрикивать одно и то же слово-отрицание: *нет, и нет, и нет!*

⁶ Савил-роу – улица в Лондоне, на которой расположены ателье дорогих мужских портных.

3

Взбежав на променад, Джек остановился, совсем выдохшийся. Жарко колело в левом боку – от середины грудной клетки до подмышки. Он присел на одну из скамеек, поставленных для приходящих сюда стариков, и откинул падающие на глаза волосы.

Возьми себя в руки. Если сержант Фьюри уходит с восьмым расчетом, кто встает во главе ревущей команды⁷?

Мальчик улыбнулся и действительно приободрился. Здесь, на пятидесятифутовой высоте, все выглядело чуть лучше. Возможно, изменилось атмосферное давление или что-то в этом роде. Случившееся с дядей Томми было ужасно, но Джек полагал, что сможет это пережить, смириться с тем, чего уже не изменишь. Так, во всяком случае, говорила мама. Дядя Морган в последнее время очень их доставал, но, с другой стороны, дядя Морган доставал их *всегда*.

Что касалось мамы... что ж, в этом и заключалась главная загвоздка, верно?

Если на то пошло, думал он, сидя на скамье и ковыряя кроссовкой песок на границе с настилом променада, если на то пошло, с ней, возможно, все в порядке. Такое *вполне* вероятно, очень даже. В конце концов, никто не говорил, что у нее рак, верно? Никто. Будь у нее рак, она бы не привезла его сюда, правда? Скорее они поехали бы в Швейцарию, где она принимала бы лечебные ванны и ела бы козьи железы или что-нибудь в этом роде. Именно так она и поступила бы.

Так, может быть...

Низкий, шуршаще-шепчущий звук проник в раздумья Джека. Он посмотрел вниз, и его глаза широко раскрылись. Песок у левой кроссовки зашевелился. Маленькие белые песчинки скользили по кругу диаметром с длину пальца. В центре этого круга песок внезапно опустился, образовав ямку. Ямку глубиной в пару дюймов. Боковая поверхность ямки находилась в непрерывном движении – песчинки кружили против часовой стрелки, быстро-быстро.

Этого нет, тут же сказал себе Джек, но его сердце застучало быстрее, а дыхание участилось. *Этого нет, мне грезится, ничего больше, а может, это краб или что-то...*

Но ни краб, ни грезы к ямке отношения не имели. Ведь это было не то, другое место, которое Джек представлял себе, если вдруг становилось скучно или немного страшно. А насчет краба – краб здесь вообще ни при чем.

Песок закрутился еще быстрее, звук – шуршащий и сухой – наводил Джека на мысль о статическом электричестве, об опытах с лейденской банкой на уроке физики, которые они проводили в прошлом году. Но еще больше звук этот напоминал долгий и тягостный вздох, последний вздох умирающего.

Все больше песка проваливалось вниз и начинало вращаться. Ямка уже превратилась в воронку, напоминавшую перевернутый смерч. Появилась яркая желтая обертка жевательной резинки, исчезла, появилась, исчезла, появилась вновь. Чем шире становилась воронка, тем больше букв мог прочитать Джек: «ДЖ», потом «ДЖУ», потом «ДЖУСИ Ф». Воронка росла, и песок стащило с обертки. Быстро, резко, словно враждебная рука сдернула покрывало с застеленной кровати. «ДЖУСИ ФРУТ», – прочитал он, и песок потащил обертку за собой.

Песчинки вращались быстрее и быстрее, с яростным шуршанием. *Х-х-х-х-ха-а-а-а-ах-х-х-х-х-х-х*, – пели они. Джек смотрел на воронку, сначала заворуженно, потом с ужасом.

⁷ «Сержант Фьюри и его ревущая команда» – комиксы о вымышленном подразделении рейнджеров времен Второй мировой войны, издававшиеся в 1963–1981 гг.

В песке раскрывался большой темный глаз: глаз чайки, бросившей моллюска на скалу и теперь вытаскивающей из раковины живое мясо, будто резиновую ленту.

Х-х-х-х-ха-а-а-ах-х-х-х-х, – насмехались песчинки сухим, мертвым голосом. Он звучал не в голове. Джек бы очень хотел, чтобы этот голос звучал только в его голове, но нет, голос был реален. Его вставные зубы, Джек, они вывалились, когда «ДИКОЕ ДИТЯ» сбило его, бах-тарарах – и все. Йельский университет или нет, но когда «ДИКОЕ ДИТЯ» сбивает тебя и вышибает твои вставные зубы, это конец. И твоя мать...

Джек вновь побежал, ничего не видя перед собой, не оглядываясь. Ветер сдувал волосы с его лба, а в широко раскрытых глазах застыл ужас.

4

Тускло освещенный вестибюль отеля Джек пересекал со всей возможной скоростью, но не бегом. Атмосфера этого места запрещала беготню: тишина как в библиотеке, серый свет, падавший через высокие створчатые окна, смягчал и размывал узоры и без того потерянных ковров. Поравнявшись с регистрационной стойкой, Джек все-таки перешел на бег, и именно в это мгновение из обшитой деревом арки появился сутулый, с землистым цветом лица дневной портье. Он не произнес ни слова, однако уголки рта на мрачном лице осуждающе опустились еще на сантиметр. Словно Джек посмел бегать в церкви! Мальчик вытер рукавом лоб, усилием воли заставил себя дойти до лифта шагом. Нажал кнопку, физически ощущая, как портье буравит взглядом его лопатки. Насколько Джек помнил, за всю неделю тот улыбнулся только раз – когда узнал его мать. И улыбка отвечала лишь минимальным стандартам вежливости.

– Вот, значит, каким надо быть старым, чтобы помнить Лили Кавано, – пожаловалась мать Джеку, когда они остались в номере одни. А ведь в свое время, и не так давно, ее узнавали хотя бы по одному из пятидесяти фильмов, в которых она снялась в пятидесятых и шестидесятых (Лили называли королевой би-фильмов, но она нашла себе другое прозвище – Любимица Автокино). Таксисты, официанты, женщина, продававшая блузки в «Саксе» на бульваре Уилшира, – все узнавали Лили, и потом она не один час пребывала в отличном настроении. Теперь мать лишилась даже этого маленького удовольствия.

Джек переминался с ноги на ногу перед застывшими дверьми лифта, а в ушах у него звенел невероятный и знакомый голос, доносившийся из воронки в песке. На мгновение он увидел Томаса Вудбайна, надежного и милого дядю Томми Вудбайна – который, по существу, был одним из его опекунов, каменной стеной против бед и смуты, – раздавленного и мертвого на бульваре Ла Синегга, а его вставные зубы, как поп-корн, валялись в сточной канаве, в двадцати футах от тела. Джек снова вдавил кнопку в панель.

Скорее же!

Потом ему померещилось кое-что похуже: его мать заталкивали в ожидавшую машину двое невозмутимых мужчин. Внезапно Джеку захотелось отлить. Он ударил по кнопке ладонью, и сутулый седой мужчина за регистрационной стойкой недовольно фыркнул. Другой рукой Джек ухватил некое магическое место пониже живота, чтобы уменьшить давление на мочевого пузырь. До его слуха донесся звук спускающегося лифта. Мальчик закрыл глаза и плотно сжал колени. Его мать выглядела неуверенной в себе, растерянной и сбитой с толку, а мужчины заталкивали ее в машину, точно ослабевшего колли. Но Джек знал, что в действительности этого не происходило. Это воспоминание – часть одной Дневной грезы, и случилось все не с матерью, а с ним самим.

Когда обшитые красным деревом двери лифта разошлись, открывая тускло освещенную кабину, из которой с покрытого пятнами зеркала на Джека смотрело собственное лицо, его вновь накрыло воспоминание о том давнем происшествии. Он увидел, как начали жел-

теть глаза мужчины, почувствовал, как рука другого стала превращаться во что-то костистое, жесткое, нечеловеческое... и запрыгнул в кабину лифта, словно ему в зад воткнули вилку.

Невозможно: его грезы – из области фантастики, он *не видел*, как глаза мужчины из синих превращались в желтые, и с его матерью все тип-топ, бояться нечего, никто не умирает, это только чайка представляет опасность для моллюска. Джек закрыл глаза, и кабина пошла вверх.

Эта тварь из песка смеялась над ним.

Джек протиснулся в щель между дверьми, как только они начали расходиться. Пробежал мимо плотно сжатых ртов других лифтов, повернул направо в отделанный деревянными панелями коридор, поспешил мимо бра и картин к их комнатам. Здесь бег выглядел не таким святотатством. Они занимали номера четыреста семь и четыреста восемь – две спальни, маленькую кухню и гостиную с видом на уходящий в обе стороны берег и бескрайний океан. Его мать раздобыла где-то цветы, расставила их по вазам, рядом стояли маленькие фотографии в рамочках.

Джек в пять лет, Джек в одиннадцать лет, Джек, еще младенец, на руках у отца. Его отец, Филип Сойер, за рулем старого «десото», автомобиля, на котором он и Морган Слоут приехали в Калифорнию в невообразимо далекие времена, когда были такими бедными, что часто ночевали в машине.

Джек распахнул дверь с табличкой «408» – она вела в гостиную – и позвал:

– Мама? Мама?

Его встретили цветы, фотографии улыбались, но ответа не последовало.

– Мама!

За спиной захлопнулась дверь. Джек почувствовал, как в животе похолодело. Он метнулся из гостиной в большую спальню справа.

– Мама!

Еще одна ваза с высокими яркими цветами. Пустая постель, аккуратно застеленная, с накрахмаленным бельем. Покрывало так натянуто, что, кажется, брось четвертак – отскочит. На прикроватном столике – батарея пузырьков из коричневого стекла с витаминами и другими таблетками. Джек попятился. Через окно материнской спальни на него накатывали и накатывали черные волны.

Двое неприметных мужчин вылезали из неприметного автомобиля, протягивали к ней руки...

– Мама! – заорал он.

– Я тебя слышу, Джек, – донесся из-за двери ванной голос матери. – Что стряслось?

– Ох, – выдохнул Джек и почувствовал, как все тело расслабляется. – Извини! Я не мог понять, где ты...

– Принимаю ванну, – ответила она. – Готовлюсь к ужину. Надеюсь, возражений нет?

Джек понял, что в туалет ему не нужно. Плюхнулся в одно из мягких кресел и с облегчением закрыл глаза. С ней все в порядке.

ПОКА все в порядке, прошептал мрачный голос, и мысленным взором Джек вновь увидел воронку и вращающийся песок.

5

Проехав семь или восемь миль по прибрежному шоссе, они нашли ресторанчик под названием «Шато лобстеров» рядом с административной границей Хэмптона. У Джека остались сумбурные впечатления от прошедшего дня – он уже отходил от пережитого на пляже ужаса, позволяя дневным событиям блекнуть в памяти. Официант в красном пиджаке с

вышитым на спине желтым лобстером проводил их к столику у широкого окна в дождевых разводах.

– Мадам желает что-нибудь выпить?

Глядя на свойственное межсезонью каменно-бесстрастное лицо уроженца Новой Англии, Джек подумал, что в водянисто-синих глазах официанта читается легкое презрение к его приталенному пиджаку от Ральфа Лорена и дневному платью матери от Халстона, которое та носила с восхитительной небрежностью, и почувствовал, как сердце сжалось от более привычного ужаса – тоски по дому. *Мама, если ты на самом деле не больна, какого черта мы здесь? Здесь так пусто! Просто мурашки бегут по коже! Господи!*

– Принесите мне бокал коктейля «Мартини», – попросила она.

Брови официанта приподнялись.

– Мадам?

– Лед в стакан, – пояснила она. – Оливку на лед. Джин «Танкерей» – на оливку. Потом... вы это уяснили?

Мамочка, ради Бога! Или ты не видишь его глаз? Ты думаешь, что ведешь себя обязательно, а он думает, что ты насмехаешься над ним! Или ты не видишь его глаз?

Нет. Она не видела. Не могла поставить себя на его место, хотя всегда так остро чувствовала людей. На сердце Джека лег еще один камень. Мать уходила... во всех смыслах.

– Да, мадам.

– Потом, – продолжала она, – берете бутылку вермута – любого – и наклоняете над стаканом. Далее ставите бутылку на полку и приносите стакан мне. Так понятно?

– Да, мадам. – Водянисто-холодные новоанглийские глаза смотрели на его мать, не выказывая никаких теплых чувств. *Мы здесь одни*, подумал Джек, впервые до конца это осознав. *Только мы, и никого больше.* – Молодой человек?

– Я бы выпил колы, – промямлил Джек.

Официант ушел. Лили порылась в сумочке, достала пачку «Герберт Тэрритун» (Джек с детства помнил, что она их так называла; иногда мать просила: «Достань с полки пачку «Тэрритун», Джеки») и закурила. Выкашляла три клуба дыма.

Еще один камень на его сердце. Два года назад мать бросила курить. Джек ждал, что все вернется на круги своя со странным фатализмом, оборотной стороной детской доверчивости и наивности: она курила всегда и скоро закурит снова. Но она держалась... закурила лишь три месяца назад в Нью-Йорке. «Карлтон»⁸. Кружила по их квартире у Центрального парка, дымя как паровоз... или присаживалась на корточки рядом с тумбочкой, в которой лежали пластинки, и начинала их перебирать, свои – старые рок-н-рольные, мужа – старые джазовые.

– Ты снова куришь, мама? – спросил тогда он.

– Да, я курю капустные листья, – пошутила она.

– Лучше бы ты не курила.

– Почему бы тебе не включить телевизор? – перебила она с несвойственной ей резкостью, плотно сжав губы. – Может быть, как раз показывают Джимми Сваггерта или преподающего Айка. Посиди в аллилуйском уголке с аминьскими сестрами.

– Извини, – пробормотал он.

Тогда она курила только «Карлтон». Капустные листья. Но сейчас – «Герберт Тэрритун». Сине-белая старомодная пачка, сигареты с полоской у одного конца, которая выглядит как фильтр, но им не была. Он припомнил, как отец рассказывал кому-то, что сам курит «Уинстон», а его жена – «Черную чахотку».

⁸ «Карлтон» – сигареты с очень низким содержанием смолы и никотина.

– Увидел что-то необычное, Джек? – спросила мать, не сводя с него слишком ярких глаз, в свойственной ей странноватой манере зажав сигарету между средним и безымянным пальцами правой руки. Проверая, хватит ли у него смелости продолжить, подталкивая произнести: «Мама, я вижу, ты опять куришь «Тэрритун». Значит, ты пришла к выводу, что тебе уже нечего терять?»

– Нет. – Опять накатила волна тоски по дому, и ему захотелось плакать. – Не считая этого места. Оно немного загадочное.

Она огляделась и улыбнулась. Два других официанта – один толстый, другой худой, – оба в красных пиджаках с желтым лобстером на спине, стояли у двери на кухню, тихо беседуя. Бархатная веревка отделяла огромный обеденный зал от ниши, где сидели Джек с матерью. Перевернутые стулья зиккуратами возвышались на столах в этой темной пещере. В дальнем конце за окном во всю стену открывался панорамный вид на готическую береговую линию, навевавшую мысли о «Возлюбленной смерти» – фильме с участием его матери. Она играла очень богатую молодую женщину, вышедшую замуж за симпатичного таинственного незнакомца вопреки воле родителей. Симпатичный таинственный незнакомец привез ее в большой дом на берегу океана и попытался свести с ума. «Возлюбленная смерти» была типичным фильмом Лили Кавано: она снялась во многих черно-белых картинах, в которых неплохие, но давно забытые актеры со шляпами на головах разъезжали в кабриолетах «форд».

На бархатной веревке, отгораживавшей темную пещеру, висела табличка с надписью: «ЭТА ЧАСТЬ ЗАКРЫТА».

– Мрачновато здесь, верно? – спросила Лили.

– Прямо-таки «Сумеречная зона», – ответил Джек, и она засмеялась, хрипловато и заразительно.

– Да, Джеки, Джеки, Джеки! – Мать наклонилась и с улыбкой ласково взъерошила его чересчур длинные волосы.

Он отвел ее руку, тоже улыбаясь. *(Боже, не пальцы, а кости! Она умирает, Джек!..)*

– Руками не трогать!

– Отвали!

– Хиппово для старой калоши.

– Ах так? Попробуй на этой неделе выпросить у меня денег на кино.

– Заметано.

Они улыбнулись друг другу, но Джек не помнил, когда бы еще ему так хотелось плакать или когда бы он так сильно любил ее. Эта ее отчаянная самоуверенность... отчасти проявившаяся в возвращении к «Черной чахотке».

Принесли напитки. Она легонько коснулась его стакана своим.

– За нас.

– Идет.

Они выпили. Официант принес меню.

– Я слишком уж на него наехала, Джеки?

– Есть немного.

Она задумалась, потом пожала плечами.

– Что будешь есть?

– Пожалуй, морской язык.

– Я составлю тебе компанию.

Джек сделал заказ, смущенно запинаясь, но зная, что мать хочет именно этого, и после ухода официанта по взгляду матери понял, что справился неплохо. Заслуга в этом принадлежала дяде Томми. После похода в «Хардис» дядя Томми сказал: «Думаю, ты небезнаде-

жен, Джек, если только нам удастся одолеть твое отвратительное пристрастие к плавленому сыру».

Принесли еду. Джек смел морской язык, горячий, пахнувший лимоном, вкусный. Лили едва притронулась к своему, проглотила несколько зеленых фасолин, потом принялась возить остальное по тарелке.

– Занятия в школе начались две недели назад, – объявил Джек во время трапезы. Большие желтые автобусы с надписью «ШКОЛЫ ОКРУГА АРКАДИЯ» вызывали у него чувство вины, хотя при сложившихся обстоятельствах он никак не мог считаться виноватым. Тем не менее школу он прогуливал.

Лили вопросительно посмотрела на него. Она уже заказала и выпила второй стакан; теперь официант принес третий.

Джек пожал плечами.

– Подумал, что надо об этом упомянуть.

– Ты хочешь в школу?

– Что? Нет! Не здесь!

– Хорошо, – согласилась она. – Потому что у меня нет справок о твоих чертовых прививках, а без медицинской карты тебя в школу не примут, дружок.

– Не называй меня дружком, – ответил Джек, но Лили даже не улыбнулась.

Мальчик, почему ты не в школе?

Он моргнул, как будто этот голос прозвучал где-то рядом, а не у него в голове.

– Что-нибудь не так? – спросила она.

– Нет. Ну... в этом парке развлечений, в «Веселой стране», есть один человек. Дворник, сторож, что-то в этом роде. Старый негр. Он спрашивал, почему я не в школе.

Мать наклонилась вперед. Радость ушла, остался только испуг.

– Что ты ему сказал?

Джек вновь пожал плечами.

– Сказал, что выздоравливаю после мононуклеоза. Помнишь, как было с Ричардом? Доктор сказал дяде Моргану, что Ричарду нельзя ходить в школу шесть недель, но он может гулять на улице. – Джек слабо улыбнулся. – Я думал, ему повезло.

Лили немного расслабилась.

– Я не люблю, когда ты разговариваешь с незнакомыми людьми, Джек.

– Мама, он всего лишь...

– Мне не важно, *кто* он. Я не хочу, чтобы ты разговаривал с незнакомцами.

Джек подумал о старом негре, его поседевших волосах цвета стали, темном морщинистом лице, умных светлых глазах. Тот протирал большой шваброй пол в павильоне игровых автоматов на пирсе – круглый год в «Веселой стране» работал только этот павильон, но и он пустовал, если не считать Джека, и уборщика, и еще двух старичков. Они играли в скибол, храня флегматичное молчание.

Но сейчас, в этом немного жутковатом ресторане, вопрос задал не старый негр, а он сам.

Почему я не в школе?

Все так, как она сказала, сынок. Нет ни справок о прививках, ни медицинской карты. Ты думаешь, она захватила сюда твое свидетельство о рождении? Ты так думаешь? Она бежит, и ты бежишь вместе с ней. Ты...

– Есть новости от Ричарда? – обронила Лили, и едва она закончила фразу, как до Джека дошло – нет, это мягко сказано, его поразило, словно удар молнии. Руки дернулись, стакан упал со стола и разбился.

Она умирает, Джек.

Голос из песчаной воронки, прозвучавший в голове Джека.

Голос дяди Моргана. И никакого «возможно», никакого «похожий на», никакого «как будто». Реальный голос. Голос отца Ричарда.

6

В машине по пути домой она спросила:

– Что там с тобой произошло, Джек?

– Ничего. Мое сердце сыграло рифф Джина Крупы⁹. – Он отстукал ритм на приборной панели. – Устроило ускоренную вентиляцию легких, как в «Главном госпитале».

– Не умничай со мной, Джеки. – Мать выглядела усталой и измученной. Между средним и безымянным пальцами правой руки дымилась сигарета. Они ехали медленно – не быстрее сорока миль в час, – как всегда, если она садилась за руль, выпив лишнего. Лили выдвинула сиденье вперед до упора, юбка высоко задралась, колени торчали по обе стороны рулевой колонки, подбородок нависал над рулевым колесом. Она превратилась в старую каргу, и Джек быстро отвернулся.

– Ничего такого, – пробормотал он.

– Что?

– Я не умничаю. Почувствовал что-то вроде судороги, и все. Извини.

– Ладно, – ответила она. – Я подумала, это связано с Ричардом Слоутом.

– Нет.

Его отец говорил со мной из воронки в песке на берегу, ничего больше! Он говорил со мной в моих мыслях, как в фильме, где ты слышишь голос за кадром. Он сказал мне, что ты умираешь!

– Тебе его не хватает, Джек?

– Кого? Ричарда?

– Нет, Спиро Агню¹⁰. Конечно, Ричарда.

– Иногда. – Ричард Слоут учился в школе в Иллинойсе – одной из тех частных школ, где церковные службы входили в обязательную программу и ни у кого не было угревой сыпи.

– Ты с ним еще увидишься. – Лили взъерошила его волосы.

– Мама, с тобой все в порядке? – Эти слова сами собой слетели с языка. Джек почувствовал, как его пальцы впились в бедра.

– Да, – ответила она, прикуривая другую сигарету (и притормозив до двадцати миль – водитель ехавшего следом старого пикапа, объезжая их, возмущенно посигналил). – Лучше не бывает.

– На сколько ты похудела?

– Джеки, нельзя быть слишком худым или слишком богатым. – Мать помолчала и улыбнулась ему. В этой улыбке читались усталость и боль, и она сказала Джеку все, что он хотел знать.

– Мама...

– Хватит, – оборвала Лили. – Все хорошо. Поверь мне на слово. Посмотри, может, найдешь нам что-нибудь быстрое и ритмичное по приемнику.

– Но...

– Найди нам что-нибудь быстрое и ритмичное, Джеки, и закрой рот.

⁹ Джин Крупа (настоящее имя Юджин Бертрам Крупа, 1909–1973) – американский барабанщик-виртуоз, звезда «свинговой эры». Известен благодаря очень энергичному и яркому стилю.

¹⁰ Спиро Агню (настоящее имя Спирос Анагностопулос, 1918–1996) – вице-президент США от республиканской партии с 1969 по 1973 г.

Он нашел джаз на одной из радиостанций Бостона: альт-саксофон выводил «Все, что ты есть». А фоном служил ровный, бессмысленный рокот океана. Джек уже видел скелет «американских горок», чернеющий на фоне неба, и раскинувшиеся в разные стороны крылья «Альгамбры». Если это был их дом, они к нему подъезжали.

Глава 3 Спиди Паркер

1

На следующий день вернулось солнце, и его тяжелый и яркий свет, словно краска, ложился на ровную полоску пляжа и крытый красной черепицей скат крыши, который Джек видел из окна своей спальни. Длинная плоская волна вдали от берега, казалось, затвердела от света и послала ослепительный дротик прямо ему в глаза. Джек решил, что этот солнечный свет не такой, как в Калифорнии: разбавленный, более холодный, ненасыщенный. Волна посреди темного океана растворилась в нем, появилась вновь, и океан рассекла твердая слепящая золотая полоса. Джек отвернулся от окна. Он уже принял душ и оделся, и внутренние часы говорили, что пора на остановку школьного автобуса. Четверть восьмого. Но конечно, в школу ему сегодня не идти: в жизни все смешалось, и ему с матерью предстояло проскользнуть, как призракам, по еще двенадцати часам светлого времени суток. Ни распорядка дня, ни ответственности, ни домашних заданий... никаких дел, полный хаос, если не считать установленного администрацией отеля времени приема пищи.

Да и учебный ли нынче день? Джек застыл у кровати, чувствуя, как в нем шевельнулась паника: его мир становился таким неопределенным... но он не думал, что сегодня суббота. Он принялся отсчитывать уже прошедшие дни, пытаясь вспомнить хотя бы один, который совершенно точно отпечатался в памяти, и получилось, что это воскресенье. Отталкиваясь от него, выходило, что сегодня четверг. По четвергам он ходил в компьютерный класс к мистеру Бальго, а с утра занимался физкультурой. Так, во всяком случае, строился его день, когда жизнь текла своим чередом, но, хотя прошло всего несколько месяцев, время это, похоже, безвозвратно кануло в Лету.

Из спальни Джек вышел в гостиную. Раздвинул тяжелые шторы, и в окно хлынул свет, озарив всю комнату и выбелив мебель. Он включил телевизор и плюхнулся на диван. Мать встанет где-то через четверть часа, а сегодня, может, и позже, с учетом выпитых накануне за обедом трех бокалов «Мартини».

Джек посмотрел на дверь комнаты матери.

Двадцать минут спустя он тихо постучал.

– Мама?

В ответ раздалось сонное бормотание. Джек приоткрыл дверь и заглянул в спальню. Лили подняла голову с подушки и, едва разлепив глаза, посмотрела на него.

– Джеки. Доброе утро. Который час?

– Около восьми.

– Господи. Ты умираешь от голода? – Она села, прижала ладони к глазам.

– В каком-то смысле. Но больше меня тошнит от скуки. Хотел узнать, скоро ты встанешь?

– Вряд ли. Ты не против? Спустись в ресторан и позавтракай. Прогуляйся на пляж, ладно? Твоей маме будет сегодня значительно лучше, если ты дашь ей поспать еще часок.

– Хорошо, – кивнул он. – Конечно. Увидимся позже.

Ее голова уже упала на подушку.

Джек выключил телевизор и вышел из номера, предварительно убедившись, что ключ в кармане джинсов.

В лифте пахло камфарой и аммиаком – горничная уронила бутылку с тележки. Двери открылись; сидевший за регистрационной стойкой дневной портье хмуро глянул на Джека и нарочито отвернулся. Даже если ты ребенок кинозвезды, никаких привилегий тебе не положено, сынок... И почему ты не в школе? Джек направился к отделанному деревянными панелями входу в ресторан «Седло барашка», вошел и увидел ряды пустых столов в полутемном зале. Накрыто было от силы шесть. Официантка в белой блузке и красной плиссированной юбке взглянула на мальчика и отвернулась. В другом конце зала за столиком друг напротив друга сидели пожилые супруги. Больше желающих позавтракать не нашлось. Когда Джек посмотрел на них, старик, наклонившись над столом, механически разрезал яичницу, которую принесли его жене, на квадраты со стороной в дюйм.

– Столик на одного? – Позади него материализовалась женщина, днем встречавшая посетителей в «Седле барашка». В руке она уже держала меню – взяла из стопки на столике у входа.

– Я передумал, прошу прощения. – И Джек ретировался.

«Морской вал», кафетерий «Альгамбры», находился по другую сторону вестибюля, в конце длинного коридора, заставленного пустыми шкафами-витринами. Голод Джека испарился при мысли о том, как он будет сидеть у стойки и наблюдать за скучающим поваром, переворачивающим ломтики бекона на черном от сторовшего жира гриле. Он решил подождать, пока встанет мать, а еще лучше – купить пончик и пакет молока в каком-нибудь магазине по пути в город.

Джек толкнул высокую тяжелую дверь и вышел на солнечный свет, на секунду ослепивший его своей яркостью, – окружающий мир превратился в сверкающее пятно. Джек сощурился, пожалев, что не захватил солнцезащитные очки. Пересек вымощенную красным кирпичом площадку и спустился по четырем ступеням на подъездную дорожку, проложенную через сады к отелю.

Что будет, если она умрет?

Что его ждет, куда он пойдет, кто будет о нем заботиться, если вдруг произойдет самое худшее – и она умрет, умрет по-настоящему в этом гостиничном номере?

Он покачал головой, пытаясь отогнать ужасную мысль до того, как затаившаяся паника выскочит из ухоженных садов «Альгамбры» и разорвет его в клочья. Он не заплачет, не позволит такому случиться с ним и не позволит себе думать о «Тэрритунах», и о том, что она теряет вес, и об ощущении, что мать слишком беспомощна и не знает пути. Теперь он шел очень быстро, засунув руки в карманы. *Она убегает, сынок, и ты бежишь вместе с ней.* Убегает, но от кого? И куда бежит? Сюда... всего лишь сюда, в этот пустующий в межсезонье отель?

Джек добрался до более широкой улицы, которая уходила от берега в город. Расстилающаяся впереди пустота напоминала водоворот, который мог засосать его и выплюнуть в каком-то темном месте, где не существовало ни покоя, ни безопасности. Чайка пролетела над улицей, описала широкий полукруг и взяла курс на берег. Джек проследил взглядом, как она превращается в белое пятнышко над размытыми очертаниями «американских горок».

Лестер Спиди Паркер, чернокожий человек с курчавыми седыми волосами и глубокими морщинами, прорезавшими щеки, находился где-то там, в «Веселой стране», и именно со Спиди ему следовало повидаться. Джек внезапно понял это с абсолютной ясностью, как не было у него сомнений и в том, что из воронки в песке он слышал голос отца Ричарда.

Закричала чайка, волна окатила его ярким золотым отсветом, и Джек вдруг увидел дядю Моргана и своего нового друга Спиди аллегорическими противоположностями, застывшими на постаментах статуями НОЧИ и ДНЯ, ЛУНЫ и СОЛНЦА, тьмы и света. Поняв, что Спиди Паркер понравился бы его отцу, Джек тут же пришел и к другому выводу: для него старый блюзмен опасности не представляет. Дядя Морган... тут речь шла о совсем

другом человеке. Дядя Морган жил ради бизнеса, чтобы проворачивать сделки и делать деньги; его самолюбие не знало границ, он оспаривал любой розыгрыш мяча в теннисном матче, если возникала возможность истолковать его в свою пользу. Собственно, это безмерное честолюбие приводило к тому, что он жульничал даже в карточных играх, когда его сын уговаривал дядю Моргана присоединиться к ним. У Джека, во всяком случае, пару раз создавалось ощущение, что дядя Морган жульничает... а из этого следовало, что он не из тех, кто с достоинством признает поражение.

НОЧЬ и ДЕНЬ, ЛУНА и СОЛНЦЕ, ТЬМА и СВЕТ, и во всех этих парах чернокожий человек являл собой светлую сторону. Эти мысли привели к тому, что паника, которую Джек поборол в ухоженных садах перед отелем, накатила вновь. Он побежал.

2

Джек нашел Спиди стоящим на коленях рядом с серым, облупившимся павильоном игровых автоматов – старик обматывал изоляционной лентой толстый кабель, почти касаясь седой головой досок пирса, в то время как его тощий зад, обтянутый изношенными зелеными штанами, смотрел в небо; подошвы башмаков напоминали две поставленные на попа доски для серфинга – и вдруг осознал, что понятия не имеет, о чем собирался рассказать уборщику. Спиди обернул кабель еще одним слоем изоленды, удовлетворенно кивнул, достал выдавший виды складной нож из нагрудного кармана куртки и с хирургической точностью отрезал ленту от мотка. Джеку захотелось уйти: он лишь отвлечет человека от работы, да и как у него вообще могла возникнуть мысль, что Спиди каким-то образом сумеет ему помочь? Какую помощь он рассчитывал получить от старого уборщика пустыющего парка развлечений?

Но тут Спиди поднял голову, и на его лице отразилась такая искренняя и теплая радость – речь шла даже не об улыбке, радость эта читалась в углубившихся морщинах, – что Джек понял: по меньшей мере его не сочтут незванным гостем.

– Странник Джек. – Улыбка Спиди стала шире. – Я уж было решил, что ты меня сторонишься, а ведь мы только подружились. Рад снова видеть тебя, сынок.

– И я, – ответил Джек. – Я тоже рад вас видеть.

Спиди убрал нож в карман куртки и с такой легкостью, вроде бы безо всяких усилий, вернул вертикальное положение своему длинному костлявому телу, что возникло ощущение, будто он невесомый.

– Все здесь потихоньку разваливается. Я что-то где-то чиню, чтобы хоть как-то работало. – Уборщик замолчал, пристально всмотрелся в Джека. – В старом добром мире сейчас, похоже, тоже не слишком хорошо. Странник Джек весь в тревоге. Верно?

– Да, есть такое, – кивнул Джек. Он все еще понятия не имел, как выразить словами то, что его заботило. Это не укладывалось в обычные фразы, потому что в обычных фразах все выглядело таким здоровым! Раз... два... три... Жизнь Джека больше не маршировала по прямой. Невысказанное тяжелым камнем давило на сердце.

Он жалобно посмотрел на стоявшего перед ним высокого худого старика. Спиди засунул руки глубоко в карманы; кустистые седые брови сошлись у глубокой вертикальной складки. Взгляд его светлых, почти бесцветных глаз прошелся по местами вспученной краске пирса, встретился со взглядом Джека – и внезапно мальчику вновь стало легче. Он не понимал, как такое возможно, но Спиди словно удавалось общаться с ним на эмоциональном уровне; как будто они встретились не неделей раньше, а давным-давно и связывало их гораздо большее, чем несколько слов, сказанных в пустующем зале игровых автоматов.

– Ладно, на сегодня с работой закончили. – Спиди посмотрел в сторону «Альгамбры». – Если продолжу, только испорчу уже сделанное. Ты еще не видел мой кабинет?

Джек покачал головой.

– Пора и перекусить, парень. *Я уверен, время пришло.*

И Спиди зашагал к выходу с пирса. Джек едва поспевал за ним. Когда они спустились по лестнице на выгоревшую траву и вытопанную бурую землю и направились к строениям в дальнем конце парка, Спиди удивил Джека, внезапно запев.

*Странник Джек, Странник Джек
Пройдет по долгому пути.
Дольше лишь назад идти.*

Это не совсем пение, подумал Джек, *он не столько поет, сколько говорит со мной.* Если бы не слова, он бы с радостью вслушивался в хрипловатый, хорошо поставленный голос Спиди.

*По долгому пройдет пути,
Дольше лишь назад идти.*

Спиди оглянулся, его глаза весело блеснули.

– Почему ты так называешь меня? – спросил Джек. – Почему Странник Джек? Потому что я приехал из Калифорнии?

Они как раз подошли к выкрашенной в светло-синий цвет будке, в которой продавались билеты на «американские горки». Спиди сунул руки в карманы мешковатых рабочих штанов, крутанулся на каблуках и привалился спиной к стене. Быстрота и грациозность его движений выглядели почти театрально – словно старик ожидал этого вопроса.

*Пришел из Калифорнии —
Вернется в Калифорнию.*

Джеку показалось, что на лице Спиди, словно высеченном из камня, отразилась печаль.

*Прошел по долгому пути —
Ну а теперь назад идти,
О бедный Странник Джек.*

– Что? – переспросил Джек. – Назад? Думаю, моя мама продала дом... или сдала в аренду, или что-то в этом роде. Я не понимаю, черт побери, к чему ты клонишь, Спиди.

Он ощутил облегчение, когда Спиди ответил ему обычным голосом:

– Готов спорить, ты не помнишь нашу предыдущую встречу, Джек. Не помнишь, верно?

– Нашу предыдущую встречу? Где?

– В Калифорнии. По крайней мере мне *кажется*, что именно там. Нет ничего странного в том, что ты не помнишь, Странник Джек. Те несколько минут выдались очень суетными. И случилось это... дай вспомнить... четыре-пять лет назад. В тысяча девятьсот семьдесят шестом.

Джек с удивлением уставился на старика. В 1976-м? Ему тогда было семь.

– Давай отыщем мой маленький кабинет. – Спиди оттолкнулся от будки с присущей ему невесомой грацией.

Джек последовал за ним под высокие стойки «американских горок», тени которых черной сеткой расчертили землю под аттракционом, замусоренную пустыми банками из-под пива и обертками от сладостей. Рельсы нависали над головой, как недостроенный небо-

скреб. Джек видел, что идет Спиди с легкостью баскетболиста – голова поднята, руки опущены. В расчерченном тенями сумраке уборщик с его поджарым телом и упругой походкой выглядел гораздо моложе своего возраста – лет на двадцать с небольшим.

Потом он вышел на яркий солнечный свет, и еще пятьдесят прожитых лет посеребрили его волосы и покрыли морщинами шею. Джек остановился под последним рядом опор, подумав, а вдруг иллюзорная молодость Спиди Паркера сродни его грезам наяву, которые тоже всегда находились где-то рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки.

Семьдесят шестой год? Калифорния? Джек последовал за Спиди, направлявшимся к маленькой красной сторожке, что притулилась к проволочному забору в дальнем конце парка развлечений. Он точно знал, что никогда не встречал Спиди в Калифорнии... но почти неосознанное присутствие его фантазий вернуло еще одно воспоминание давно ушедших лет, видения и чувства второй половины того дня, когда он, шестилетний мальчик, катал черное игрушечное такси позади дивана в отцовском кабинете... а отец и дядя Морган неожиданно, волшебным образом, заговорили о его Дневных грезам.

У них магия, как у нас – физика, верно? Аграрная монархия, использующая магию вместо науки. Ты представляешь, какое гребаное влияние мы могли бы обрести, предложив им хотя бы электричество? А если дать современное оружие кому следует? Что ты думаешь по этому поводу?

Притормози, Морган, у меня есть мысли, которые, очевидно, еще не пришли тебе в голову...

Джек буквально слышал голос отца, и удивительная страна Дневных грез, казалось, начала материализоваться на замусоренном пустыре под «американскими горками». Он прибавил шагу, догоняя Спиди, который открыл дверь маленькой красной сторожки и прислонился к ней, улыбаясь без улыбки.

– В твоей голове что-то засело, Странник Джек. Что-то жужжит там, как пчела. Давай зайдем в мой кабинет, и ты мне все расскажешь.

Если бы его улыбка стала шире, более явной, Джек мог бы повернуться и убежать: очень уж его слова смахивали на насмешку. Но Спиди лучился искренней заботой и доброжелательностью – все морщинки на старом лице говорили об этом, – и мальчик прошел мимо него в сторожку.

В кабинете Спиди, выкрашенном той же красной краской, Джек не увидел ни стола, ни телефона. Два перевернутых ящика из-под апельсинов стояли у одной боковой стены, рядом с ними – не подключенный к сети обогреватель, напоминавший радиаторную решетку «понтака» пятидесятых годов. Середину комнаты занимали деревянный школьный стул с овальной спинкой и мягкое кресло, обитое выцветшей серой тканью.

Подлокотники кресла, похоже, драли несколько поколений кошек: лохмотья торчали во все стороны, как волосы; деревянную спинку школьного стула покрывали бесчисленные инициалы. Мебель со свалки. В одном углу двумя аккуратными футовыми стопками высились книги в обложках, в другой стоял дешевый проигрыватель с крышкой, имитировавшей крокодиловую кожу. Спиди указал на обогреватель.

– Приди ты сюда в январе – феврале, парень, понял бы, зачем он мне понадобился. Холодно! Бррр!

Но Джек уже рассматривал картинки на стене над ящиками из-под апельсинов.

Все, кроме одной, – вырезки из мужских журналов. Женщины с огромными грудями стояли, привалившись спиной к деревьям, расставив колоннообразные, накачанные ноги. Джека их лица завораживали и пугали – при поцелуе они могли откусить полгубы. Некоторые возрастом не уступали его матери, другие выглядели всего несколькими годами старше,

чем он сам. Глаза Джека скользили по их зовущей плоти – молодым и не очень лицам, розовым, шоколадно-коричневым или медово-золотистым телам, которые, казалось, жаждали его прикосновения, и он чувствовал, что Спиди стоит за спиной, наблюдая за ним. Потом взгляд Джека наткнулся на пейзаж, висевший среди фотоснимков обнаженных тел, и у него перехватило дыхание.

Тоже фотоснимок, но словно объемный и манящий. Длинная, поросшая травой равнина, сверкающая особенным, поразительно ярким оттенком зеленого, уходила к низкой, чуть возвышающейся над землей горной гряде. Над долиной и горами раскинулось бездонное синее небо. Джек буквально почувствовал свежесть тамошнего воздуха. Он знал это место. Никогда не бывал там, но знал. Страна Дневных грез.

– Завораживает, правда? – послышался голос Спиди, и Джек вспомнил, где находится. Евразийская женщина, повернувшись спиной к камере, выставила зад, формой напоминавший сердечко, и улыбалась ему через плечо.

Да, подумал Джек.

– Действительно, милое местечко, – продолжал Спиди. – Эту фотографию повесил я. Все девочки встретили меня, когда я сюда приехал. У меня не хватило духа сорвать их со стены. Они напоминают мне о временах, когда я колесил по миру.

Джек, вздрогнув, посмотрел на него, и старик ему подмигнул.

– Ты знаешь это место, Спиди? – спросил Джек. – То есть ты знаешь, где это?

– Может, да, может, и нет. Возможно, это Африка – где-то в Кении. А может, это всего лишь мое воспоминание. Присядь, Странник Джек. Кресло удобнее.

Джек развернул кресло так, чтобы видеть пейзаж.

– Это Африка?

– Может быть, и что-нибудь поближе. Скажем, место, куда можно попасть в любое время, если очень хочется.

Джек вдруг осознал, что уже некоторое время дрожит всем телом. Сжал кулаки и почувствовал, что дрожь сконцентрировалась в животе. Он уже не знал, хочется ли ему увидеть это место в стране Дневных грез, но вопросительно уставился на Спиди, который уселся на школьный стул.

– Так это не Африка?

– Я не знаю. Возможно... Я дал этому месту свое название, сынок. Я зову его Долины.

Джек вновь взглянул на фотографию – длинная равнина, низкие коричневые горы. Долины. Именно так; название подходило.

У них магия, как у нас – физика. Аграрная монархия... использующая магию вместо науки. А если дать современное оружие кому следует? – Дядя Морган строил планы. Отец притормозил его: Мы должны проявлять осторожность, действуя там... помни, мы в долгу у них, действительно в долгу...

– Долины, – повторил он за Спиди, пробуя название на вкус, словно спрашивая, соответствует ли оно тому месту на фотографии.

– Воздух там как лучшее вино в подвале богача. Теплый дождик. Такое это место.

– Ты там бывал, Спиди? – Джек отчаянно надеялся на откровенный ответ.

Но Спиди разочаровал его, и Джек заранее знал, что так оно и будет. Старик просто улыбнулся ему, на этот раз настоящей улыбкой, не вспышкой тепла.

– Черт, я никогда не выезжал за пределы Соединенных Штатов, Странник Джек. Даже во время войны. Не бывал дальше Техаса и Алабамы.

– Откуда же ты знаешь о... Долинах? – Джек начал свыкаться с этим названием.

– Я из тех, кто слышит истории. Самые разные, о двухголовых попугаях, людях, которые летают на собственных крыльях, людях, которые обращаются в волков, истории о королевах. Больных королевах.

...магия, как у нас – физика, верно?

Ангелы и оборотни.

– Я знаю истории об оборотнях, – кивнул Джек. – Про них даже мультфильмы есть. Но это все глупости, Спиди.

– Возможно, и нет. Я слышал, что если один человек выдергивает из земли редиску, то другой человек в полумиле от него ощущает запах этой редиски – так чист и прозрачен там воздух.

– Но ангелы...

– Люди с крыльями.

– И больные королевы, – добавил Джек в шутку – *да уж, ну и местечко ты выдумал, жокей на метле*. Но ему стало тошно, едва он произнес эти слова. Он вспомнил черный глаз чайки, объясняющий ему, что он смертен, пока птица выклевывала моллюска из раковины, и услышал насмешливый, настырный голос дяди Моргана, спрашивающий, может ли Джек позвать к телефону королеву Лили.

Королеву би-фильмов Лили Кавано.

– Ей-бо, – мягко произнес Спиди. – Кругом множество проблем, сынок. Больная королева... может, умирающая. *Умирающая*, сынок. И мир или два ждут, просто ждут, чтобы увидеть, а сможет ли кто-нибудь спасти ее.

Джек застыл с раскрытым ртом, будто сторож только что ударил его под дых. Спасти ее? Спасти свою мать? Вновь на него нахлынула паника: как он может спасти ее? И означает ли этот безумный разговор, что она действительно умирает в номере отеля?

– У тебя есть работа, Странник Джек, – заявил ему Спиди. – Работа, от которой тебе никуда не деться, и это святая правда. Мне бы хотелось что-нибудь изменить, но увы.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – ответил Джек. Воздух, казалось, не мог выйти из груди, перехватываясь в каком-то жарком кармане у горла. Посмотрев в другой угол красной комнаты, он заметил обшарпанную гитару, прислоненную к стене. Рядом лежал аккуратно свернутый в рулон надувной матрас. Спиди спал рядом со своей гитарой.

– Ой ли. – Спиди покачал головой. – Грядут перемены, и ты знаешь, о чем я. Тебе известно гораздо больше, чем ты думаешь. Намного больше.

– Но я ничего... – начал Джек, однако внезапно замолк. Он вдруг кое-что вспомнил и перепугался пуще прежнего. Еще один эпизод прошлого всплыл в памяти, требуя внимания. Джека мгновенно прошиб пот, кожа вдруг стала очень холодной, словно его окатили водой из шланга. Именно это воспоминание он пытался подавить вчера утром, стоя у лифта, надеясь, что его мочевого пузыря не лопнет.

– А не пора ли нам подкрепиться? – спросил Спиди и наклонился, чтобы сдвинуть в сторону незакрепленную половицу.

Джек вновь увидел двух ничем не примечательных мужчин, пытающихся затолкнуть его мать в машину. Ветви огромного дерева нависали над крышей автомобиля.

Спиди тем временем извлек из щели между половицами пинтовую бутылку. Сквозь темно-зеленое бутылочное стекло ее содержимое казалось черным.

– Это поможет тебе, сынок. Один глоток – это все, что тебе нужно... Это отправит тебя в новые места, поможет начать то, о чем я говорил.

– Я больше не могу оставаться, Спиди, – пробормотал Джек – ему не терпелось вернуться в «Альгамбру». На лице старика отразилось удивление, он вернул бутылку под полковицу. Джек уже вскочил. – Я волнуюсь.

– О своей маме?

Джек кивнул, пяясь к открытой двери.

– Тогда тебе лучше пойти и убедиться, что с ней все в порядке. Ты можешь вернуться сюда в любое время, Странник Джек.

– Ладно, – буркнул мальчик и добавил: – Думаю... думаю, я вспомнил, когда мы встречались раньше.

– Нет-нет, у меня ум зашел за разум. – Спиди затряс головой и замахал руками. – Твоя правда. Мы никогда не встречались до прошлой недели. Беги к маме и убедись, что для тревоги нет причин.

Джек выскочил из сторожки и помчался сквозь чуть поблекший солнечный свет к высокой арке, за которой начиналась улица. Над аркой видел большие буквы «АНАРТС ЯАЛЕСЕВ ИИДАКРА», темнеющие на фоне синего неба. Ночью они вспыхивали разноцветными лампами, складываясь в название парка развлечений, видное отовсюду. Пыль вылетала из-под кроссовок «Найк». Джек напрягал мышцы, заставляя себя прибавлять и прибавлять скорость, и, пробегая под аркой, почувствовал, что сейчас взлетит.

Тысяча девятьсот семьдесят шестой. Джек шел домой по Родео-драйв одним июньским днем. Июньским? Июльским?.. В какой-то из дней сухого сезона, но еще до того времени, когда все начинают тревожиться о возможных лесных пожарах. Теперь он не мог сказать, куда ходил. В гости к приятелю? Но точно не по какому-то срочному делу. Джек помнил, что наконец настало время, когда он больше не думал об отце каждую свободную секунду. Многие месяцы после смерти Филипа Сойера в результате несчастного случая на охоте воспоминания о нем, ощущение его утраты обрушивались на мальчика с сокрушающей силой, когда он меньше всего был к этому готов. В семь лет Джек знал, что у него отняли часть детства – при том, что тогдашний Джек был невероятно простодушным и наивным, – но он научился доверять матери, поверил в силу ее характера. Неопределенные жуткие угрозы больше не прятались в темных углах, в чуланах с приоткрытыми дверями, на улицах, окутанных тенью, в пустых комнатах.

События того бесцельного летнего дня 1976 года не оставили камня на камне от временной умиротворенности мальчика. После случившегося Джек полгода спал при свете; и его мучили кошмары.

С другой стороны улицы, за несколько домов от трехэтажного, в колониальном стиле, особняка Сойеров, к тротуару подкатил автомобиль. Зеленого цвета, и это все, что мог сказать об автомобиле Джек. Впрочем, нет, он еще знал, что это не «мерседес» – по внешнему виду он умел отличать только «мерседесы». Водитель опустил оконное стекло и улыбнулся Джеку. Поначалу мальчик подумал, что знает этого человека: он – знакомый Фила Сойера и решил поприветствовать его сына. Человек улыбался очень обаятельно: легко, естественно, узнаваемо. Другой мужчина, сидевший рядом с водителем, наклонился к открытому окну и всмотрелся в Джека сквозь очки слепого – круглые и такие темные, что они казались черными. Джек отметил его ослепительно белый костюм. А мгновением позже водитель с улыбкой обратился к мальчику:

– Сынок, как проехать к отелю «Бeverли-Хиллз»?

Выходило, что этот мужчина – незнакомец. Джек ощутил легкое разочарование.

Джек ответил, что надо проехать по улице чуть дальше. ОТЕЛЬ находился в той стороне, так близко, что отец, бывало, пешком ходил туда на деловые встречи за завтраком.

– Прямо по улице? – все еще улыбаясь, переспросил водитель.

Джек кивнул.

– Ты смысленный паренек, – похвалил его водитель, а второй мужчина хохотнул. – Знаешь, как далеко? – Джек покачал головой. – В паре кварталов, наверное?

– Да. – Джеку стало как-то не по себе. Водитель продолжал улыбаться, но теперь улыбка его выглядела яркой, тяжелой и пустой. И пассажир рассмеялся как-то хрипло и влажно, словно всасывал при этом что-то мокрое.

– Может, в пяти? Или в шести? Что скажешь?

– Скорее, в пяти или шести. – Джек отступил на шаг.

– Что ж, мне хочется отблагодарить тебя, дружок, – произнес водитель. – Ты, конечно, любишь сладости? – Из окна высунулась сжатая в кулак рука, потом пальцы разжались: на ладони лежала упаковка «Тутси ролл». – Это тебе.

Джек нерешительно шагнул вперед; в голове у него звучали тысячи предостережений о незнакомцах и сладостях. Но этот мужчина сидел в машине. Попытайся он что-нибудь сделать, Джек пробежал бы полквартала до того, как он открыл бы дверцу. И вежливость вроде бы требовала взять карамельки. Джек приблизился еще на один шаг. Взглянул мужчине в синие глаза, яркие и жесткие, как его улыбка. Интуитивно Джек чувствовал, что нужно опустить руку и уйти. Его рука приблизилась еще на дюйм или два к «Тутси ролл». Затем он попытался схватить упаковку кончиками пальцев.

Пальцы водителя сомкнулись на руке Джека, и пассажир в «слепых» очках громко засмеялся. Оторопев, мальчик взглянул в глаза державшему его мужчине и увидел, что они начали менять цвет – *подумал*, что, увидел, как они начали менять цвет – от синего к желтому.

Потом стали совсем желтыми.

Мужчина с пассажирского сиденья распахнул дверцу и побежал вокруг автомобиля. На лацкане его шелкового костюма блеснул маленький золотой крест. Джек яростно вырывался, но водитель, ослепительно и холодно улыбаясь, крепко держал мальчика.

– НЕТ! – крикнул Джек. – ПОМОГИТЕ!

Человек в черных очках открыл заднюю дверцу со стороны Джека.

– ПОМОГИТЕ МНЕ! – завопил мальчик.

Но его уже схватили и начали заталкивать в салон. Джек брыкался, продолжая кричать, но хватка мужчины не ослабевала. Мальчик извивался в его руках, пытаясь оторвать их от себя, и в какой-то момент с ужасом почувствовал, что под пальцами совсем не кожа. Повернул голову и увидел, что из рукава высовывается и держит его за бок нечто жесткое и твердое, больше всего напоминающее клешню или птичью лапу. Джек снова заорал.

Издали послышался громкий голос:

– Эй, оставьте этого мальчика в покое! Слышите, вы?! Оставьте мальчика в покое!

Джек с облегчением выдохнул, продолжая вырываться из цепких рук незнакомца. От угла к ним бежал высокий худощавый негр, продолжая кричать. Мужчина в белом костюме, державший Джека, бросил мальчика на тротуар и побежал вокруг автомобиля. За спиной Джека хлопнула дверь одного из домов – появился новый свидетель.

– Поехали, *поехали*. – Водитель уже нажимал на педаль газа. Человек в белом костюме запрыгнул на переднее сиденье, автомобиль рванул с места, по диагонали пересекая Родео-драйв. Едва не столкнулся с длинным белым «кленетом», за рулем которого сидел загорелый мужчина в тенниске и шортах. Тот возмущенно нажал клаксон.

Джек поднялся с тротуара. Кружилась голова. Какой-то лысый мужчина в светло-коричневом костюме «сафари» наклонился к нему и спросил:

– Кто они? Ты знаешь их имена?

Джек отрицательно покачал головой.

– Как ты себя чувствуешь? Мы сейчас вызовем полицию.

– Я хочу сесть, – ответил мальчик, и мужчина отступил на шаг.

– Ты хочешь, чтобы я вызвал полицию? – спросил он. Джек покачал головой.

– Не могу в это поверить, – продолжил мужчина. – Ты живешь здесь? Я же видел тебя раньше?

– Я Джек Сойер. Вон мой дом.

– Белый дом, – кивнул мужчина. – Ты сын Лили Кавано. Если хочешь, я отведу тебя домой.

– Где другой человек? – спросил его Джек. – Черный... который кричал.

Он отступил на шаг от мужчины в костюме «сафари» и огляделся: кроме них, на улице никого не было.

К автомобилю бежал Лестер Спида Паркер. *Тогда Спида спас мне жизнь*, осознал Джек и еще быстрее рванул к отелю.

3

– Ты завтракал? – спросила мать, выдохнув облако дыма. Шарф она повязала на голову, как тюрбан, и без волос лицо выглядело высохшим и ранимым. Полдьюма сигареты дымились между средним и безымянным пальцами. Перехватив его взгляд, она затушила окуроч в пепельнице.

– Нет, в общем-то нет. – Он переминался с ноги на ногу у двери в спальню.

– Отвечай четко, да или нет. – Она вновь повернулась к зеркалу. – Двусмысленность меня добивает. – В отражении ее руки, накладывавшие косметику на лицо, выглядели пугающе исхудалыми.

– Нет.

– Ладно, подожди секундочку, сейчас твоя мать превратит себя в красотку, а потом спустится с тобой вниз и купит все, что ты пожелаешь.

– Хорошо, – кивнул он. – Это так тоскливо, сидеть там одному.

– Не понимаю, о чем тебе тут тосковать... – Она наклонилась вперед, внимательно разглядывая свое лицо. – Не мог бы ты подождать в гостиной, Джеки? Я предпочитаю краситься в одиночестве. Женские секреты.

Он молча повернулся и ушел в гостиную.

Зазвонил телефон, и Джек подпрыгнул на фут.

– Мне ответить? – крикнул он.

– Будь любезен, – донесся бесстрастный голос матери.

Джек снял трубку.

– Алло?

– Привет, малыш, наконец-то я вас нашел. – Дядя Морган Слоут. – Что, скажи на милость, творится в голове твоей мамочки? Господи, ситуация действительно сильно осложнится, если кто-то не начнет вникать в подробности. Она рядом? Скажи ей, что она должна поговорить со мной... мне все равно, что она скажет, она должна поговорить со мной. Поверь мне, малыш.

Рука Джека, державшая трубку, упала. Ему хотелось положить ее на рычаг, сесть с матерью в автомобиль и уехать в другой отель в другом штате. Но вместо этого он крикнул:

– Мама, звонит дядя Морган. Говорит, что ты должна с ним поговорить.

Какое-то время она молчала, и Джек пожалел, что не видит выражения ее лица. Наконец Лили ответила:

– Я возьму трубку у себя, Джеки.

Джек уже знал, что ему делать. Мать мягко закрыла дверь в спальню. Он услышал, как она возвращается к туалетному столику, снимает трубку с телефонного аппарата.

– Я взяла трубку! – крикнула Лили через дверь.

– Хорошо, – ответил он, прижал трубку к уху, а ладонью прикрыл микрофон, чтобы никто не слышал его дыхания.

– Высший пилотаж, Лили, – заговорил Морган. – Потрясающе. Если бы ты по-прежнему снималась, мы бы смогли на этом что-нибудь наварить. Заголовки в газетах «Куда пропала известная актриса» и все такое. Не пора ли вновь начать вести себя, как положено здравомыслящему человеку?

– Как ты меня нашел? – спросила она.

– Думаешь, тебя трудно найти? Не смей людей, Лили. Я хочу, чтобы ты немедленно вернулась в Нью-Йорк и на этот раз перестала убегать.

– По-твоему, я убегаю, Морган?

– Тебе осталось не так много времени, Лили, и я не хочу тратить свое, разыскивая тебя по всей Новой Англии. Послушай, твой пацан не положил трубку.

– Разумеется, положил.

Сердце Джека перестало биться несколькими мгновениями раньше.

– Не подслушивай, малыш! – рыкнул на него голос дяди Моргана.

– Это нелепо, Морган.

– Я скажу тебе, что нелепо, женщина. Ты умчалась на какой-то паршивый курорт, когда твое место в больнице. Вот это нелепо. Господи, разве ты не знаешь, что нам надо принять миллион деловых решений? Я забочусь об образовании твоего сына, и, похоже, не зря, черт побери! Потому что тебе не до этого!

– Я больше не хочу говорить с тобой.

– Не хочешь, но придется. Я приеду и насильно отправлю тебя в больницу, если до этого дойдет. Мы должны оформить договоренности, Лили. Тебе принадлежит половина компании, которой я пытаюсь управлять... и Джек получит эту половину после того, как ты уйдешь. Я хочу быть уверенным, что о Джеке позаботятся. А если ты считаешь, что ваше пребывание в этом чертовом Нью-Хэмпшире и есть забота о Джеке, тогда ты больна гораздо серьезнее, чем думаешь.

– Чего ты хочешь? – усталым голосом спросила Лили.

– Ты знаешь, чего я хочу – чтобы обо всех позаботились. Я хочу справедливости. Я позабочусь о Джеке, Лили. Я дам ему пятьдесят тысяч в год – подумай об этом, Лили. Я прослежу, чтобы он поступил в хороший колледж. А с тобой он даже не ходит в школу.

– Благородный Слоут! – фыркнула мать.

– Ты думаешь, это ответ? Лили, тебе нужна помощь, и предлагаю ее только я.

– И какова твоя доля, Слоут? – спросила его мать.

– Ты чертовски хорошо это знаешь. Я хочу то, на что имею право. Я беру причитающееся мне. Твои акции «Сойер и Слоут». Я пахал в этой компании, не разгибая спины, и она должна стать моей. Завтра утром мы можем подписать необходимые бумаги, а потом позаботиться о твоём здоровье.

– Как позаботились о здоровье Томми Вудбайна? Иногда я думаю, что вы с Филом добились слишком большого успеха, Морган. С управлением компанией «Сойер и Слоут» не возникало особых проблем, пока ты не занялся инвестициями в недвижимость и постановкой фильмов. Помнишь время, когда у вас в клиентах значились пара вышедших в тираж комиков да полдесятка начинающих актеров и сценаристов? До того как появились мегабаксы, жизнь мне нравилась гораздо больше.

– Да что ты знаешь об управлении компанией?! – завопил дядя Морган. – Ты собой не можешь управлять! – Он попытался успокоиться. – И я забуду, что ты упомянула Тома Вудбайна. Это низко даже для тебя, Лили.

– Я собираюсь положить трубку, Слоут. Держись от меня подальше. И держись подальше от Джека.

– Ты собираешься в больницу, Лили, и тогда вся эта беготня прекра...

Мать бросила трубку на середине предложения дяди Моргана, после чего Джек мягко положил свою. Отошел на пару шагов к окну, чтобы его не застали рядом с телефонным аппаратом. Из-за закрытой двери в спальню не доносилось ни звука.

– Мама? – позвал он.

– Да, Джеки? – Ее голос слегка дрожал.

– Ты в порядке? Все хорошо?

– У меня? Естественно. – Послышались мягкие шаги, и дверь в спальню приоткрылась. Их взгляды встретились, его синие глаза всмотрелись в ее, такие же синие. Лили полностью распахнула дверь. На мгновение повисла неловкая тишина. – Разумеется, все хорошо. А почему нет? – Взгляды расцепились. Произошел обмен информацией, но какой? Джек задался вопросом, знала ли она, что он подслушивал. И подумал, что впервые они признали – оба – факт ее болезни.

– Я не знаю. – В голосе Джека слышалось смущение. Болезнь матери, эта великая запретная тема, теперь разделяла их все увеличивающейся пропастью. – Точно не знаю. Но дядя Морган, похоже... – Он пожал плечами.

По телу Лили пробежала дрожь, и Джека ждало новое открытие. Его мать боялась... боялась, как и он.

Она сунула сигарету в рот, щелкнула зажигалкой. Бросила на Джека еще один пронзающий взгляд.

– Не обращай внимания на этого паразита, Джек. Я разозлилась только потому, что нет никакой возможности скрыться от него. Твоему дяде Моргану нравится наезжать на меня. – Мать выдохнула серый дым. – Боюсь, аппетита для завтрака у меня не осталось. Почему бы тебе не пойти вниз и не позавтракать по-настоящему?

– Пойдем со мной, – попросил он.

– Я хочу немного побыть одна, Джек. Постарайся это понять.

Постарайся это понять.

Поверь мне.

Эти фразы, которые произносят взрослые, когда имеют в виду что-то совсем иное.

– Когда ты вернешься, я стану более общительной. Обещаю.

В действительности она говорила: *Я хочу рвать и метать, не могу больше этого терпеть, убирайся, убирайся!*

– Тебе чего-нибудь принести?

Она покачала головой, сухо улыбнулась, и ему пришлось покинуть гостиную, хотя он тоже не хотел завтракать. Джек побрел по коридору к лифтам. Он вновь мог пойти только в одно место, но на этот раз понял, что другого пути нет, еще до того, как спустился в тускло освещенный вестибюль и увидел бледного и строгого дневного портье.

4

Джек не нашел Спиди Паркера в маленькой красной сторожке, служившей тому кабинетом. Не нашел ни на длинном пирсе, ни в павильоне игровых автоматов, где два старика играли в скибол, и, будь это война, оба знали, что потерпят поражение. Не оказалось Спиди и на замусоренном пустыре под «американскими горками». Джек Сойер бесцельно бродил по парку развлечений под ярким солнцем, оглядывая пустынные аллеи и аттракционы. Сидевший в нем страх усилился. Допустим, что-то случилось со Спиди? Невозможно, конечно, но вдруг дядя Морган прознал про Спиди (и что, что он мог прознать?), и... мысленно

Джек увидел выкатывающийся из-за угла фургон с надписью «ДИКОЕ ДИТЯ». Заскрежетала коробка передач, фургон начал набирать скорость.

Джек вырвался из грезы и зашагал дальше, понятия не имея, где искать Спида. В накалившей на него волне паники он представил дядю Моргана, пробегающего мимо ряда кри-вых зеркал, превращенного ими в череду чудовищных, деформированных фигур. На лысом черепе выросли рога, между мясистыми плечами появился горб, толстые пальцы превратились в загребущие когти. Джек резко свернул направо и увидел перед собой странной формы, почти круглое здание, обитое белыми планками.

Изнутри вдруг донеслось ритмичное *тук-тук-тук*. Мальчик побежал на этот звук – туда, где кто-то то ли бил разводным ключом по трубе, то ли стучал молотком по наковальне, – на звук какой-то работы. Среди множества планок он обнаружил дверную ручку и потянул на себя хлипкую дверь.

Джек вошел в полосатую темноту, и звук усилился. Окруживший мальчика густой сумрак изменил все вокруг, он уже не представлял себе, что далеко, а что близко. Джек вытянул руки и коснулся парусины. Сдвинул ее в сторону, и тут же перед глазами вспыхнул желтый свет.

– Странник Джек, – раздался голос Спида.

Мальчик повернулся на голос и увидел сторожа, который сидел на земле рядом с частично разобранным каруселью. В руке он держал ключ, а перед ним лежала на боку белая лошадка с пушистой гривой и торчащим из живота серебристым штырем, которым она крепилась к поворотному кругу. Спиди мягко положил ключ на землю.

– Теперь ты готов к разговору, сынок? – спросил он.

Глава 4 Переход Джека

1

– Да, готов, – ровным голосом ответил Джек, а потом разрыдался.

– Говори, Странник Джек. – Спиди оставил ключ на земле и подошел к мальчику. – Говори, сынок, тебе сразу полегчает, сразу...

Но говорить Джек не мог. Внезапно пришло осознание, что ему этого не вынести, не вынести, или он плачет, или его накрывает огромная волна черноты – волна, которую не подсвечивала ни одна золотая искорка. Слезы причиняли боль, но Джек чувствовал, что ужас убьет его, если он не выплачется.

– Поплачь, Странник Джек. – Спиди обнял его. Джек прижался опухшим горячим лицом к тонкой рубашке, вдыхая запах мужчины – что-то от «Олд спайс», что-то от корицы, что-то от библиотечных книг, которые долгое время никто не брал. Хорошие запахи, успокаивающие. Мальчик обнял Спиди. Его ладони нащупали кости на спине старика, у самой кожи, прикрытые тонким слоем мышц.

– Плачь, если это поможет тебе успокоиться. – Спиди покачивал его. – Иногда помогает, я знаю. Спиди знает, как далеко ты был, Странник Джек, и как далеко тебе придется пойти, и как ты устал. Поэтому поплачь, если тебе от этого полегчает.

Джек едва понимал смысл слов – слышал только звуки, успокаивающие, приносящие облегчение.

– Моя мать действительно больна, – наконец пробубнил он в грудь Спиди. – Я думаю, она приехала сюда, чтобы быть подальше от старого делового партнера отца, мистера Морган Слоута. – Джек всхлипнул, отпустил Спиди, отступил на шаг, вытер опухшие глаза ладонями. Его удивило полное отсутствие смущения – раньше он стыдился плакать на людях... это было все равно что обмочить штаны. Не потому ли, что его мать всегда держалась так сурово? Джек полагал, что отчасти и поэтому, все верно. Лили Кавано слез не жаловала.

– Но это не единственная причина, которая привела ее сюда?

– Нет, – прошептал Джек. – Я думаю, она приехала сюда умирать. – На последнем слове его голос поднялся до визга, словно скрипнула несмазанная петля.

– Возможно. – Спиди пристально смотрел на Джека. – И возможно, ты здесь, чтобы спасти ее. Ее... и другую женщину, такую же, как она.

– Кто она? – Губы Джека онемели. Он знал кто. Имени не знал, но знал кто.

– Королева, – ответил Спиди. – Ее зовут Лаура Делессиан, и она королева Долин.

2

– Помоги мне, – пробурчал Спиди. – Подержи Серебряную Леди под хвостом. Ты, конечно, позволишь себе вольности с Леди, но, думаю, она не будет возражать, если ты pomoжешь вернуть ее на положенное место.

– Так ты ее называешь? Серебряная Леди?

– Будь уверен. – Спиди улыбнулся, показав дюжину зубов, верхних и нижних. – У всех карусельных лошадей есть имена, или ты этого не знал? Держи крепче, Странник Джек.

Джек сунул руки под деревянный хвост белой лошади, сцепил пальцы. Спиди, крикнув, обхватил большими коричневыми ладонями передние ноги Леди. Вдвоем они отнесли деревянную лошадь к поворотному кругу карусели, вниз штырем, чей конец поблескивал машинным маслом.

– Чуть левее... – прохрипел Спиди. – Да... теперь опускаем ее, Странник Джек! Только осторожно!

Они вставили штырь в гнездо и выпрямились. Джек тяжело дышал, Спиди улыбался и хватал ртом воздух. Потом негр смахнул пот со лба и все с той же улыбкой повернулся к Джеку.

– Какие мы молодцы, а?

– Как скажешь, – ответил Джек, тоже улыбаясь.

– Так и скажу! Ей-бо! – Спиди сунул руку в задний карман и достал пинтовую бутылку из темно-зеленого стекла. Снял крышку, выпил – и Джек мог поклясться, что видит сквозь Спиди, тот стал прозрачным, совсем как призраки в сериале «Топпер», который показывали в Лос-Анджелесе по одному из кабельных каналов. Спиди исчезал. *Исчезал*, подумал Джек, *или перемещался куда-то?* Но конечно, это была безумная мысль, напрочь лишенная здравого смысла.

Потом Спиди стал таким же, как прежде. Просто глаза сыграли с Джеком злую шутку, мгновенная...

Нет. Не сыграли. На мгновение он почти покинул этот мир!

...галлюцинация.

Спиди пристально смотрел на мальчика. Уже собрался протянуть бутылку Джеку. Потом покачал головой, наверху на горлышко крышку, вернул бутылку в задний карман. Повернулся к Серебряной Леди, занявшей свое законное место на карусели. Теперь оставалось только надежно закрепить штырь.

– Мы потрудились на славу, Странник Джек.

– Спиди...

– У них у всех есть имена. – Спиди медленно обходил поворотный круг, его шаги гулко отдавались под высоким потолком. Наверху, где в сумраке едва виднелись потолочные балки, тихонько переговаривались деревенские ласточки. Джек последовал за стариком. – Серебряная Леди... Полночь... этот чалый – Скаут... эта кобылка – Шустрая Элла.

Спиди запрокинул голову и запел, распугав ласточек:

– «Шустрая Элла развлекся не прочь... очень был занят Билл Мартин в ту ночь». Эй! Смотри, как они летят! – Уборщик рассмеялся... но, повернувшись к Джеку, вновь стал серьезным. – Ты ведь хочешь попытаться спасти жизнь своей матери, Джек? Ее и другой женщины, о которой я тебе говорил?

– Я... – «Не знаю как», – собирался ответить Джек, но голос внутри, голос, который шел из той самой прежде запертой комнатки, где хранилось воспоминание о двух мужчинах, пытавшихся его похитить, вдруг набрал силу: *Ты знаешь! Тебе, возможно, понадобится помощь Спиди, чтобы сделать первый шаг, но ты знаешь, Джек. Знаешь.*

Он очень хорошо знал этот голос. Естественно – голос его отца.

– Я попытаюсь, если ты скажешь мне, что надо делать, – ответил он дрожащими губами.

Спиди уже отошел к дальней стене – высокой, закругленной, из узких планок, с нарисованными на ней мчащимися лошадьми. Джеку эта стена напомнила сдвигающуюся доску отцовского стола (а стол этот стоял в кабинете Моргана Слоута, внезапно вспомнил он, когда они с матерью оказались там в последний раз; мысль эта разозлила мальчика).

Спиди достал здоровенную связку ключей, задумчиво принялся их перебирать, нашел нужный, вставил в висячий замок. Вытащил ушко из скобы, защелкнул, сунул замок в один

из нагрудных карманов. Потом толкнул стену, и она отъехала в сторону. Яркий солнечный свет залил помещение, заставив Джека зажмуриться. Солнечные зайчики от волн мягко заплясали по потолку. Джеку открылся великолепный вид на океан, которым любовались наездники всякий раз, когда Серебряная Леда, и Полночь, и Скаут проносили их мимо восточной части круглого строения, в котором находилась карусель. Легкий ветерок с океана отбросил волосы со лба Джека.

– Лучше смотреть на солнечный свет, если мы собираемся об этом поговорить, – пояснил Спиди. – Иди сюда, Странник Джек, и я расскажу тебе все, что смогу... пусть и не все, что знаю. И не дай тебе Бог когда-нибудь узнать все.

3

Спиди говорил тихо, мягким и приятным голосом, который ассоциировался у Джека с хорошо выделанной кожей. Джек слушал, иногда хмурился, случалось, и ахал.

– Речь пойдет о том, что ты называешь Дневными грезами.

Джек кивнул.

– Только это не грезы, Странник Джек. Не дневные грезы и не ночные кошмары. Тот мир реальный. Во всяком случае, достаточно реальный. Сильно отличается от нашего, но реальный.

– Спиди, моя мама говорит...

– Сейчас это не важно. Она не знает о Долинах... но в каком-то смысле она о них знает. Потому что твой отец, *он* знал. И этот другой человек...

– Морган Слоут?

– Да, пожалуй. Он тоже знает. – Спиди помолчал, затем резко добавил: – И я знаю, кто он там. Конечно, знаю! Еще бы мне не знать!

– Этот фотоснимок в твоём кабинете... не Африка?

– Не Африка.

– Правда?

– Да.

– И мой отец бывал там? – спросил Джек, сердцем уже зная ответ. И ответ этот слишком многое прояснял, чтобы не быть правдой. Джек не знал, во что готов поверить. Волшебные страны? Больные королевы? От этого ему становилось не по себе. Он начинал тревожиться о своём душевном здоровье. Разве в детстве мать не говорила ему снова и снова, что он не должен путать Дневные грезы с реальной жизнью? Говорила так строго, что даже пугала Джека. Возможно, подумал он, она и сама боялась. Разве она могла столь долго жить с отцом Джека и *ничего* не знать? Вряд ли. *Возможно*, сказал он себе, *знала она не много, но достаточно для того, чтобы бояться.*

Сходить с ума. Так она это называла. Люди, которые не могут отличить реальное от воображаемого, сходят с ума.

Но ведь его отец придерживался иного мнения? Да. Он и Морган Слоут.

У них магия, как у нас – физика, верно?

– Твой отец часто бывал там, да. И этот другой человек, Гроут...

– Слоут.

– Да. Он самый. Он тоже там бывал. Только твой отец, Джеки, он приходил туда, чтобы смотреть и учиться. А другой парень, он появлялся там только ради наживы.

– Это Морган Слоут убил моего дядю Томми? – спросил Джек.

– Об этом мне ничего не известно. Ты просто слушай меня, Странник Джек, потому что времени мало. Если ты действительно думаешь, что этот тип, Слоут, собирается заявиться сюда...

– По голосу я понял, что он страшно зол. – Джек начинал нервничать от одной мысли о том, что дядя Морган может примчаться в Аркадия-Бич.

– Тогда времени еще меньше. Ему смерть твоей матери только на руку. И его двойник, конечно же, надеется, что королева Лаура умрет.

– Двойник?

– У людей в этом мире есть двойники в Долинах, – ответил Спиди. – Не у всех, потому что численность населения там гораздо меньше... может, один человек там на сто тысяч здесь. Но двойникам легче всего переходить туда и обратно.

– Королева... она... моя мать... ее двойник?

– Да. Похоже на то.

– Но моя мать никогда...

– Да. Никогда там не бывала. Не было причины.

– У моего отца... был двойник?

– Да, был. Милый человек.

Джек облизнул губы... безумный какой-то разговор! Двойники и Долины!

– Когда мой отец умер здесь, его двойник умер там?

– Да. Не в тот же миг, но почти.

– Спиди?

– Что?

– У меня есть двойник? В Долинах?

Спиди посмотрел на него так серьезно, что Джек почувствовал пробежавший по спине холодок.

– У тебя нет, сынок. Ты единственный. Ты особенный. И этот Смут...

– Слоут. – Джек чуть улыбнулся.

– ...Да, как ни назови, он это знает. Это одна из причин, по которым он появится здесь очень скоро. И одна из причин, по которым ты должен отправляться в путь.

– *Почему?* – выкрикнул Джек. – Какой в этом смысл, если у нее рак? Если у нее рак и она здесь, вместо того чтобы лежать в клинике, причина только одна: надежды на спасение нет. Если она здесь, это означает... – Вновь подкатили слезы, но он вступил с ними в борьбу и победил. – Это означает, что... что ей конец.

Ей конец. Да, и сердцем он это тоже знал: ускорившаяся потеря веса, коричневые тени под глазами. *Ей конец, но, пожалуйста, Господи, эй, Господи, пожалуйста, чувак, это же моя мама...*

– Я хочу сказать, чем здесь поможет страна Дневных грез? – добавил он сиплым голосом.

– Думаю, пока хватит. – На вопрос Спиди не ответил. – Просто поверь, Странник Джек. Я бы никогда не сказал, что ты должен отправляться в путь, если бы ты не мог ей помочь.

– Но...

– Помолчи, Странник Джек. Нет смысла продолжать, пока ты не уяснишь смысла моих слов. Толку не будет. Пойдем.

Спиди обнял Джека за плечи и повел вокруг карусели. Они вместе вышли через дверь и зашагали по одной из пустынных аллей парка развлечений. Слева располагалось здание автодрома «Демонические автомобили», закрытое на все замки, с заколоченными окнами, справа – павильоны «Бросай до победного», «Знаменитые пицца и пончики с пирса», «Стрелковый тир» (также заколоченный; по доскам прыгали выцветшие на солнце дикие звери – львы, и тигры, и медведи, вот так).

Добрались до широкой главной улицы, которая называлась Променад-авеню, совсем как в Атлантик-Сити, но в парке развлечений «Аркадии веселая страна» настоящего променада не было – только пирс. Здание игровых автоматов теперь находилось в сотне ярдов

слева, а арка на входе в парк – в двухстах ярдах справа. Джек слышал и размеренный грохот обрушивавшихся на берег волн, и одинокие крики чаек.

Он посмотрел на Спиди, желая спросить, что теперь и что дальше, всерьез это или злая шутка... но ничего такого не сказал. Спиди протягивал ему зеленую бутылку.

– Это... – начал Джек.

– Отправит тебя туда, – пояснил Спиди. – Многим людям, которые отправляются туда, ничего такого не требуется, но ты давно там не был, правда, Джеки?

– Да.

Когда в последний раз он закрывал глаза в этом мире и открывал их в волшебной стране Дневных грез, мире с насыщенными, будоражащими запахами, с глубоким прозрачным небом? В прошлом году? Нет? Раньше... В Калифорнии... после смерти отца. Ему тогда было...

Глаза Джека широко раскрылись. Девять лет? Так давно? *Три года* назад?

Пугала сама мысль о том, как легко, как незаметно эти Дневные грезы, иногда радостные, иногда темные и тревожные, ушли от него – словно немалая часть его воображения умерла безболезненно, не сообщив об этом.

Он быстро взял у Спиди бутылку, едва не выронив ее. Ощутил панику. Некоторые Дневные грезы тревожили, все верно, и строгие наказания матери не смешивать реальность и выдумку (*другими словами, не сходи с ума, Джеки, не теряй здравомыслия, лады?*) немного пугали, но теперь он понимал, что все-таки не хотел полностью терять тот мир.

Джек посмотрел в глаза Спиди и подумал: *Он знает и это. Знает все, о чем я только что подумал. Кто ты, Спиди?*

– Если какое-то время там не бывать, забываешь, как попасть туда. – Спиди кивнул на бутылку. – Вот почему я даю тебе этот волшебный сок. Это особое средство! – В голосе Спиди слышалось чуть ли не благоговение.

– Оно оттуда? Из Долин?

– Нет. Магия есть и здесь, Странник Джек. Не так чтобы много, но есть. Этот волшебный сок из Калифорнии.

Джек с сомнением посмотрел на бутылку.

– Давай. Глотни капельку, и посмотрим, не отправишься ли ты в путешествие. – Спиди улыбнулся. – Если выпить достаточно много, можно отправиться в любое место. Перед тобой тот, кто знает.

– Господи, Спиди, но... – Джек ощутил страх. Во рту пересохло, солнце вдруг стало чересчур ярким, он чувствовал, как кровь стучит в висках. Под языком появился медный привкус, и Джек подумал: *Вот каким «волшебный сок» будет на вкус – отвратительным.*

– Если ты испугаешься и захочешь вернуться назад, сделай еще глоток, – сказал Спиди.

– Она отправится туда со мной? Бутылка? Ты обещаешь? – Его замутило от мысли, что он может остаться там, в загадочном и неведомом мире, тогда как его больная мать и досаждающий ей Слоут будут здесь.

– Обещаю.

– Ладно. – Джек поднес бутылку к губам... чуть опустил руку. Ужасный запах – резкий и противный. – Я не хочу, Спиди, – прошептал он.

Лестер Паркер смотрел на Джека, и губы его улыбались, но не глаза – они оставались суровыми. Требовательными. Пугающими. Джек подумал о черных глазах: глаз чайки, глаз воронки. Его охватил ужас.

Он протянул бутылку Спиди.

– Возьми ее, – попросил он молящим шепотом. – Пожалуйста.

Спиди не ответил. Не стал напоминать, что мать умирает, а Морган Слоут вот-вот придет. Не назвал Джека трусом, хотя тот никогда в жизни не чувствовал себя большим трусом,

чем теперь, даже когда в летнем лагере «Эккомак» попятился с доски, не решившись прыгнуть в воду с вышки. Спиди повернулся к нему спиной и засвистел, глядя на облака.

Теперь к ужасу присоединилось одиночество, накрыло Джека, словно волна. Спиди отвернулся от него. Спиди стоял к нему спиной.

– Ладно, – вырвалось у Джека. – Ладно, раз ты считаешь, что я должен это сделать.

Мальчик вновь поднял бутылку и глотнул, прежде чем разум подсунул ему новые доводы для отказа.

На вкус снадобье оказалось даже хуже, чем он предполагал. Раньше он пробовал вино, оно ему даже понравилось (особенно сухие белые вина, которые его матери подавали с морским языком, снэппером или рыбой-мечом), и эта жидкость чем-то напоминала вино... но одновременно являла собой насмешку над всеми винами, которые ему доводилось пробовать. Вкус был резкий, сладкий, с тухлинкой, вкус не живого винограда, а мертвого, которому к тому же и жилось не очень-то хорошо.

Когда рот наполнился этим ужасным, сладко-мерзостным вкусом, Джек буквально представил себе грозди ягод – тусклых, запыленных, раздувшихся и гадких, висящих на грязной оштукатуренной стене под густым и вязким солнечным светом, в тишине, нарушаемой только жужжанием множества мух.

Он проглотил снадобье, и огонь змеей спустился в живот.

Джек закрыл глаза, поморщился, содержимое желудка едва не выплеснулось наружу. Его не вырвало, но Джек не сомневался, что без этого бы не обошлось, если бы он успел позавтракать.

– Спиди...

Он открыл глаза, и следующее слово застряло в горле. Джек забыл о тошноте, вызванной этой мерзкой пародией на вино. Он забыл о матери, и о дяде Моргане, и об отце, да и обо всем остальном.

Спиди исчез. Изгибающиеся на фоне неба арки «американских горок» – тоже. Исчезла Променад-авеню.

Он перенесся в какое-то другое место. Он перенесся...

– В Долины, – прошептал Джек, и по его телу пробежала дрожь ужаса и восторга. Он чувствовал, что волосы на затылке стоят дыбом, чувствовал, как идиотская улыбка растягивает уголки рта. – Спиди, я здесь, Господи. Я в Долинах! Я...

Но от изумления у него перехватило дыхание. Джек прижал руку ко рту и медленно повернулся на триста шестьдесят градусов, оглядывая новый мир, в который его перенес «волшебный сок» Спиди.

4

Океан остался на прежнем месте, но его синева стала более темной и насыщенной – обрела самый настоящий цвет индиго. На мгновение Джек замороженно застыл, легкий ветерок с воды трепал его волосы. Он смотрел на горизонт, где индиго океана встречалось с небом цвета линялой джинсы.

Линия горизонта слабо, но явственно изгибалась.

Джек покачал головой, нахмурился, повернулся к материку. Морская трава, высокая, густая, дикая, росла там, где минутой раньше стояло здание с каруселью. Пирс с павильоном игровых автоматов исчез. На его месте вдавалось в океан нагромождение гранитных блоков. Волны бились о камень, проникая в древние трещины и тоннели. Ключья пены, густой, как взбитые сливки, взлетали в чистый воздух и уносились ветром.

Джек резко ухватил левую щеку большим и указательным пальцами левой руки. Ущипнул. Глаза наполнились слезами, но ничего не изменилось.

– Все настоящее, – прошептал он, и еще одна волна с грохотом ударила о берег, поднимая в воздух клочья пены.

Джек вдруг осознал, что Променад-авеню осталась на прежнем месте... в каком-то смысле. С вершины мыса – в «реальном мире» (разум на этом настаивал) там, у входа в павильон игровых автоматов, заканчивалась Променад-авеню – колеи проселочной дороги спускались туда, где стоял Джек, а потом тянулись на север, как тянулась на север Променад-авеню, становясь Аркадия-авеню после арки, служившей границей парка развлечений. Морская трава росла и между колеями, но согнутая и прибитая, и Джек подумал, что дорога эта по-прежнему используется, во всяком случае, изредка.

Он зашагал на север, с зеленой бутылкой в правой руке. Почему-то подумал, что где-то, в другом мире, Спиди все еще держит крышку от этой бутылки.

Я исчез у него на глазах? Похоже на то. Круто!

Примерно сорок шагов привели Джека к зарослям ежевики. Среди шипов висели ягоды, такие большие, черные и налитые соком, каких видеть ему еще не доводилось. Желудок, вероятно, под воздействием «волшебного сока», громко заурчал.

Ежевика? В сентябре?

Не важно. После того, что случилось сегодня (а еще нет и десяти утра), удивляться появлению ежевики в сентябре – все равно что отказываться принять таблетку аспирина, предварительно проглотив дверную ручку.

Джек потянулся, набрал пригоршню ягод, бросил в рот. Они оказались фантастически сладкими, фантастически вкусными. Улыбаясь (губы уже окрасились в характерный синий цвет), думая, что он, вполне возможно, рехнулся, Джек набрал еще пригоршню... потом третью. Он никогда не пробовал ничего более вкусного... хотя, как подумал позже, дело было не только в ежевике; сыграла свою роль и удивительная чистота воздуха.

На четвертой пригоршне он оцарапал руку – словно кусты говорили ему, что надо бы остановиться, хорошего понемножку. Лизнув самую глубокую из царапин – на ладони под большим пальцем, – Джек продолжил путь на север, вдоль колеи, идя медленным шагом, стараясь ничего не упустить, увидеть как можно больше.

Отойдя от зарослей ежевики, он взглянул на солнце, которое вроде бы уменьшилось в размерах, но стало более жарким. И не приобрело ли оно оранжевый ореол, как на средневековых картинах? Джек полагал, что да. И...

Крик, резкий и неприятный, словно кто-то медленно тащил из доски старый гвоздь, раздался справа от Джека, оборвав раздумья. Он повернулся, широко раскрыв глаза и вскинув плечи.

Кричала чайка – и ее размеры поражали, казались невероятными (но он видел перед собой чайку, из плоти и крови, реальную, как дома, только габаритами сравнявшуюся с орлом). Птица склонила белую пулеобразную голову набок. Клюв открывался и закрывался. Чайка взмахнула большими крыльями, пригнув морскую траву.

А потом бесстрашно запрыгала по земле к Джеку.

Он уловил доносившиеся издали, слившиеся воедино звуки горнов – и без всякой на то причины подумал о матери.

Мальчик посмотрел на север, в том направлении, куда шел, привлеченный этим звуком, вызывавшим у него какое-то неопределенное желание. Оно, подумал Джек (когда появилось время подумать), напоминало тягу к чему-то специфическому, чего ты давно уже не пробовал, – к мороженому, картофельным чипсам, может, тако. Сам не знаешь, пока не увидишь

перед собой. И пока не увидишь – есть только потребность в чем-то еще безымянном, и тебе это не дает покоя, нервирует тебя.

Он уже видел флаги и верхнюю часть большого шатра – павильона, – прорисованные на фоне неба.

Там, где находится «Альгамбра», подумал Джек, и тут закричала чайка. Он повернулся к ней и в тревоге увидел, что расстояние между ними сократилось до шести футов. Чайка вновь открыла клюв, демонстрируя его грязно-розовое нутро, заставив подумать о вчерашнем дне, о другой чайке, которая бросила моллюска на скалу, а потом точно так же уставилась на него своим ужасным взглядом. Чайка ухмылялась – Джек в этом не сомневался. Когда птица подпрыгнула еще ближе, он уловил идущее от нее зловоние – дохлой рыбы и гниющих водорослей.

Чайка зашипела на него и вновь взмахнула крыльями.

– Убирайся отсюда! – крикнул Джек. Сердце быстро качало кровь, во рту пересохло, но он не собирался в испуге убежать от чайки, даже такой большой. – Убирайся!

Чайка опять разинула клюв... а потом... заговорила какими-то хрипами... или Джеку так показалось.

– Ать а-а-а-ет эк... ать а-а-а-а-ет...

Мать умирает, Джек.

Чайка неуклюже подпрыгнула еще ближе, чешуйчатые лапы рвали траву, клюв открывался и закрывался, черные глаза неотрывно смотрели на Джека. Едва отдавая себе отчет в том, что делает, мальчик поднял зеленую бутылку и глотнул.

И на этот раз отвратительный вкус заставил его закрыть глаза, а открыв их, он понял, что таращится на дорожный знак с черными силуэтами бегущих детей, маленького мальчика и маленькой девочки, на желтом фоне. «СБАВЬТЕ СКОРОСТЬ – ДЕТИ» – гласила надпись на знаке. В воздух с криком поднялась чайка – обычного размера: ее, несомненно, испугнуло внезапное появление Джека.

Он огляделся, еще не понимая, где находится. Желудок, наполненный ежевикой и мерзким «волшебным соком» Спида, недовольно перекачивался и стонал. Мышцы ног начали неприятно вибрировать, и Джек тут же опустился на бордюрный камень у стойки, к которой крепился знак, – настолько быстро, что отдача от удара поднялась по позвоночнику, а зубы щелкнули.

Джек наклонился вперед, раздвинув колени, широко раскрыл рот в полной уверенности, что съеденное и выпитое вылетит струей. Вместо этого он дважды икнул, чуть не подавился, а потом желудок успокоился.

Это ягоды, подумал Джек. *Если б не ягоды, меня бы вырвало.*

Он поднял голову, и вновь его охватило ощущение нереальности. По проселочной дороге в Долинах он прошел шагов шестьдесят, никак не больше. Джек это знал точно. Допустим, его шаг – два фута, ладно, даже два с половиной. Это означало, что пройденное им расстояние составляло сто пятьдесят футов. Но... Он оглянулся и увидел арку с большими красными буквами: «АРКАДИИ ВЕСЕЛАЯ СТРАНА». Близорукостью Джек не страдал, однако едва мог различить буквы, так далеко он ушел от парка развлечений. Справа находился отель «Альгамбра» с разбитым перед зданием парком, за гостиницей шумел океан.

В Долинах он прошел полторы сотни футов.

Здесь отмахал полмили.

– Господи Иисусе, – прошептал Джек Сойер и закрыл глаза руками.

5

– Джек! Джек, малыш! Странник Джек!

Голос Спиди перекрывал рев старого шестицилиндрового двигателя. Джек поднял голову – она стала невероятно тяжелой, конечности от усталости налились свинцом – и увидел медленно катящийся к нему старый пикап «интернейшнл-харвестер». Самодельные борта кузова покачивались, как расшатавшиеся зубы. Пикап был отвратительного бирюзового цвета. За рулем сидел Спиди.

Он свернул к тротуару, прибавил газу (*Вун! Вун! Вун-вун-вун!*), потом выключил двигатель (*хаи-и-и-и-и*). Быстро спрыгнул на мостовую.

– Ты в порядке, Джек?

Джек протянул Спиди бутылку.

– От твоего волшебного сока тошнит, Спиди, – устало ответил он.

На лице Спиди отразилась обида, потом он улыбнулся.

– Тебе кто-нибудь говорил, что у лекарства хороший вкус, Странник Джек?

– Наверное, никто. – Джек чувствовал, что силы возвращаются – медленно, по мере того как уходило ощущение дезориентации.

– Теперь ты веришь, Джек?

Мальчик кивнул.

– Нет, – покачал головой Спиди. – Этого мало. Скажи вслух.

– Долины, – ответил Джек. – Они есть. Они существуют. Я видел птицу... – Он замолчал, по его телу пробежала дрожь.

– Какую птицу? – резко спросил Спиди.

– Чайку. Чертовски огромную чайку... ты не поверишь. – Джек подумал и добавил: – Нет, ты как раз поверишь. Остальные – вряд ли, а ты поверишь.

– Она говорила? Многие тамошние птицы говорят. Всякие глупости в основном. Но некоторые говорят здраво... только они порождения зла и обычно лгут.

Джек просто кивнул. Ему становилось лучше только от того, что он слышал, как Спиди обо всем этом говорит, будто все это реально и естественно.

– Я думаю, она говорила. Но говорила, как... – Джек задумался. – В лос-анджелесской школе, куда ходили мы с Ричардом, учился мальчик, которого звали Брэндон Льюис. У него был какой-то дефект речи, и когда он говорил, мы с трудом его понимали. С птицей та же история. Но я знаю, что она говорила. Она сказала, что моя мать умирает.

Спиди обнял Джека за плечи, и некоторое время они сидели на бордюрном камне. Дневной портье из «Альгамбры», бледный, худой, подозревающий все живое во всех смертных грехах, вышел из ворот с толстой пачкой конвертов. Спиди и Джек наблюдали, как он идет к пересечению Аркадия-авеню и Бич-драйв, чтобы бросить конверты в почтовый ящик. На обратном пути он смерил Джека и Спиди подозрительным взглядом и направился по дорожке к отелю. Его макушка виднелась поверх широких зеленых изгородей.

Затем до них донеслись звуки открывающейся и закрывающейся парадной двери, и Джек вновь ощутил осеннюю заброшенность этого курортного городка. Широкие пустынные улицы. Длинный пляж с пустующими дюнами сахарно-белого песка. Пустой парк развлечений с вагончиками «американских горок», укрытыми брезентовыми чехлами, и запертые на замок будками касс. Быть может, мать привезла его сюда, чтобы показать, каков он, конец света.

Спиди склонил голову набок и мелодично запел:

– «Я ходил по городу... Я играл и пел... Лето пролетело, и зима грядет... Значит, время, значит, вновь меня дорога ждет...»

Он замолчал и посмотрел на Джека.

– Ты чувствуешь, что тебе пора отправляться в путь, Странник Джек?

От ужаса у мальчика перехватило дыхание.

– Да, – наконец выдал он из себя. – Если это поможет. Поможет ей. Мне удастся ей помочь, Спиди?

– Удастся, – очень серьезно ответил старик.

– Но...

– Да этих «но» вагон и маленькая тележка, – прервал его Спиди. – Целый *товарняк* «но», Странник Джек. Я не обещаю тебе легкую прогулку. Я не обещаю тебе успех. Не обещаю, что ты вернешься, а если и вернешься, нет уверенности, что твой разум и тело по-прежнему останутся единым целым. Немалую часть пути тебе придется пройти по Долинам, потому что Долины гораздо меньше. Ты это заметил?

– Да.

– Я так и подумал. Потому что с чайкой ты, конечно, встретился на дороге.

Тут Джек вспомнил о вопросе, который хотел задать раньше, и хотя он вроде бы был не к месту, не смог сдержаться:

– Я исчез, Спиди? Ты видел, как я исчез?

– Ты ушел, – ответил старик и резко хлопнул в ладоши. – Раз – и нет тебя.

Джек почувствовал, как медленная, неохотная улыбка растягивает его губы... и Спиди улыбнулся в ответ.

– Хотелось бы мне как-нибудь проделать такое в компьютерном классе на уроке мистера Бальго.

Спиди рассмеялся, как ребенок. Джек присоединился к нему. От смеха он повеселел, как чуть раньше повеселел, попробовав ежевику.

Но через несколько секунд Спиди вновь стал серьезным.

– Есть причина, по которой ты должен побывать в Долинах. Ты должен кое-что принести. Кое-что могущественное.

– И это кое-что там?

– Да.

– Оно поможет моей матери?

– Да... и другой.

– Королеве?

Спиди кивнул.

– Что это? Где это? Когда я?..

– Придержи лошадей. Остановись! – Спиди поднял руку. Губы его улыбались, но глаза оставались серьезными. – Всеу свое время. И вот что еще... Джек, я не могу сказать тебе то, чего не знаю... или то, чего говорить мне не велено.

– Не велено? – в недоумении переспросил Джек. – Кто...

– Опять ты за свое, – прервал его Спиди. – Теперь слушай, Странник Джек. Уйти ты должен как можно быстрее, прежде чем покажется этот Блоут и посадит тебя...

– *Слоут*.

– Да, он самый. Ты должен уйти до его приезда.

– Но он будет доставать мою мать, – ответил Джек, гадая, а почему он это сказал: то ли потому, что это правда, то ли потому, что искал предлог избежать путешествия, в которое отправлял его Спиди, словно отказывался от еды, которая могла быть отравленной. – Ты его не знаешь! Он...

– Я его знаю, – ровным голосом возразил Спиди. – Я знаю его давно, Странник Джек. И он знает меня. Носит шрамы, оставленные мной. Они не видны... но они есть. Твоя мама позаботится о себе. Во всяком случае, какое-то время ей придется заботиться о себе. Потому что ты должен идти.

– Куда?

– На запад, – ответил Спиди. – От этого океана к другому.

– Что? – Джек пришел в ужас при мысли о такой дистанции. Потом подумал о рекламном ролике, который видел по телевизору тремя днями раньше: мужчина набирал в тарелку еду со шведского стола на высоте тридцати пяти тысяч футов и выглядел совершенно невозмутимым. Джек много раз летал с матерью с одного побережья на другое, и особое удовольствие ему доставляли полеты из Нью-Йорка в Лос-Анджелес – тогда солнце не заходило целых шестнадцать часов. Ты словно обманывал само время. И летать было так легко.

– Могу я туда полететь? – спросил он Спиди.

– Нет! – Спиди почти выкрикнул это слово, его глаза широко раскрылись. Он сжал плечо Джека сильной рукой. – В воздух ни в коем случае подниматься нельзя! Тебе нельзя! Если ты перейдешь в Долины, когда будешь там, наверху... – Спиди больше ничего не сказал. Да и зачем. Джек разом представил, как падает с чистого, безоблачного неба – кричащий мальчик-ракета в джинсах и полосатой красно-белой рубашке, парашютист без парашюта.

– Ты пойдешь пешком, – продолжил Спиди. – Пользуйся попутками, если сможешь... но тут надо быть осторожным, потому что по дорогам кто только не ездит. Чокнутые, педики, которые захотят полапать тебя, воры, которые захотят тебя ограбить. Но попадаются и настоящие Чужаки. Жуткие типы, Странник Джек. Они стоят ногами в обоих мирах и выглядят и так, и этак, как чертов Янус. Боюсь, они очень скоро узнают, что ты отправился в путь. И будут настороже.

– И они... – Джек сглотнул слюну, – двойники?

– Некоторые – да. Другие – нет. Сейчас больше ничего сказать не могу. Но ты доберешься туда, если сможешь. Доберешься до другого океана. Постарайся идти по Долинам, и тогда сократишь себе путь. Возьми с собой сок...

– Я его ненавижу!

– Что ты ненавидишь, значения не имеет, – отрезал Спиди. – Ты доберешься туда и найдешь нужное тебе место, другую «Альгамбру». Место это пугающее, нехорошее. Но ты должен туда пойти.

– Как я его найду?

– Оно позовет тебя. Громко и отчетливо. Ты услышишь его зов, сынок.

– Почему? – спросил Джек. Облизнул губы. – Почему я должен туда идти, если это такое нехорошее место?

– Потому что Талисман находится там, – ответил Спиди. – Где-то в другой «Альгамбре».

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Ты поймешь. – Спиди поднялся, взял Джека за руку. Тот тоже встал. Они стояли лицом к лицу, черный старик и белый подросток.

– Послушай. – В голосе Спиди появилась напевность. – Талисман окажется в твоей руке, Странник Джек. Он не малый, не большой, словно шар из хрусталя. Странник Джек, Странник Джек, в Калифорнию пойдешь, нам его ты принесешь. Но это будет твоя ноша, твой крест: уронишь его, Джек, потеряем все навек.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – в испуге упрямо повторил Джек. – Ты должен...

– Нет, – мягко оборвал его Спиди. – Этим утром я должен закончить ремонт карусели, вот что я должен. Для болтовни времени у меня больше нет. Мне надо возвращаться обратно, а тебе пора отправляться в путь. Это все, что я могу тебе сказать. Наверное, еще увидимся. Здесь... или там.

– Но я не знаю, что делать! – воскликнул Джек, когда Спиди залез в кабину старого пикапа.

– Ты знаешь достаточно, чтобы сделать первый шаг. Ты найдешь Талисман, Джек. Он притянет тебя к себе.

– Я даже не знаю, что такое Талисман!

Спиди рассмеялся и повернул ключ зажигания. Пикап взревел, выпустив облако сизого дыма.

– Посмотри в словаре! – крикнул старый негр и включил заднюю передачу.

Затем развернул пикап и покатил к парку развлечений «Аркадии веселая страна». Джек стоял у тротуара, глядя ему вслед. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким.

Глава 5 Джек и Лили

1

После того как пикап Спида свернул с дороги и исчез под аркой «Веселой страны», Джек зашагал к отелю. Талисман. В другой «Альгамбре». У другого океана. В сердце воцарилась пустота. Без Спида, стоящего рядом, задача представлялась чудовищной, неподъемной, неопределенной... Когда Спида говорил, Джеку казалось, что он почти понимает мешанину намеков, и предупреждений, и наставлений. Теперь все окончательно спуталось. Но Долины существовали, это он знал точно. И держался за их реальность, которая согревала его и одновременно бросала в дрожь. Это настоящее место, и он намеревался снова попасть туда. Даже если сейчас не до конца понимал, что к чему, даже если вообще мало что знал, отправляясь в это путешествие, он намеревался вновь попасть туда. А что он должен сделать теперь, так это попытаться убедить мать отпустить его. *Талисман*, повторил Джек про себя и пересек Аркадия-авеню, по ступенькам поднялся на дорожку между зелеными изгородями. Едва за ним хлопнулась дверь, как сумрак «Альгамбры» поразил его. Вестибюль напоминал длинную пещеру. Требовался огонь, чтобы разогнать тени. Бледнолицый портье стоял за длинной стойкой, сверля Джека бесцветными глазами. Этот взгляд что-то хотел сказать. Джек сглотнул слюну и отвернулся. Взгляд придал ему сил, придал уверенности в себе, хотя выражал презрение.

Джек направился к лифтам, неторопливо и расправив плечи. *Якшаешься с черными, да? Позволяешь им обнимать себя, да?* Лифт опустился вниз, как большая тяжелая птица, двери разошлись, Джек вошел в кабину. Нажал кнопку с подсвеченной цифрой «4». Портье все маячил за стойкой, передавая взглядом рвущее в клочья послание: *Негролюб Негролюб Негролюб (тебе так нравится, эй, засранец? Горячий и черный, это тебе подходит, да?)*. Двери милосердно закрылись. Кабина рванула вверх, желудок Джека – вниз, к кроссовкам.

Ненависть осталась внизу, в вестибюле отеля. Даже воздух в кабине стал свежее, когда она поднялась выше первого этажа. Теперь нужно было лишь сказать матери, что он должен добраться до Калифорнии один.

И не позволяй дяде Моргану подписывать за тебя какие-либо документы.

Выходя из лифта, Джек впервые в жизни задался вопросом, а понимает ли Ричард Слоут, какой на самом деле у него отец.

2

Пройдя по коридору мимо потушенных бра и картин, изображавших маленькие суденышки в пенистых, бушующих морях, Джек нашел дверь с табличкой «408» приоткрытой, увидел кусочек светлого напольного ковра. Солнечный свет, вливавшийся в гостиную через окна, ложился длинными прямоугольниками на дальнюю стену.

– Мама? – позвал Джек, переступив порог. – Ты не закрыла дверь, что это на тебя... – Комната пустовала. – ...нашло? – спросил он мебель. – Мама? – В обычно прибранной гостиной ему бросились в глаза свидетельства странного беспорядка: переполненная окурками пепельница, недопитый стакан воды на кофейном столике.

Джек пообещал себе, что на этот раз не запаникует.

Медленно повернулся кругом. Дверь в спальню открыта, там темно, как в вестибюле отеля, потому что Лили никогда не раздвигала портьеры.

– Мама, ты здесь? – спросил он, пересек спальню, чтобы постучать в дверь ванной. Ответа не получил. Открыл дверь и увидел розовую зубную щетку рядом с раковиной и одинокую расческу на туалетном столике. В зубах запуталось несколько волосков. *Лаура Делессуан*, объявил голос в голове Джека, и он попятился из ванной, словно это имя ужалило его.

– Нет, без паники, – сказал он себе. – Куда она пошла?

Но он уже видел, что произошло.

Видел, когда направлялся к своей спальне, видел, когда открывал дверь и оглядывал смятые простыни на кровати, пустой рюкзак, маленькую стопку книг в обложках, свернутые в клубок носки на комод. Видел, когда заглянул в свою ванную, где полотенца по-восточному хаотично валялись на полу, на краю ванны, на пластиковых столешницах.

Морган Слоут врывается в дверь, хватая мать за руки, тащит вниз...

Джек поспешил в гостиную и на этот раз заглянул за диван.

...выводит через боковую дверь, заталкивает в машину, его глаза начинают желтеть...

Джек снял телефонную трубку и набрал «0».

– Это... э-э-э... Джек Сойер, я из... э-э-э... номера четыре ноль восемь. Моя мама не оставила мне сообщения? Я думал, она здесь, но... но по какой-то причине... э-э-э...

– Я проверю, – ответила девушка, и Джек со всей силой сжимал трубку в ожидании ее возвращения. – Для номера четыре ноль восемь никаких сообщений нет, сожалею.

– А для четыре ноль семь?

– Это одна ячейка, – ответила девушка.

– В последние полчаса к ней никто не заходил? Этим утром? Чтобы повидаться с ней, я хочу сказать.

– Это надо узнать на регистрационной стойке. Я не знаю. Хотите, чтобы я спросила?

– Пожалуйста.

– Это так приятно, хоть чем-то занять себя в этом морге, – ответила она. – Оставайтесь на линии. – И опять Джек в мучительном ожидании сжимал трубку. Наконец она вернулась. – Никаких гостей. Может, она оставила записку где-то в ваших комнатах?

– Да, я посмотрю. – Джек тоскливо положил трубку. Правду ли сказал портье? Или Морган Слоут протянул ему руку с лежащей на мясистой ладони двадцаткой, сложенной несколько раз и уменьшившейся до размера почтовой марки? Джек легко мог представить себе такое.

Он плюхнулся на диван, подавив иррациональное желание заглянуть под подушки. Разумеется, дядя Морган не мог ворваться в их номер и похитить ее – он по-прежнему в Калифорнии. Но он мог послать людей, которые сделали бы это за него. Людей, о которых упоминал Спида, Чужаков, что стояли ногами в обоих мирах.

Джек больше не мог оставаться в номере. Он вскочил с дивана и вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Пройдя несколько шагов, развернулся, подбежал к двери, отпер ее своим ключом. Оставил чуть приоткрытой и помчался к лифтам. Вполне возможно, что она ушла без ключа, в магазинчик в вестибюле, в газетный киоск за газетой или журналом.

Само собой. Но он с начала лета не видел, чтобы она брала в руки газету. Все новости приходили по внутреннему радио.

Тогда прогуляться.

Да, пройтись и подышать свежим воздухом. Или пробежаться трусцой. А может, Лили Кавано внезапно решила посоревноваться в беге на сто десять метров. Поставила барьеры

на песке и начала подготовку к следующей Олимпиаде. Выйдя из лифта в вестибюле отеля, Джек заглянул в магазинчик. Пожилая светловолосая женщина, сидевшая за прилавком, посмотрела на него поверх очков. Мягкие игрушки, тонкая стопка газет, полочка с бальзамом для губ «Чеп стик», в ячейках настенного стенда – журналы «Пипл», «Ас», «Нью-Хэмпшир мэгэзин».

– Извините. – Джек отвернулся.

Прямо перед ним была мемориальная табличка, рядом с которой рос в кадке огромный печальный фикус. *Слабеет и скоро отомрет...*

Женщина в магазине откашлялась. Джек осознал, что смотрел на слова Дэниела Уэбстера не одну минуту.

– Тебе что-то нужно? – спросила женщина за его спиной.

– Извините, – повторил Джек и вышел на середину вестибюля. Ненавистный портье изогнул бровь, повернулся и уставился на пустынную лестницу. Джек заставил себя подойти к нему.

– Мистер, – позвал он, встав перед стойкой. Портье, похоже, вспоминал то ли название столицы Северной Каролины, то ли основной экспортный товар Перу. – Мистер. – Мужчина хмурился: он приблизился к ответу на расстояние вытянутой руки, в такой момент его не следовало беспокоить.

Джек знал, что портье ломает комедию, поэтому продолжал гнуть свое.

– Я подумал, не сможете ли вы мне помочь.

Мужчина наконец-то соблаговолил обратить на него внимание.

– Все зависит от того, какая тебе нужна помощь, сынок.

Джек заранее решил проигнорировать его скрытую ухмылку.

– Вы не видели, моя мама недавно выходила из отеля?

– Недавно – это когда? – Портье явно насмеялся над ним.

– Вы видели, как она выходила из отеля? Это все, о чем я спрашиваю.

– Боишься, что она увидела, как ты и твой голубок держались за руки?

– Господи, какой же вы урод. – Джек удивился, что посмел сказать такое. – Нет, этого я не боюсь. Мне просто хочется знать, выходила ли она из отеля, и вы могли бы мне сказать, если б не были таким уродом. – Кровь бросилась ему в лицо, пальцы сжались в кулаки.

– Ну хорошо, она выходила. – Портье отошел к ячейкам для корреспонденции. – Но тебе бы лучше придержать язык, парень. Лучше извинись передо мной, капризный маленький мастер Сойер. У меня тоже есть глаза. И я вижу многое.

– Ты следишь за своим ртом, я занимаюсь своим делом¹¹, – ответил Джек фразой с одного из старых альбомов отца, возможно, не совсем уместной, но она сама сорвалась с языка, а портье захлопал глазами.

– Может, она гуляет в садах, я не знаю, – мрачно ответил мужчина, но Джек уже шел к двери.

Любимица Автокино и королева би-фильмов не гуляла в садах перед отелем, это Джек увидел сразу... да он и не думал, что она будет там гулять, потому что заметил бы ее, когда возвращался в отель. А кроме того, Лили Кавано – не из тех, кто слоняется по аллеям. С тем же успехом можно было представить ее устанавливающей барьеры для бега с препятствиями на пляже.

Несколько автомобилей проехало по Аркадия-авеню. Над головой закричала чайка, и у Джека сжалось сердце.

¹¹ «Ты следишь за своим ртом, я занимаюсь своим делом» – фраза из песни известного американского джазмена Луи Джордана (1908–1975).

Он прошелся рукой по волосам, оглядел залитую ярким солнцем улицу. Может, ее заинтересовал Спиди... может, она захотела узнать, что за новый друг появился у ее сына, и пошла в парк развлечений? Но Джек не мог представить ее в «Веселой стране», как не мог представить любующейся садами «Альгамбры». Он повернулся в другую сторону, к городу.

Густая широкая зеленая изгородь отделяла от территории отеля «Чай с вареньем», первое в ряду ярко раскрашенных кафе. Только оно да «Новоанглийский аптечный магазин» работали после Дня труда. Несколько секунд Джек переминался с ноги на ногу на растрескавшемся бетонном тротуаре. Это кафе тоже не слишком уж подходило Любимице Автокино. Но это было ближайшее место для поисков, поэтому он пересек тротуар и прижался носом к витрине.

У кассового аппарата сидела женщина с забранными вверх светлыми волосами и курила. Официантка в розовом платье из вискозы привалилась к дальней стене. Посетителей Джек не видел. Затем за одним из столиков, в той части кафе, что находилась ближе к «Альгамбре», он заметил пожилую женщину, поднимавшую чашку. Похоже, единственную посетительницу. Джек наблюдал, как женщина ставит чашку на блюдце, достает из сумки сигареты, и тут у него засосало под ложечкой: это же его мать. Мгновением позже ощущение, что она старая, исчезло.

Но Джек его запомнил – он словно смотрел на мать через бифокальные очки, видел и Лили Кавано Соьер, и хрупкую старую женщину в одном теле.

Джек осторожно открыл дверь, однако висевшие над ней колокольчики – он предполагал, что так и будет – все равно затренькали. Блондинка, сидевшая за кассой, с улыбкой кивнула ему. Официантка выпрямилась и разгладила платье. Мать повернулась с написанным на лице искренним удивлением, а потом широко ему улыбнулась.

– Знаешь, Странствующий Джек, ты такой высокий, что выглядел совсем как твой отец, когда вошел в дверь. Иногда я даже забываю, что тебе только двенадцать.

3

– Ты назвала меня Странствующим Джеком. – Он отодвинул стул и сел за ее столик. На слишком бледном лице Лили мешки под глазами выглядели как синяки.

– Разве не так называл тебя отец? Вдруг вспомнилось... Все это утро ты где-то странствуешь.

– Он называл меня Странствующим Джеком?

– Что-то вроде этого... конечно, называл. Когда ты был совсем крошкой. Странник Джек, – поправились она. – Вот как. Он называл тебя Странник Джек... когда ты ползал по лужайке. Думаю, шутил. Между прочим, дверь я оставила открытой. Не знала, вспомнил ли ты, что надо брать с собой ключ.

– Я видел, – ответил он, переваривая новую информацию, вскользь оброненную матерью.

– Хочешь позавтракать? Я просто не смогла заставить себя поесть в отеле.

Подошла официантка.

– Молодой человек? – Она подняла блокнотик, приготовившись записывать.

– С чего ты решила, что я найду тебя здесь?

– А куда еще тут можно пойти? – с железной логикой спросила Лили и повернулась к официантке. – Принесите ему сытный завтрак. Он растет по дюйму в день.

Джек откинулся на спинку стула. С чего начать?

Мать с любопытством смотрела на него, и он начал... ему пришлось.

– Мама, если мне придется на какое-то время уйти, с тобой все будет в порядке?

– Что значит, в порядке? И что значит, тебе придется на какое-то время уйти?

– Ты сможешь... у тебя будут проблемы с дядей Морганом?

– Со стариной Слоутом я разберусь. – Она натянуто улыбнулась. – Еще на какое-то время меня хватит. О чем ты говоришь, Джеки? Ты никуда не пойдешь.

– Я должен, – ответил он. – Честно. – И понял, что говорит, как ребенок, выпрашивающий игрушку. К счастью, подошла официантка с тостом на подносе и большим стаканом томатного сока. Он отвернулся, а когда вновь посмотрел на мать, та намазывала тост вареньем из баночки, что стояла на столе.

– Я должен уйти. – Мать протянула ему тост, на ее лице отразилась какая-то мысль, но она ничего не сказала. – Некоторое время ты меня не увидишь, мама. Я хочу попытаться тебе помочь. Поэтому и должен уйти.

– Помочь мне? – спросила она, и Джеку пришлось признать, что ее хладнокровие процентов на семьдесят пять естественное.

– Я хочу попытаться спасти твою жизнь.

– Всего-то?

– Я могу это сделать.

– Ты можешь спасти мою жизнь. Это впечатляет, Джеки-бой. Когда-нибудь попадешь в прайм-тайм. Никогда не думал заняться планированием сетки программ какого-нибудь телеканала? – Она положила вымазанный красным нож, и ее глаза насмешливо округлись. Но под нарочитым непониманием Джек заметил и полыхнувший пламенем ужас, и слабую, едва заметную надежду, что он действительно может что-то сделать.

– Даже если ты мне запретишь, я все равно это сделаю. Так что тебе лучше разрешить.

– Удивительное предложение. Если учесть, что я не имею ни малейшего представления о твоих намерениях.

– Я думаю, имеешь... я думаю, какое-то представление у тебя есть, мама. Потому что папа сразу бы понял, о чем я говорю.

Ее щеки покраснели. Рот превратился в тонкую полоску.

– Это так несправедливо, просто подло, Джеки. Ты не вправе обращать то, что мог знать Филип, против меня.

– Что он знал – не то, что мог знать.

– Это все собачье дерьмо, сыночек.

Официантка, ставя перед Джеком тарелку с яичницей, жареным картофелем и сосисками, шумно вдохнула.

Когда она отошла, Лили пожала плечами.

– Не могу выбрать правильный тон со здешней службой. Но собачье дерьмо есть собачье дерьмо и останется собачьим дерьмом, цитируя Гертруду Стайн.

– Я хочу спасти твою жизнь, мама, – повторил Джек. – Для этого мне придется пройти долгий путь и принести кое-что сюда. Именно это я и собираюсь сделать.

– Хотелось бы мне знать, о чем ты говоришь.

Прямо-таки обычный разговор, сказал себе Джек, совершенно обычный, будто речь идет о просьбе провести пару дней в доме приятеля. Он разрезал сосиску на две части, одну отправил в рот. Мать внимательно наблюдала за ним. Прожевав и проглотив половину сосиски, Джек принялся за яичницу. Бутылка Спиди камнем прижималась к его телу.

– Я также хочу, чтобы ты не вела себя так, будто не слышишь тех коротких фраз, с которыми я обращаюсь к тебе, какими бы глупыми они тебе ни казались. – Джек невозмутимо проглотил яичницу и отправил в рот несколько ломтиков соленого, с хрустящей корочкой, картофеля.

Лили сложила руки на коленях. Чем дольше он молчал, тем с большим вниманием она ждала, что он скажет еще. Джек вроде бы сосредоточился на завтраке: яичница-сосиска-кар-

тофель, сосиска-картофель-яичница, картофель-яичница-сосиска – пока не почувствовал, что мать вот-вот накричит на него.

Мой отец называл меня Странником Джеком, подумал он. Это правильно. Как я понимаю, очень даже правильно.

– Мама, – заговорил он первым, – иногда отец звонил тебе издалека, хотя ты знала, что он должен быть в городе?

Она приподняла брови.

– Иной раз ты заходила в комнату, думая, что он там, может, даже зная, что он там... но его не было?

Пусть над этим подумает.

– Нет.

На мгновение повисла тишина.

– Почти никогда.

– Мама, это случалось и со мной.

– Всегда находилось объяснение, тебе это известно.

– Мой отец – это ты точно знаешь – объяснять умел. Особенно то, что объяснить нельзя. Это у него получалось отлично. Отчасти именно поэтому он и был таким хорошим агентом.

Опять она промолчала.

– Что ж, я знаю, куда он отправлялся, – продолжил Джек. – Я там побывал. Этим утром. И если попаду туда снова, смогу попытаться спасти твою жизнь.

– *От тебя не требуется спасти мою жизнь, ни от кого не требуется ее спасти*, – прошипела мать. Джек, глядя в пустую тарелку, что-то пробормотал. – Что ты там шепчешь?

– Я сказал, думаю, что требуется. – Он встретился с ней взглядом.

– Допустим, я спрошу, как ты собираешься спасти мою жизнь?

– Я не смогу ответить. Потому что сам еще до конца не понимаю. Мама, я все равно не хожу в школу... дай мне шанс. Возможно, меня не будет неделю или около того.

Она приподняла брови.

– Или чуть дольше, – признал он.

– Я думаю, ты рехнулся. – Но он видел, что в глубине души ей хочется ему поверить, и следующие слова Лили это доказали. – Если... *если*... я настолько обезумею, что позволю тебе отправиться в это загадочное путешествие, у меня должна быть уверенность, что тебе не будет грозить опасность.

– Папа всегда возвращался, – заметил Джек.

– Я бы предпочла рисковать своей жизнью, а не твоей. – И правда ее слов надолго повисла между ними.

– Я позволю, когда смогу. Но ты особенно не волнуйся, если пара недель пройдет без моего звонка. Я обязательно вернусь, как всегда возвращался отец.

– Все это чистое безумие, – вздохнула она. – И я сумасшедшая. Как ты доберешься до того места, куда должен попасть? И где оно? Денег тебе хватит?

– У меня есть все, что нужно, – сказал он, надеясь, что она не будет требовать ответа на первые два вопроса. Пауза затянулась, и ему пришлось ее прервать. – Наверное, большую часть пути мне придется пройти пешком. Я не могу много об этом говорить, мама.

– Странник Джек. Я почти могу поверить...

– Да, – оборвал ее Джек. – *Да*, – закивал он. *И возможно, ты знаешь часть того, что знает она, настоящая королева, и поэтому так легко отпускаешь меня.* – Это правильно. Я тоже могу поверить. А потому все будет хорошо.

– Что ж... если ты говоришь, что уйдешь, что бы я ни сказала...

– Уйду.

– ... тогда не имеет значения, что я скажу. – Она встретила с ним взглядом. – Впрочем, имеет, я знаю. Я хочу, чтобы ты вернулся как можно быстрее, сынок. Ты же не уйдешь прямо сейчас?

– Я должен. – Он глубоко вдохнул. – Я должен уйти немедленно. Как только встану из-за стола.

– Я почти поверила в эту сказочку. Ладно, ты же сын Филадельфии. Ты не приглядел себе здесь девочку? – Она пристально посмотрела на него. – Нет. Никакой девочки. Хорошо. Спасай мою жизнь. Иди. – Она покачала головой, и он подумал, что у нее еще сильнее заблестели глаза. – Если должен, убирайся отсюда. Позвони мне завтра.

– Если смогу. – Он встал.

– Если сможешь. Разумеется. Прости меня. – Она отвела взгляд, словно ее что-то заинтересовало на столе, и уставилась в пустоту. На ее щеках горели красные пятна.

Джек наклонился и поцеловал мать, но Лили только отмахнулась. Официантка смотрела на них, будто они разыгрывали пьесу. Несмотря на сказанное матерью, Джек полагал, что ему удалось снизить уровень ее недоверия процентов до пятидесяти, а это означало, что теперь она уже и не знала, во что верить.

Она коротко глянула на него, и он увидел, что ее глаза блестят еще ярче. От злости? От слез?

– Береги себя. – И Лили подозвала официантку.

– Я тебя люблю.

– Никогда не заканчивай разговор этой фразой. – Теперь она почти улыбалась. – Отправляйся странствовать, Джек. Отправляйся, пока я не осознала, какое это безумие.

– Я ушел. – Он повернулся и вышел из кафе. Голову распирало, словно кости черепа уже не умещались в покрывавшей их плоти. Солнечный свет ударил по глазам. Джек услышал, как хлопнула дверь «Чая с вареньем» через мгновение после звяканья колокольчиков. Моргнул. Пересек Аркадия-авеню, даже не посмотрев, нет ли на дороге автомобилей. Только на противоположном тротуаре понял, что должен вернуться в их номер, чтобы взять кое-какую одежду. Его мать еще не вышла из кафе к тому моменту, когда Джек открывал тяжелую дверь отеля.

Портье отступил на шаг и мрачно смотрел на Джека. Мальчик чувствовал, что тот кипит от каких-то эмоций, но в первую секунду не мог вспомнить, с чего ему злиться. Разговор с матерью – на самом деле гораздо более короткий, чем он ожидал – длился едва ли не вечность. А на другом берегу этого обширного залива времени, который Джек пересек, пребывая в «Чая с вареньем», он обозвал портье уродом. Извиниться? Он уже не помнил, что именно вызвало у него вспышку гнева...

Мать согласилась на его уход – дала ему разрешение отправиться в путешествие, и, проходя под перекрестным огнем взглядов портье, Джек наконец-то понял, в чем причина. Он не упомянул Талисман, но если бы и упомянул – если бы рассказал о самом безумном аспекте своей миссии, – она приняла бы и это. И если бы он сказал, что собирается принести бабочку длиной в фут и запечь ее в духовке, мать согласилась бы съесть запеченную бабочку. И это было бы немного смешное, но самое настоящее соглашение. До чего же ей страшно, раз она готова хвататься даже за такие соломинки.

Но она хваталась. Потому что на каком-то уровне подсознания понимала: это не соломинки, а крепкие канаты. Его мать разрешила ему уйти, потому что где-то глубоко-глубоко знала о Долинах.

Просыпалась ли она иной раз по ночам с именем Лаура Делессиян, звучащим в голове?

Поднявшись в номер, Джек наполнил рюкзак почти не глядя: в него отправлялись все вещи небольшого размера, которые пальцы находили в ящиках комода. Рубашки, носки, сви-

тер, трусы. Джек плотно скатал светло-коричневые джинсы и тоже засунул в рюкзак. Потом понял, что рюкзак слишком тяжелый, и вытащил большую часть носков и рубашек. Свитер тоже. В последний момент вспомнил про зубную щетку. Когда надевал лямки на плечи, ощутил вес на спине – не такая и тяжесть. Он мог идти целый день с этими несколькими фунтами.

Мгновение Джек постоял в пустой гостиной их номера, чувствуя – неожиданно остро, – что ему не с кем и не с чем прощаться. Он знал, что мать вернется в номер лишь после его ухода: если бы она увидела его сейчас, куда бы не отпустила. Он не мог попрощаться с этими тремя комнатами, как попрощался бы с домом, который любил: комнаты отеля воспринимали уход постояльца безо всяких эмоций. В конце концов он подошел к телефонному аппарату, взял лежавший рядом блокнот с изображением отеля на дешевой бумаге и длинным тупым карандашом с логотипом «Альгамбры» написал три строчки, в которые вложил все, что хотел сказать:

*Спасибо
Я тебя люблю
И вернусь*

4

Джек шел по Аркадия-авеню под слабеньким северным солнцем, гадая, где ему... прыгнуть. Слово вроде бы подходящее. И следует ли ему повидаться со Спиди, прежде чем он «прыгнет» в Долины? Джек чувствовал, что ему просто необходимо поговорить со Спиди еще раз, потому что он почти ничего не знал о местах, куда направлялся, о людях, которых мог там встретить, о предмете (*словно шар из хрусталя*), который следовало найти. Это все, что собирался сказать ему Спиди о Талисмане? Не считая предупреждения, что его нельзя ронять? Джека едва не мутило от ощущения, что он не готов к путешествию... словно перед выпускным экзаменом по дисциплине, о которой слышишь впервые.

Он также чувствовал, что готов прыгнуть прямо сейчас, так ему не терпелось начать, двинуться в путь, сорваться с места. *Я должен вновь перенестись в Долины*, внезапно осознал Джек: он жаждал этого всеми фибрами души. Хотел вдохнуть воздух тех мест, буквально задышался без него. Долины звали: длинные равнины, окруженные грядами низких гор, луга с высокой травой, змеящиеся по ним реки. Джеку не терпелось все это увидеть. И он мог достать из кармана бутылку и заставить себя глотнуть этого ужасного сока, если бы в тот самый момент не увидел прежнего ее обладателя, который сидел на корточках, привалившись спиной к дереву и обхватив руками колени. Рядом с ним лежал пакет из плотной коричневой бумаги, а на пакете – огромный сэндвич, вроде бы с ливерной колбасой и луком.

– Ты уже отправился. – Спиди улыбался. – Двинулся в путь, как я погляжу. Попрощался? Твоя мама знает, что какое-то время ты не будешь ночевать дома?

Джек кивнул, и Спиди протянул ему сэндвич.

– Ты голоден? Для меня он слишком большой.

– Я уже поел, – ответил мальчик. – Я рад, что могу попрощаться с тобой.

– Старина Джек спешит, торопится уйти. – Спиди склонил голову набок. – Нельзя задерживать мальчика.

– Спиди?

– Но ты не можешь уйти, не взяв с собой пары вещей, которые я приготовил для тебя. Все в пакете. Посмотришь?

– Спиди? – Старик, прищурившись, смотрел на него. – Ты знал, что мой отец называл меня Странник Джек?

– Может, где-то и слышал. – Спиди улыбнулся. – Подойди и посмотри, что я тебе принес. Плюс я должен сказать, куда тебе пойти прежде всего. Правда?

Облегченно вздохнув, Джек пересек тротуар, направившись к дереву Спиди. Тот переложил сэндвич на колени и придвинул к себе пакет.

– Счастливого Рождества. – Он вытащил из пакета потрепанную узкую книгу в обложке. Джек увидел, что это дорожный атлас «Рэнд Макнэлли».

– Спасибо. – Джек взял атлас из протянутой руки Спиди.

– Там никаких карт нет, так что старайся держаться дорог, указанных в «Рэнд Макнэлли». Тогда ты будешь знать, где находишься.

– Хорошо. – Джек снял рюкзак, чтобы положить в него атлас.

– Следующая вещь не должна отправиться в твой модный рюкзак, который ты понесешь на спине. – Спиди вернул сэндвич на бумажный пакет и поднялся одним плавным движением. – Нет, ты должен носить эту штуку в кармане. – Он сунул руку в карман рубашки. Достал: между средним и безымянным пальцами, совсем как один из «Тэрритунов» Лили, был зажат белый треугольник. Мальчику понадобилось лишь мгновение, чтобы понять, что это медиатор. – Возьми и держи при себе. Ты захочешь показать его одному мужчине. Он тебе поможет.

Джек повертел медиатор в пальцах. Он никогда таких не видел – из слоновой кости, с резными ажурными узорами и линиями, отчего возникало ощущение, что медиатор испи-сан какими-то инопланетными словами. Внешне прекрасный, он показался Джеку слишком тяжелым, чтобы использовать его для игры на гитаре.

– Кто этот человек? – спросил Джек. Медиатор он сунул в карман джинсов.

– Большой шрам на лице – ты увидишь его достаточно скоро, после того как окажешься в Долинах. Он стражник. Если на то пошло, капитан Внешней стражи. Он отведет тебя к даме, с которой ты должен повидаться. Чтобы ты знал и другую причину, по которой берешься за это дело. Он мой тамошний друг, он поймет, что ты делаешь, и найдет способ устроить тебе встречу с дамой.

– Эта дама... – начал Джек.

– Да, – кивнул Спиди. – Ты это усек.

– Она королева.

– Хорошенько всмотришься в нее, Джек. Ты увидишь то, что должен увидеть, когда встретишься с ней. Ты увидишь, какая она, понимаешь? Потом ты отправишься на запад. – Спиди стоял, пристально глядя на него, словно сомневаясь, что когда-нибудь еще увидит Джека Сойера, а потом морщины на его лице дернулись. – Остерегайся этого Блоута. Не подпускай его к себе... ни его самого, ни его двойника. Старина Блоут скоро выяснит, куда ты пошел, если ты не будешь соблюдать осторожность, а когда выяснит, бросится за тобой, как лис за гусем. – Спиди сунул руки в карманы и вновь уставился на Джека. Чувствовалось, что большего он сказать не может и сожалеет об этом. – Добудь Талисман, сынок, – заключил он. – Добудь и принеси его сюда. Он будет тебе тяжелой ношей. Но ты должен эту ношу выдержать.

Джек до такой степени сосредоточился на словах Спиди, что даже прищурился, вглядываясь в морщинистое лицо старика. Мужчина со шрамом. Капитан Внешней стражи. Королева. Морган Слоут, который бросится за ним, как хищник. Нехорошее место на другом побережье страны. Ноша.

– Ладно. – И вдруг ему очень захотелось вернуться в «Чай с вареньем», под материнское крыло.

Спиди весело, тепло улыбнулся.

– Да. Старина Странник Джек готов отправиться в путь. – Улыбка стала шире. – Пора тебе глотнуть этого удивительного сока, что скажешь?

– Пожалуй, да. – Джек вытащил темную бутылку из кармана, свинтил крышку. Посмотрел на Спида, чьи светлые глаза не отрывались от его глаз.

– Спида поможет тебе при первой же возможности.

Из бутылки поднимался сладковатый запах гнили. Джек почувствовал, как горло сжал непроизвольный спазм. Он кивнул, моргнул, поднес бутылку к губам, наклонил. Неприятный вкус наполнил рот. Желудок дернулся. Джек глотнул, и обжигающая жидкость потекла по горлу.

Задолго до того, как Джек открыл глаза, он понял – по разнообразию и интенсивности запахов, – что прыгнул в Долины. Лошади, трава, дурманящий запах сырого мяса, пыль; и чистейший воздух.

Интерлюдия Слоут в этом мире (I)

– Я знаю, что работаю слишком много, – в тот вечер говорил Морган Слоут своему сыну Ричарду. Они общались по телефону, Ричард – стоя у автомата в коридоре первого этажа общежития, его отец – сидя за столом в своем кабинете, расположенном на последнем этаже здания в Беверли-Хиллз, приобретение которого стало одной из первых и самых удачных сделок компании «Сойер и Слоут». – Но вот что я скажу тебе, малыш. Очень часто, чтобы получилось как надо, приходится все делать самому. Особенно если дело касается семьи моего умершего партнера. Надеюсь, поездка будет короткой. Вероятно, я все улажу в этом чертовом Нью-Хэмпшире менее чем за неделю. Когда будет поставлена точка, я тебе позвоню. Может, отправимся покататься на поезде в Калифорнию, как в прежние времена. Справедливость еще восторжествует. Верь своему старику.

Сделку по этому зданию Слоут вспоминал с чувством глубокого удовлетворения, потому что в ней в полной мере отразилось его стремление делать все самому. Уладив связанные с покупкой проблемы – сначала с краткосрочными арендаторами, потом (после серии судебных разбирательств) с долгосрочными, – они с Сойером зафиксировали арендную плату за квадратный фут, провели необходимый ремонт и дали объявления, приглашая новых арендаторов. Им не удалось избавиться только от одного – китайского ресторана на первом этаже, платившего треть той суммы, которую могло приносить это помещение. Слоут попытался договориться с китайцами по-хорошему, но едва разговор касался повышения арендной платы, они разом утрачивали способность говорить по-английски и понимать хоть слово, сказанное на этом языке. Так прошло несколько дней, а потом Слоут случайно увидел, как кухонный рабочий выносит бак с растопленным жиром через заднюю дверь. У Слоута тут же поднялось настроение. Он последовал за рабочим в темный узкий тупик. Увидел, как тот выливает жир в мусорный контейнер. Этого ему хватило с лихвой. Днем позже проволочный забор отделил тупик от ресторана, а еще через день инспектор отдела здравоохранения нагрянул в ресторан с проверкой и наложил немалый штраф. Теперь кухонным рабочим приходилось выносить мусор, в том числе и жир, через обеденный зал, а потом по отгороженному Слоутом узкому проходу вдоль витрины. Дела у ресторана пошли хуже некуда: раз понюхав отбросы, клиенты отправлялись в другие заведения. К владельцам вернулось знание английского, они предложили удвоить арендную плату. Слоут ответил благодарственной речью безо всякой конкретики. В тот же вечер, подкрепившись тремя бокалами мартини, он приехал к ресторану, достал из багажника бейсбольную биту и разбил витрину. Прежде из нее открывался приятный вид на улицу, но теперь она выходила на забор, огораживавший узкий проход, в конце которого стояли металлические мусорные баки.

Он делал все это... но если на то пошло, в такие моменты он был не совсем Морганом Слоутом.

Наутро владельцы китайского ресторана попросили еще об одной встрече и предложили увеличить арендную плату в четыре раза. «Теперь вы говорите дело, – ответил Слоут каменнолицему китайцу. – И вот что я вам скажу. Чтобы доказать, что мы в одной команде, наша компания оплатит половину расходов по замене вашей витрины».

Через девять месяцев, после того как здание перешло компании «Сойер и Слоут», арендная плата настолько возросла, что первоначальные расчеты окупаемости уже казались слишком пессимистическими. Теперь это здание рассматривалось как один из самых скромных их проектов, но Морган Слоут гордился им ничуть не меньше, чем небоскребами, которые они построили в центре города. Когда он проходил мимо того места, где стоял забор – а проходил он там каждое утро, – настроение у него поднималось от одной мысли о том,

как много он вложил в компанию «Сойер и Слоут». И его желание стать ее единоличным владельцем выглядело вполне логичным.

Осознание собственной правоты с новым жаром вспыхнуло во время разговора с Ричардом... в конце концов, ради Ричарда он хотел заполучить долю Фила Сойера. Именно Ричард был продолжателем рода, гарантией его бессмертия. Ему предстояло окончить одну из лучших бизнес-школ, получить юридический диплом, а потом присоединиться к компании. И тогда, полностью подготовленный, в следующем веке Ричард сможет управлять сложной и требующей тонкой настройки машиной «Сойер и Слоут». Нелепое стремление мальчишки стать химиком не могло выдержать решимости отца подавить его в зародыше: Ричард достаточно умен, чтобы увидеть: отцовская работа гораздо интереснее, не говоря уже о том, что приносит больше денег, чем экспериментирование с пробиркой над бунзенновской горелкой. Эта «исследовательско-химическая» блажь быстро пройдет, едва парень повидает настоящий мир. А если Ричарда заботит справедливое отношение к Джеку Сойеру, отец объяснит ему, что пятьдесят тысяч в год плюс гарантия обучения в колледже – не просто справедливо, а великодушно. Прямо королевская щедрость. Да и кто сказал, что Джек захочет заниматься этим бизнесом, к которому у него, вполне вероятно, нет никакой склонности?

Кроме того, нельзя забывать про несчастные случаи. Как знать, может, Джек не доживет до двадцати лет?

– Что ж, вопрос в том, чтобы уладить наконец все проблемы с собственностью, получить все акции, – говорил Слоут сыну. – Лили слишком долго пряталась от меня. Теперь у нее в голове не мозги, а творог, можешь мне поверить. Жить ей осталось меньше года. Если я не помчусь к ней сейчас, зная, где она, и не подпишу все документы, она будет и дальше тянуть резину, чтобы отдать принадлежащие ей акции опекуну... или в доверительный фонд, и я не думаю, что мама твоего друга назначит меня директором-распорядителем. Ладно, не хочу докучать тебе своими проблемами. Просто хотел сказать, что несколько дней меня не будет дома, на случай если ты позвонишь. Пришли мне, скажем, письмо. И помни про поезд, хорошо? Мы это повторим.

Мальчик пообещал написать письмо, прилежно учиться и не тревожиться о своем отце, или Лили Кавано, или Джеке.

И со временем, когда послушный сын будет учиться на последнем курсе Стэнфорда или Йеля, Слоут намеревался познакомить его с Долинами. Ричарду будет на шесть или семь лет меньше, чем ему, если брать за точку отсчета день, когда Фил Сойер, накурившись травки в их первом маленьком офисе в Северном Голливуде, сначала удивил его, потом рассердил (Слоут не сомневался, что Фил насмехается над ним) и, наконец, заинтриговал (Фил так обдолбался, что, конечно же, не мог выдумать всю эту научно-фантастическую муть о другом мире). А когда Ричард увидит Долины – уж они-то расставят в его голове все по местам, если он прежде сам до этого не додумается. Само наличие Долин не оставит камня на камне от его уверенности во всемогуществе науки.

Слоут прошелся ладонью по сверкающей лысине, потом покрутил усы. Голос сына всегда вселял в него уверенность: пока сын шагает с ним в ногу, все хорошо и лучше быть не может. В Спрингфилде, штат Иллинойс, уже стемнело, и в Нелсон-Хаусе, одном из общежитий школы Тэйера, Ричард Слоут возвращался по зеленому коридору к своему столу, возможно, думая о том, как хорошо они проводили время вместе и как будут проводить, сидя в вагончике игрушечной железной дороги Моргана, построенной на побережье Калифорнии. Он уже заснет, когда реактивный самолет его отца пронесется высоко над землей в сотне миль к северу, но Морган Слоут поднимет шторку иллюминатора в салоне первого класса и выглянет в надежде увидеть лунный свет и разрыв в облаках.

Он бы хотел сразу поехать домой – дом находился в тридцати минутах от офиса, – переодеться, перекусить, может, нюхнуть кокаина, прежде чем отправиться в аэропорт. Вместо этого предстояло мчаться по автостраде в Марину: встреча с клиентом, который после устроенного скандала находился на грани вылета из фильма, и собрание защитников окружающей среды, заявлявших, что текущий проект компании «Сойер и Слоут» в Марина-дель-Рей загрязняет пляж. Дела важные и не терпящие отлагательств. Впрочем, Слоут пообещал себе, что начнет сужать список клиентов, едва только уладит все вопросы с Лили Кавано и ее сыном: он собирался поймать рыбу покрупнее. Теперь речь шла о целых мирах, а не о жалких десяти процентах. Оглядываясь назад, Слоут уже не мог понять, почему он так долго терпел Фила Сойера. Его партнер играл не для того, чтобы сорвать большой куш, и никогда не считал их дело чем-то важным. Ему не позволяли развернуться сентиментальные идеи верности и чести, он воспринимал всерьез те глупости, что говорили вступающим на путь цивилизации детям, прежде чем сорвать шоры с их глаз. Ерунда, конечно, учитывая ставки, по которым он нынче играл, – но Слоут не мог забыть, что Сойеры у него в долгу, это точно... При мысли, сколь велик этот долг, изжога прихватила его, словно инфаркт, и, еще не дойдя до своего автомобиля на залитой солнцем стоянке за зданием, он сунул руку в карман пиджака и вытащил уже ополовиненную упаковку «Ди-джела».

Фил Сойер недооценивал его способности, и обида никуда не ушла. Поскольку Фил видел в нем дрессированную гремучую змею, которую следовало выпускать из клетки лишь при определенных, полностью контролируемых обстоятельствах, так же воспринимали его и другие. Дежурный на стоянке, деревенщина в мятой ковбойской шляпе, смотрел на него, пока он оглядывал свой маленький автомобиль в поисках царапин и вмятин. «Ди-джел» справился со жжением в груди. Слоут чувствовал, как воротник пропитывается потом. Дежурный знал, что со Слоутом лучше не заговаривать. Несколькими неделями раньше он обругал его, обнаружив маленькую царапину на дверце «БМВ». По ходу выволочки Слоут заметил, как зеленые глаза деревенщины потемнели от ярости, и его охватила такая радость, что он, не умолкая, шагнул к дежурному в надежде, что тот посмеет его ударить. Но запал у деревенщины уже иссяк, и он извиняющимся тоном предположил, что этот «пустячок» на дверце появился где-то еще. Скажем, на стоянке у ресторана. Вы же знаете, как там относятся к автомобилям, и видно вечером не так хорошо, как днем, и...

«Заткни свой вонючий рот, – осадил его Слоут. – Этот пустячок, как ты его называешь, обойдется мне в твоё двухнедельное жалованье. Мне следовало бы уволить тебя, ковбой, и не делаю я этого только по одной причине: есть вероятность, примерно два процента, что ты прав. Вчера вечером, уезжая от «Чейзена», я, возможно, не посмотрел под дверную ручку. Может, ПОСМОТРЕЛ, а может, и НЕТ, но если ты заговоришь со мной снова, если произнесешь хотя бы: «Привет, мистер Слоут» или «До свидания, мистер Слоут», – я уволю тебя так быстро, что ты подумаешь, будто тебе отрубили голову».

Поэтому деревенщина молча наблюдал, как Слоут осматривает автомобиль, точно зная, что любой дефект на глянце обрушит ему на голову топор. И естественно, не пытался подойти поближе ради ритуального «до свидания». Иногда из окна, выходявшего на автомобильную стоянку, Слоут видел, как дежурный что-то яростно стирает с капота «БМВ», возможно, птичий помет или пятнышко грязи. Вот это и называется эффективное управление, дружок.

Выезжая со стоянки, он посмотрел в зеркало заднего вида и отметил на лице деревенщины то самое выражение, которое появилось на лице Фила Сойера в последние секунды его жизни, в далекой Юте. Слоут улыбался до самого выезда на автостраду.

Фил Сойер недооценивал способности Моргана Слоута с их первой встречи, когда они учились на первом курсе Йеля. Вполне возможно, размышлял Слоут, что недооценить его

не составляло труда... пухлый восемнадцатилетний паренек из Акрона, неуклюжий, снедаемый тревогами и честолюбивыми замыслами, впервые выбравшийся за пределы Огайо. Слушая непринужденные разговоры сокурсников о Нью-Йорке, о ресторане «21», о «Сторк-клуб», о том, что они видели Брубек на Бейсн-стрит и Эрролла Гарнера¹² в «Вангарде», он потел, пытаясь скрыть свое невежество. «Мне нравится центральная часть города», – говорил он с нарочитой небрежностью, с мокрыми от пота ладонями, судорожно стиснув пальцы в кулаки. (По утрам Слоут не раз и не два обнаруживал на ладонях синяки от ногтей.) «Какая центральная часть?» – как-то спросил Том Вудбайн. Остальные засмеялись. «Ты знаешь, Бродвей и Виллидж. Те места». Опять смех, еще более пренебрежительный. Он не блистал красотой и ужасно одевался. Его гардероб состоял из двух костюмов, темно-серых и сшитых на человека с плечами пугала. Лысеть он начал еще в старших классах, и розовая кожа просвечивала сквозь короткие прилизанные волосы.

Нет, красавчиком Слоут никогда не был, и это тоже бесило его. В присутствии остальных он чувствовал себя сжатым кулаком. И эти утренние синяки казались маленькими смазанными фотографиями его души. Другие, все, кто интересовался театром, как он и Соьер, могли похвастаться красивым профилем, плоским животом, легкостью манер. Они небрежно устраивались в шезлонгах в «люксе» в Давенпорте, тогда как Слоут, весь в поту, оставался на ногах, чтобы не помять брюки и иметь возможность не гладить их еще несколько дней. Они иногда напоминали ему молодых богов – кашемировые свитера, наброшенные на плечи, казались золотым руном. Они намеревались стать актерами, драматургами, поэтами-песенниками. Слоут видел себя режиссером: только он, объединив усилия, мог привести их к успеху, преодолев все трудности.

Соьер и Том Вудбайн, казавшиеся Слоуту невероятно богатыми, в студенческом общении занимали одну комнату. Вудбайн к театру относился весьма прохладно и на занятия драматического кружка приходил за компанию с Филом. Еще один представитель золотой молодежи, выпускник частной школы, Томас Вудбайн отличался от остальных абсолютной серьезностью и прямоотой. Он собирался стать адвокатом и, похоже, уже обладал неподкупностью и беспристрастностью судьи. (Если на то пошло, большинство знакомых Вудбайна утверждали, что карьера приведет его в Верховный суд, чем смущали юношу.) По шкале Слоута, Вудбайн обладал нулевым честолюбием: ему гораздо больше хотелось жить правильно, чем жить хорошо. Разумеется, у него и так все было, а если вдруг чего-то не оказывалось, так люди тут же давали ему недостающее. И откуда, скажите на милость, взяться честолюбию, если ты донельзя избалован природой и друзьями? Слоут презирал Вудбайна на подсознательном уровне и не мог заставить себя называть его «Томми».

За четыре года обучения в Йеле Слоут поставил две пьесы: «Нет выхода», которую студенческая газета охарактеризовала как «яростный кавардак», и «Хитрого лиса»¹³. Об этой пьесе написали, что она «бурлящая, циничная, мрачная и невероятно суетливая». Все это привнес в пьесы, конечно же, Слоут. Может, на режиссера он все-таки не тянул. Его видение спектакля получалось чересчур напряженным и путаным. Честолюбия у него не поубавилось, сместился лишь вектор. Если он не мог стоять за камерой, ничто не мешало ему стоять за людьми, которые находились перед ней. Примерно такие же мысли пришли в голову и Филу Союеру: Фил никак не мог определить, куда его может завести любовь к театру, и в какой-то момент подумал, что его призвание – представлять интересы актеров и драматургов. «Давай поедem в Лос-Анджелес и откроем агентство, – предложил он Слоуту на последнем году обучения. – Это, конечно, безумная затея, и наши родители ее не одобряют, но, возможно, у нас получится. В худшем случае – поголодаем пару лет».

¹² Дейв Брубек (1920–2012) и Эрролл Гарнер (1921–1977) – американские джазовые пианисты.

¹³ Пьесы Жана Поля Сартра (1944) и Бена Джонсона (1606), соответственно.

Фил Сойер – об этом Слоут узнал за годы учебы – к богачам отношения не имел. Он просто *выглядел* богатым.

– А когда сможем себе это позволить, возьмем Томми юристом. К тому времени он уже окончит юридическую школу.

– Да, конечно, – кивнул Слоут, думая, что Вудбайна он к их компании близко не подпустит. – И как мы себя назовем?

– Как тебе нравится «Слоут и Сойер»? Или наоборот?

– «Сойер и Слоут», конечно, лучше, – ответил Слоут, но внутри у него все кипело от ярости, словно будущий партнер и тут намекнул, что ему вечно придется стоять позади Сойера.

Как и предполагал Сойер, ни тем ни другим родителям идея не приглянулась, но партнеры новорожденного агентства еще не признанных талантов отправились в Лос-Анджелес на старом «десото» (автомобиль принадлежал Моргану – еще одно свидетельство неоплатного долга Сойера), открыли офис в одном из зданий Северного Голливуда, населенном крысами и блохами, и принялись ходить по ночным клубам, раздавая только что отпечатанные визитки. На протяжении почти четырех месяцев все их усилия шли прахом. К ним обратились: комик, обычно слишком пьяный, чтобы кого-то рассмешить, писатель, который не умел писать, и стриптизерша, которая настаивала на оплате наличными, чтобы не отдавать агентам их долю. Но как-то во второй половине дня, под воздействием виски и марихуаны, Фил Сойер, идиотски хихикая, рассказал Слоуту о Долинах.

Знаешь, что я могу, ты, честолюбивый сукин сын? Я могу путешествовать, партнер. Далеко-далеко.

Вскоре после этого – теперь они оба путешествовали – Фил Сойер на вечеринке в студии встретил перспективную актрису, и часом позже у них появился первый важный клиент. У актрисы нашлись три подруги, также недовольные своими агентами. Бойфренд одной из подруг написал действительно приличный сценарий, и ему требовался агент. А один приятель бойфренда... Еще не закончился третий год их совместной работы, а они уже обжились в большом офисе, снимали хорошие квартиры, имели свой кусок голливудского пирога. Долины – Слоут это признавал, не понимая, как такое могло быть, – их благословили.

Сойер занимался клиентами, Слоут – деньгами, инвестициями, финансовой стороной деятельности агентства. Сойер тратил деньги – ленчи, билеты на самолет, – Слоут их экономил, и другого оправдания для того, чтобы прикарманить часть прибыли, ему не требовалось. Именно Слоут настаивал на том, чтобы агентство расширяло сферу деятельности, занялось строительством, сделками с недвижимостью, вкладывалось в постановку фильмов. К тому времени, когда Томми Вудбайн прибыл в Лос-Анджелес, оборот агентства «Сойер и Слоут» составлял многие миллионы.

Слоут обнаружил, что по-прежнему терпеть не может бывшего однокурсника. Томми Вудбайн располнел на тридцать фунтов и своим видом – синие костюмы-тройки – и поведением еще больше походил на судью. Его щеки всегда пылали румянцем (Слоут задавался вопросом, а не алкоголик ли он), говорил он доброжелательно и весело, как и прежде. Прошедшие годы оставили на нем свою метку: в уголках глаз появились маленькие морщинки, а сами глаза стали куда более настороженными, чем у золотого мальчика из Йеля. Слоут едва ли не сразу понял (и знал, что Фил Сойер этого не заметит, пока ему не скажут), что Томми Вудбайн хранил жуткую тайну: кем бы ни был золотой мальчик из Йеля, теперь Томми – гомосексуалист. Или гей. И это все сразу упростило... а впоследствии он смог без труда избавиться от Томми.

Потому что пидоров всегда убивают, верно? И мог ли кто-нибудь действительно хотеть, чтобы двухсотсорокафунтовый педик нес ответственность за воспитание подростка? Можно сказать, что Слоут всего лишь спас Фила Сойера от посмертных последствий серьезной ошибки, которой стало принятое им решение. Если бы Сойер назначил Слоута исполнителем завещания и опекуном сына, не возникло бы никаких проблем. А так убийцы из Долин – те, что ранее провалили похищение мальчика, – проехали на красный свет, и их едва не арестовали до того, как они успели вернуться домой.

Все было бы гораздо проще, уже, наверное, в тысячный раз говорил себе Слоут, если бы Фил Сойер не женился. Нет Лили – нет Джека, нет Джека – нет проблем. Фил скорее всего и не заглянул в заботливо собранные Слоутом сведения о прежней жизни Лили Кавано: там подробно описывалось, с кем, когда и как часто, и эта информация должна была убить романтику с той же легкостью, с какой черный фургон размазал Томми Вудбайна по асфальту. Если Сойер и прочитал эти тщательно подобранные материалы, они не произвели на него никакого впечатления. Он хотел жениться на Лили Кавано – и женился. Как его чертов двойник женился на королеве Лауре. Еще один просчет. Но оплаченный той же монетой, что представлялось вполне уместным.

А это означало, удовлетворенно подумал Слоут, что после утряски последних деталей все встанет на свои места. По прошествии стольких лет его мечта воплотится: из Аркадия-Бич он вернется единственным владельцем компании «Сойер и Слоут». И в Долинах ситуация близится к разрешению: балансирующая на краю страна готова свалиться в руки Моргана. Как только королева умрет, власть перейдет к помощнику ее усопшего супруга, и он тут же введет все изменения, уже обговоренные им и Слоутом. *А потом деньги потекут рекой*, подумал Слоут, сворачивая с автострады в Марина-дель-Рей. *Потом все потечет рекой.*

Его клиент, Ашер Дондорф, жил в нижней половине нового кондоминиума на одной из тесных улочек у самого моря. Дондорф, старый характерный актер, в конце семидесятых приобрел необычайную популярность благодаря одному телесериалу: он сыграл роль домовладельца, сдающего квартиру молодой паре – частным детективам, милым, как детеныши панды, – звездам сериала. После появления в первых сериях Дондорф получил столько писем, что сценаристы расширили его роль, прописав ему отцовскую заботу о молодой паре, позволили найти разгадку двух или трех убийств, подвергли смертельной опасности и так далее. Его жалованье удвоилось, утроилось, учетверилось, а когда через шесть лет сериал закончился, ему пришлось вернуться в кино. И в этом заключалась проблема. Дондорф полагал себя звездой, но студии и продюсеры видели в нем характерного актера – популярного, да, но не представляющего особой ценности. Дондорф требовал цветы в гримерной, собственного парикмахера и специалиста по сценической речи, хотел больше денег, больше уважения, больше любви, больше всего. Короче, вел себя как идиот.

Поставив автомобиль на крохотную стоянку, Слоут вылез из кабины, следя за тем, чтобы не поцарапать дверцу о кирпичную стену. И внезапно осознал: если в ближайшие дни он выяснит, даже заподозрит, что Джеку Сойеру известно о существовании Долин, мальчишке не жить. Потому что есть такое понятие, как неприемлемый риск.

Слоут улыбнулся сам себе, бросил в рот еще одну таблетку «Ди-джеда» и постучал в дверь кондоминиума. Он уже знал наверняка: Ашер Дондорф покончит с собой. Сделает это в гостиной, чтобы создать максимум проблем. Такой темпераментный говнюк, как уже почти бывший клиент Слоута, придумает максимально грязный способ самоубийства, чтобы по полной программе отомстить банку, в котором лежит его закладная. Когда бледный, трясущийся Дондорф открыл дверь, Слоут поприветствовал его с искренней теплотой.

Часть вторая Дорога испытаний

Глава 6 Павильон королевы

1

Остроконечные травинки перед глазами Джека казались застывшими и длинными, как сабли. Они резали бы ветер – не сгибались перед ним. Джек застонал, поднимая голову: он не мог держаться с таким достоинством. Желудок еще угрожающе трепыхался, лоб и глаза горели. Джек заставил себя подняться на колени, потом на ноги. Длинная телега, запряженная лошадей, приближалась к нему по пыльному проселку, и возница, бородатый краснолицый мужчина, размерами и формой не слишком отличавшийся от деревянных бочек, которые громыхали у него за спиной, глазел на мальчика. Джек кивнул и попытался внимательно рассмотреть мужчину, одновременно прикидываясь слоняющимся без дела мальчишкой, возможно, убежавшим из дома без разрешения родителей, чтобы власть выспаться. В вертикальном положении его уже не мутило. Более того, после отъезда из Лос-Анджелеса он еще никогда так хорошо себя не чувствовал: не просто совершенно здоровым, но пребывающим в полной гармонии со своим телом. Теплый легкий ветерок Долин мягко гладил щеки – и Джек ощущал нежный цветочный аромат самого воздуха: его не мог полностью перебить более сильный запах сырого мяса, приносимый тем же ветерком. Джек прошелся ладонями по лицу и украдкой взглянул на возницу, первого человека, встреченного им в Долинах.

Если мужчина обратится к нему, как отвечать? Говорят ли здесь на английском? На его английском? Джек представил, как пытается сойти за своего в мире, где в ходу: «Скажи на милость» или «Поведай, куда держишь путь, юный паж?» – и решил, что в такой ситуации лучше прикинуться немым.

Возница наконец-то оторвал взгляд от Джека и что-то сказал лошадям, определенно не на американском английском восьмидесятых. Но возможно, так здесь говорили только с лошадьми. *Шлеп, шлеп.* Джек попятился в морскую траву, сожалея, что не успел подняться несколькими секундами раньше. Возница вновь посмотрел на него и удивил Джека, кивнув ему. Дружелюбия в кивке не чувствовалось, враждебности тоже – просто общение на равных. *Я буду рад, когда этот рабочий день закончится, брат.* Джек кивнул в ответ, попытался сунуть руки в карманы и настолько изумился, что наверняка выглядел полным придурком. Возница рассмеялся, безо всякой злобы.

Одежда Джека изменилась. Вельветовые джинсы уступили место просторным штанам из грубой шерсти. Выше талии тело облегла куртка из мягкого синего материала. Пуговицы на куртке – или это был камзол? – заменял ряд крючков и петель. Как и штаны, куртку, безусловно, сшили вручную. Кроссовки «Найк» превратились в кожаные сандалии. Рюкзак трансформировался в кожаный мешок с тонкой лямкой на плече. Возница одевался по той же моде, только его камзол был из кожи. Множество пятен накладывалось друг на друга, как годовые кольца на срезе дерева.

В грохоте и пыли телега прокатилась мимо. От бочек тянуло дрожжевым запахом пива. За бочками тремя стопками лежали, как показалось Джеку, покрышки от грузовика. Он вдох-

нул запах «покрышек», одновременно отметив, что все они совершенно лысые. Этот сливочный запах, полный тайных глубин и утонченных удовольствий, мгновенно вызвал у него чувство голода. Сыр, но сыр, какого он никогда не пробовал. За колесами сыра, в задней части телеги, высилась гора сырого мяса: освежаванные бока, большие куски вырезки, липкие потроха, определить принадлежность которых он не мог, – все это лежало под поблескивающим слоем мух. Крепкий запах свеженины навалился на Джека, разом убив аппетит, разбуженный сыром. Он вышел на дорогу, повернулся вслед проехавшей телеге и наблюдал, как она, покачиваясь, приближается к гребню невысокого холма. Пару секунд спустя Джек двинулся следом, на север.

Он преодолел только половину подъема, когда увидел верхушку большой палатки, застывшую среди узких кольшущихся флагов. Джек полагал, что ему нужно именно туда. Еще несколько шагов привели его к кустам ежевики, где он притормозил в прошлый раз. Вспомнив, какая она вкусная, Джек бросил в рот две огромные ягоды. Теперь он видел всю палатку. Не палатку вовсе, а большущий павильон: длинные крылья с каждой стороны, ворота, двор. Как и «Альгамбра», это необычное сооружение – летний дворец, подсказала Джеку интуиция – стояло над океаном. Небольшие группы людей скрывались в павильоне и выходили из него, движимые невидимыми, но могущественными силами, – железные опилки под действием магнита. Группы эти встречались, разделялись, сливались вновь.

Некоторые люди носили яркую, по виду дорогую одежду, но большинство одевалось, как Джек. Несколько женщин в белых сверкающих платьях или мантиях вышагивали по двору, важные, как генералы. По обе стороны от ворот Джек видел палатки поменьше и наспех сколоченные деревянные лачуги. Там тоже хватало людей: они ели, или что-то покупали, или разговаривали, только более свободно и хаотично. Где-то в этой толпе ему предстояло найти мужчину со шрамом.

Но сначала он оглянулся, посмотрел вниз, чтобы понять, что произошло с «Веселой страной».

Увидев двух маленьких черных лошадок, тянувших плуги ярдах в пятидесяти от него, Джек подумал, что парк развлечений стал фермой, но тут заметил толпу, наблюдавшую за вспашкой с границы поля, и понял, что это какое-то состязание. Потом его взгляд остановился на здоровенном рыжеволосом мужчине, голом по пояс, который кружился как волчок. В вытянутых руках он держал какой-то длинный тяжелый предмет. Мужчина резко перестал вращаться и выпустил предмет из рук, а тот проделал долгий путь, прежде чем с глухим стуком взрыть траву. Только тут стало понятно, что это молот. «Веселая страна» превратилась в ярмарку – не ферму. Теперь Джек видел столы, ломившиеся от еды, детей на плечах отцов.

Ходил ли где-то там Спиди Паркер, проверяя, что все ремешки и упряжи в полном порядке, а в каждой печи достаточно дров? Джек надеялся, что да.

А его мать по-прежнему сидела в «Чай с вареньем», гадая, почему разрешила ему уйти?

Джек обернулся к вершине подъема и увидел, как длинная телега миновала ворота летнего дворца и свернула налево, разделяя людей при движении, как автомобиль, сворачивающий с Пятой авеню, разделяет пешеходов на поперечной улице. Мгновением позже он последовал за телегой.

2

Он боялся, что люди у павильона будут тарашиться на него, мгновенно почувствовав, что он не такой, как они. Джек старался не поднимать глаз и изображал мальчика, посланного со сложным поручением: найти и принести вещи по длинному списку и ничего не забыть. *Лопата, две тяпки, моток шпагата, бутылка гусиного жира...* Но Джек быстро понял, что никто из взрослых у летнего дворца не обращает на него никакого внимания. Они куда-то

спешили или слонялись без дела, осматривали товары – ковры, железные котлы, браслеты, – выложенные в маленьких палатках, пили из деревянных кружек, дергали кого-то за рукав, чтобы что-то прокомментировать или завязать разговор, спорили со стражниками у ворот – каждый занимался исключительно своим делом. Так что стремление Джека казаться невидимым представлялось излишним и даже нелепым. Он распрямился, поднял голову и двинулся в нужном ему направлении – к воротам, пусть и не прямо, а по неровной дуге.

Почти сразу он понял, что не сможет просто войти в ворота – с обеих сторон стояли стражники, останавливавшие и допрашивавшие практически каждого, кто пытался попасть в летний дворец. Людям приходилось показывать бумаги либо предъявлять жетоны или печати, чтобы их пропустили. Джек мог показать только медиатор Спида Паркера и не думал, что этого хватит, чтобы миновать стражников. Один мужчина как раз подошел к воротам. Сверкнул круглый серебряный жетон, и его обладатель проследовал дальше. Следующего за ним мужчину остановили. Он заспорил. Потом его тон изменился: Джек видел, что мужчина умоляет пропустить его. Стражник покачал головой и приказал ему отойти.

– *Ego* люди проходят без проблем, – сказал кто-то справа от Джека, мгновенно решив вопрос языка, на котором говорили в Долинах. Джек повернул голову, чтобы понять, обращены ли эти слова к нему.

Но мужчина средних лет, шагавший рядом с ним, говорил с другим мужчиной, одетым так же просто, как и большинство людей, толпившихся около дворца.

– Оно и понятно, – ответил второй мужчина. – Он едет сюда... Насколько я знаю, должен прибыть сегодня, только неизвестно, когда именно.

Джек пристроился за этой парочкой.

Когда мужчины приблизились к воротам, стражники шагнули вперед, а поскольку оба направились к одному стражнику, второй взмахом руки подозвал к себе мужчину, который находился ближе к нему. Джек чуть отстал от парочки. Он по-прежнему не видел человека со шрамом, вообще не видел офицеров. Вооруженные силы представляли исключительно стражники, молодые деревенские парни с широкими красными лицами, в красивой, тщательно отутюженной форме с множеством складок и рубчиков. Они напоминали фермеров, наряженных в маскарадные костюмы. Двое мужчин, за которыми пристроился Джек, похоже, прошли проверку, потому что после короткого разговора парни в форме отступили, освобождая дорогу. Один из стражников строго глянул на Джека, и мальчик отвернулся и шагнул в сторону.

Он уже понимал, что во дворец попадет только при одном условии: если отыщет капитана со шрамом.

Несколько мужчин подошли к стражнику, который одарил Джека строгим взглядом, и тут же начали наседавать на него. Им назначена аудиенция, им необходимо пройти, речь идет о больших деньгах, но, к сожалению, у них нет документов. Стражник покачал головой, царапая подбородок о белый гофрированный воротник формы. Пока Джек наблюдал за происходящим, гадая, как же ему найти капитана, предводитель маленькой группы продолжал требовать, чтобы их пропустили, махал руками, бил кулаком в ладонь. Лицо его стало таким же красным, как и у стражника. Наконец он принялся тыкать стражнику в грудь указательным пальцем. К первому стражнику подошел второй. Оба выглядели мрачными и враждебными.

Рядом с ними бесшумно возник высокий стройный мужчина в форме, которая чуть отличалась от формы стражников – словно годилась как для боя, так и для оперетты. Секундой позже Джек отметил, что гофрированного воротника на нем нет, а головной убор остроконечный, не треугольный. Он перекинулся парой слов со стражниками, потом повернулся к предводителю маленькой группы. Крики и тыканье пальцем прекратились. Мужчина заговорил ровным голосом. Джек видел, что неудачливые визитеры растеряли свою агрессив-

ность. Они переминались с ноги на ногу, их плечи обреченно поникли. Затем они развернулись и отправились восвояси. Офицер проводил их взглядом, что-то объяснил стражникам.

И когда офицер, одним своим видом нагонявший ужас на буянов, оказался лицом к мальчику, Джек заметил длинный бледный шрам, зигзагом прочертивший щеку от правого глаза до челюсти.

Офицер кивнул стражникам и торопливо зашагал прочь. Не глядя по сторонам, он прокладывал путь через толпу, вероятно, направляясь в какое-то место за пределами дворца. Джек устремился следом.

– Сэр! – закричал он, но офицер уходил все дальше, словно не слыша его.

Джек обежал мужчин и женщин, тащивших свинью к одной из маленьких палаток, проскочил между двумя группами мужчин, направлявшихся к воротам дворца, и в конце концов догнал офицера и коснулся его локтя.

– Капитан?

Офицер развернулся, и Джек застыл на месте. Вблизи шрам стал куда шире и словно обрел собственную жизнь, ползая по лицу. *Даже без шрама*, подумал Джек, *это лицо могло осадить кого угодно*.

– Чего тебе, парень? – нетерпеливо спросил мужчина.

– Капитан, мне велено поговорить с вами... я должен увидеть Даму, но не думаю, что мне удастся попасть во дворец. Ой, я должен вам кое-что показать. – Он сунул руку в просторный карман штанов, которые носил впервые, и сомкнул пальцы на треугольном предмете.

Когда Джек разжал кулак, ему едва не стало дурно: на ладони лежал не медиатор, а длинный зуб, возможно, акулий, инкрустированный сложным золотым узором.

Переведя взгляд на капитана, в смутном ожидании, что тот сейчас ударит его, Джек увидел отражение собственного шока. Нетерпение, казавшееся второй натурой офицера, исчезло. На волевом лице читалась неопределенность, даже страх. Капитан протянул руку к Джеку, и тот подумал, что он хочет взять зуб с золотым узором. Подросток отдал бы его без колебаний, но капитан просто прижал пальцы Джека к ладони, скрывая зуб.

– Следуй за мной, – приказал он.

И зашагал вдоль стены большого павильона. В какой-то момент капитан откинул полог из жесткой светлой парусины, и они оказались в сумрачной нише. В мерцающем полумраке лицо капитана выглядело так, будто его разрисовали розовым мелком.

– Этот знак, – весьма спокойно сказал он. – Где ты его взял?

– Мне его дал Спиди Паркер, – ответил Джек. – Сказал, что я должен вас найти и показать его вам.

Мужчина покачал головой.

– Этого имени я не знаю. А теперь отдай мне этот знак. Сейчас же. – Он сжал запястье Джека. – Отдай его мне и скажи, где ты его украл?

– Я говорю правду, – стоял на своем Джек. – Мне его дал Лестер Спиди Паркер. Он работает в «Веселой стране». Но он давал мне не зуб. Я получил от него гитарный медиатор.

– Думаю, парень, ты не знаешь, что тебя ждет.

– Вы с ним знакомы. – В голосе Джека слышалась мольба. – Он мне вас описал. Сказал, что вы капитан Внешней стражи. Спиди велел мне вас найти.

Капитан покачал головой и еще сильнее сжал запястье мальчика.

– Опиши мне этого человека. Я хочу выяснить, не лжешь ли ты, так что на твоём месте я бы постарался.

– Спиди старый, – ответил Джек. – Раньше был музыкантом. – По выражению глаз капитана ему показалось, что тот начинает понимать, о ком речь. – Он черный... черноко-

жий человек. С седыми волосами. На лице глубокие морщины. Он очень худой, но гораздо сильнее, чем можно подумать с первого взгляда.

– Черный человек. Ты хочешь сказать, смуглый?

– Ну, черные люди на самом деле не черные. Как и белые – не белые.

– Мужчина со смуглой кожей, которого звать Паркер. – Капитан отпустил запястье Джека. – Здесь он зовется Паркусом. Так ты... – Он мотнул головой в сторону какой-то невидимой точки за горизонтом.

– Да, – ответил Джек.

– И Паркус... Паркер... послал тебя, чтобы ты увидел нашу королеву.

– Он сказал, что хочет, чтобы я увидел Даму. И что вы можете провести меня к ней.

– Надо действовать быстро. – Капитан уже перешел к делу. – Думаю, все получится, но нельзя терять время, – с военной четкостью озвучил он принятое решение. – Теперь слушай меня. Здесь полно бастардов, так что мы прикинемся, будто ты мой сын. Ты не выполнил работу, которую я тебе поручил, и теперь я на тебя зол. Думаю, никто нас не остановит, если наше представление будет выглядеть убедительно. По меньшей мере так я смогу провести тебя во дворец, но там будет сложнее. Думаешь, тебе удастся? Сможешь убедить людей, что ты мой сын?

– Моя мама – актриса, – ответил Джек, чувствуя за нее гордость.

– Что ж, тогда поглядим, чему ты научился. – И капитан удивил Джека, подмигнув ему. – Постараюсь не причинять тебе боли. – Потом вновь удивил, крепко сжав его бицепс. – Пошли. – Он вывел Джека из ниши, буквально таща за собой.

– Когда я говорю, что ты должен вымыть каменные плиты за кухней, ты должен вымыть каменные плиты, – громко чеканил капитан, не глядя на Джека. – Это понятно? Ты делаешь свою работу. А если ты не делаешь свою работу, тебя наказывают.

– Но я вымыл несколько каменных плит... – заверещал Джек.

– Я не говорил тебе вымыть *несколько* каменных плит! – крикнул капитан, таща Джека за собой. Люди раздавались в стороны, пропуская их. Некоторые сочувственно смотрели на Джека.

– Я собирался все доделать, честно, я собирался все доделать, прервался только на минутку...

Капитан подтащил его к воротам и, даже не глянув на стражников, проскочил внутрь, сильно дернув Джека за руку.

– Не надо, папа! – взвизгнул Джек. – Мне же больно!

– Не так больно, как будет. – Теперь они быстро пересекали широкий двор, который Джек видел с дороги.

Капитан взбежал с Джеком по деревянным ступеням, и они оказались в большом дворце.

– Теперь ты должен играть еще лучше, – прошептал он и зашагал по длинному коридору, сжимая руку Джека достаточно сильно, чтобы остались синяки.

– Я обещаю, что буду хорошим! – прокричал Джек.

Они свернули в другой, более узкий коридор. Внутри павильон выглядел настоящим дворцом: лабиринт коридоров и маленьких комнат, в которых пахло дымом и сгоревшим жиром.

– Он обещает! – прорычал капитан.

– Обещаю! Да!

Теперь они шли по новому коридору, и впереди какие-то красиво одетые люди – они стояли, привалившись к стенам, или сидели на диванах – повернули головы, чтобы взглянуть на этот шумный дуэт. Один из них, что-то приказывавший двум женщинам, которые несли сложенные простыни, подозрительно глянул на Джека и капитана.

– А я обещаю выбить из тебя дурь! – воскликнул капитан.

Двое мужчин рассмеялись. Они были в широкополых, отделанных мехом шляпах. В бархатных сапогах. С алчными, эгоистичными лицами. Мужчину, разговаривавшего со служанками, которому, похоже, здесь все подчинялись, отличали высокий рост и невероятная худоба. Его напряженное, снедаемое честолубием лицо поворачивалось вслед капитану и мальчику, когда те проходили мимо.

– Пожалуйста, не надо! – молил Джек. – Пожалуйста!

– Каждое «пожалуйста» – дополнительный удар розгой, – прорычал капитан, и мужчины вновь рассмеялись. Тощий выдавил из себя улыбку, холодную, как лезвие ножа, и вновь повернулся к служанкам.

Капитан втолкнул мальчика в пустую комнату, заставленную пыльной деревянной мебелью, и только тогда отпустил его руку, которая уже сильно болела.

– Это *его* люди, – прошептал он. – И какой станет жизнь, когда... – Он покачал головой, забыв о спешке. – В «Книге доброго земледелия» сказано, что кроткие унаследуют землю, но у этих парней на всех не наберется и чайной ложки кротости. Они могут только брать. Они хотят денег, хотят... – Капитан поднял взгляд к потолку, не смог или не захотел сказать, чего еще они хотят. Вновь посмотрел на Джека. – Мы должны действовать быстро. В этом дворце еще остались секреты, неведомые его людям. – Он указал на блеклую деревянную стену.

Джек последовал за ним и все понял, когда капитан надавил на две шляпки гвоздей на краю запыленной доски. Часть деревянной стены отошла внутрь, открыв узкий темный коридор размером с поставленный на попа гроб.

– Ты сможешь только глянуть на нее, но, думаю, это все, что тебе нужно. Да и в любом случае ни на что другое рассчитывать не придется.

Повинуясь жесту капитана, Джек шагнул в коридор.

– Иди вперед, пока я не скажу, что делать дальше, – прошептал капитан, закрывая потайную дверцу. Джек медленно двинулся сквозь кромешную тьму.

Коридор поворачивал из стороны в сторону, изредка подсвечивался то через щель в стене, то через окошко высоко над головой. Скоро Джек уже совершенно не понимал, где находится, и лишь следовал командам, которые шептал капитан. Иногда в нос ударял дразнящий запах жарящегося мяса, иногда – канализационная вонь.

– Стой, – наконец приказал капитан. – Теперь я должен тебя поднять. Вскинь руки.

– Я ее увижу?

– Через секунду узнаешь. – Капитан ухватил подростка под мышки и поднял. – Перед тобой панель, – прошептал он. – Сдвинь ее влево.

Джек протянул руки к стене и тут же нащупал гладкое дерево. Панель легко сдвинулась, и в коридор хлынул свет. Джек увидел, как паук размером с котенка спешит к потолку. Он заглянул в большую, словно вестибюль отеля, комнату, заполненную женщинами в белом, с великолепной резной мебелью, заставившей мальчика вспомнить все музеи, в которых он бывал с родителями. Середину комнаты занимала огромная кровать, в которой спала или лежала без сознания женщина. Над простыней виднелись только голова и плечи.

А потом потрясенный Джек едва не закричал от ужаса, потому что на кровати лежала его мать. Да, его мать, и она умирала.

– Ты увидел ее, – прошептал капитан, вытягивая руки.

Джек разинув рот смотрел на мать. Она умирала, в этом он больше не сомневался: серую кожу покрывали пятна, волосы словно выцвели. Вокруг суетились медицинские сестры, поправляли простыню, переключивали книги на столике у кровати – но они только имитировали бурную и вроде бы целеустремленную деятельность, потому что не знали, как помочь пациентке. Они полностью отдавали себе отчет, что по-настоящему помочь ничем

не могут. Всех их сил хватило бы, лишь чтобы оттянуть смерть на месяц, а может, всего на неделю.

Джек всмотрелся в лицо, напоминавшее восковую маску, и наконец-то увидел, что женщина на кровати – не его мать. Более округлый подбородок, более классический нос. Умирал двойник его матери, Лаура Делессиан. Если Спиди и хотел, чтобы Джек увидел больше, у него не получалось: белое, застывшее лицо ничего не говорило ему о женщине, которой оно принадлежало.

– Да, – прошептал он, устанавливая панель на место, и капитан опустил его на пол.

– Что с ней? – спросил Джек в темноте.

– Никто не может выяснить, – послышалось над его головой. – Королева ничего не видит, не говорит, не двигается. – Последовала пауза, потом капитан коснулся его руки. – Нам надо возвращаться.

Из темноты коридора они вышли в пустую пыльную комнату. Капитан стряхнул с формы прилипшую паутину. Склонив голову, долго смотрел на Джека. На лице мужчины читалась тревога.

– Теперь ты должен ответить на мой вопрос.

– Хорошо.

– Тебя послали, чтобы спасти ее? Чтобы спасти королеву?

Джек кивнул.

– Думаю, да... думаю, и для этого тоже. Но скажите мне... – Он замялся. – Почему эти уроды не могут просто взять власть? Ей их точно не остановить.

Капитан улыбнулся. Но безо всякого веселья.

– Я. Мои люди. *Мы* бы их остановили. Я не знаю, что творится в отдаленных поселениях, где порядок не такой жесткий... но здесь мы верны королеве.

Его щека под левым глазом дернулась, как рыбка. Он сжал руки, ладонь к ладони.

– И тебе велели... приказали... уж не знаю что... идти на запад, так?

Джек буквально почувствовал, что капитана трясет, а нарастающее беспокойство ему удается сдерживать только благодаря многолетней привычке к самодисциплине.

– Да, – кивнул он. – Я должен идти на запад. Или нет? Мне идти на запад? К другой «Альгамбре»?

– Я не могу сказать... я не могу сказать, что тебе делать, – пробормотал капитан, отступая на шаг. – Надо немедленно вывести тебя отсюда. А что тебе делать, я не знаю. – Джек видел, что мужчина не может даже смотреть на него. – Но здесь ты не должен оставаться ни минуты... Пошли, надо вывести тебя отсюда до приезда Моргана.

– Моргана? – переспросил Джек, думая, что ему послышалось. – Моргана Слоута? Он едет сюда?

Глава 7 Фаррен

1

Капитан словно не услышал вопроса Джека. Он смотрел в угол этой пустой комнаты, как будто что-то там видел. Он думал, и думал напряженно. А дядя Томми говорил Джеку, что мешать взрослому думать так же неприлично, как прерывать взрослого, когда тот говорит. Но...

Остерегайся этого Блоута. Не подпускай к себе... ни его самого, ни его двойника... он бросится за тобой, как лис за гусем.

Так говорил Спиди, но Джек в тот момент думал только о Талисмане и едва не пропустил его наставления мимо ушей. Теперь слова вернулись, да с такой силой, что Джеку будто отвесили подзатыльник.

– Как он выглядит? – нервно спросил Джек.

– Морган? – переспросил капитан, словно проснувшись.

– Он толстый? Толстый и лысеющий? И ходит вот так, если зол? – Воспользовавшись врожденным даром подражать людям – глядя на сына, Фил Сойер покатывался со смеху, даже когда сильно уставал или настроение у него было хуже некуда, – Джек изобразил Моргану Слоута. Лицо мальчика разом постарело, когда он нахмурил лоб, как хмурил его дядя Морган, если на что-то злился. Одновременно Джек надул щеки и опустил голову вниз, чтобы создать второй подбородок. Губы по-рыбьи выгнулись, и он быстро задвигал бровями вверх-вниз. – Он такой?

– Нет, – ответил капитан, но что-то блеснуло в его глазах, как в тот момент, когда Джек сказал ему, что Спиди Паркер – старый. – Морган высокий. Волосы у него длинные... – капитан поднял руку к правому плечу, чтобы показать длину, – и он хромает. Одна ступня деформирована. Он носит специальный сапог, но... – Мужчина пожал плечами.

– Вы ведь узнали Моргану, когда я его изображал! Вы...

– Ш-ш-ш! Ради Бога, не так громко, парень!

Джек понизил голос.

– Думаю, я знаю этого человека. – Он впервые ощутил страх. Этот новый мир Джек осознать не мог, но со знакомыми чувствами проблем не возникало. *Дядя Морган здесь? Господи Иисусе!*

– Морган – всего лишь Морган. Но с ним лучше не связываться. Пошли отсюда. – Рука капитана вновь сжала бицепс мальчика. Джек поморщился, но не сдвинулся с места.

Паркер становится Паркусом. А Морган... не может это быть совпадением.

– Секундочку. – Внезапно ему в голову пришел еще один вопрос. – У нее был сын?

– У королевы?

– Да.

– У нее был сын, – с неохотой ответил капитан. – Да. Мы не можем здесь оставаться.

Мы...

– Расскажите мне о нем.

– Нечего рассказывать, – ответил капитан. – Он умер в младенчестве, не прожив и шести недель. Ходили слухи, что один из людей Моргану... может, Осмонд... задушил его.

Но таким слухам грош цена. Я не люблю Моргана из Орриса, но всем известно, что один ребенок из десяти умирает в колыбельке. Никто не знает почему. Они умирают загадочно, безо всякой на то причины. Есть поговорка... Бог вбивает свои гвозди. Для Него королевский ребенок – не исключение. Он... Что с тобой? Ты в порядке?

Перед глазами Джека мир застлала серая пелена. Мальчика повело в сторону, и когда капитан подхватил его, прежде жесткие руки стали мягкими, будто пуховые подушки.

Он сам едва не умер в младенчестве.

Мать рассказывала ему эту историю – как она нашла его практически бездыханным в кровати, с синими губами, со щеками цвета погасших погребальных свечей. Она рассказывала, что с криком вбежала в гостиную с ним на руках. Его отец и Слоут сидели на полу, накачавшиеся вином, накурившиеся травки, и смотрели по телику реслинг. Отец вырвал его у матери, левой рукой с силой зажал ноздри («Синяки сошли только через месяц», – с нервным смешком рассказывала мать), потом прижался губами к крошечному роту Джека, а Морган закричал: «Я не думаю, что это ему поможет, Фил. Я не думаю, что это ему поможет».

(«Дядя Морган такой забавный, да, мама?» – спросил тогда Джек. «Да, очень забавный, Джеки», – ответила мать, улыбнулась странной, невеселой улыбкой и раскурила очередную сигарету «Герберт Тэрритун» от дымившегося в пепельнице окурка.)

– Парень! – прошептал капитан и тряхнул Джека так сильно, что его повисшая голова едва не оторвалась от шеи. – Парень! Черт побери! Если ты потеряешь сознание...

– Все хорошо. – Собственный голос донесся до Джека издалека, совсем как голос диктора, объявляющий что-то на матче «Доджерс», когда проезжаешь мимо бейсбольного стадиона «Чавес равин» в кабриолете с опущенным верхом, как эхо из приятного сна о бейсболе. – Отпустите меня. Так что вы говорите? Дайте отдышаться.

Трясти его капитан перестал, но смотрел настороженно.

– Все хорошо, – повторил Джек и резко, со всей силы влепил себе оплеуху. – *Ой!* – Но перед глазами прояснилось.

Он чуть не умер в кровати. Они тогда жили в квартире, которую он едва помнил. Мать называла ее Дворцом техникolorовой мечты, потому что из гостиной открывался прекрасный вид на Голливудские холмы. Он чуть не умер в кровати, и его отец и Морган Слоут в это время пили вино, а когда выпьешь много вина, часто писаешь, и он достаточно хорошо помнил, что во Дворце техникolorовой мечты путь из гостиной до ближайшего туалета лежал через комнату, в которой стояла его кровать.

Он это увидел: Морган Слоут поднимается, широко улыбаясь, говорит что-то вроде: «Секундочку, Фил, сейчас вернусь». Его отец пропускает эти слова мимо ушей, даже не смотрит на Моргана, потому что Стог Колхун как раз сворачивает в бараний рог злополучного соперника. Морган выходит из ярко освещенной гостиной в полумрак детской, где маленький Джеки Соьер спит в винни-пуховой пижамке, маленькому Джеки Соьеру тепло и уютно в сухом подгузнике. Он увидел, как дядя Морган украдкой оглядывается на светлый дверной проем в гостиную, его лоб собирается морщинами, губы поджимаются, превращая рот в узкую полоску, совсем как у озерного окуня. Он увидел, как дядя Морган берет с кресла подушку, осторожно, но решительно накрывает ею всю голову младенца и прижимает одной рукой, подсунув вторую Джеки под спину. Когда всякое шевеление прекращается, дядя Морган возвращает подушку на кресло, в котором обычно сидит у кровати Лили, и идет в ванную, чтобы отлить.

Если бы его мать не пришла практически сразу, чтобы проверить, как он...

Джека пробил холодный пот.

Так оно и было? Так могло быть. Сердце подсказывало, что так и было. Слишком уж идеальное совпадение, удивительное.

В возрасте шести недель сын Лауры Делессиан, королевы Долин, умер в своей кровати.

В возрасте шести недель сын Фила и Лили Сойер *чуть* не умер в своей кровати... *и Морган Слоут находился рядом.*

Его мать всегда заканчивала эту историю шуткой: как Фил Сойер едва не разбил их «крайслер», мчась в больницу, хотя Джеки уже задышал.

Очень смешно, все верно. Да.

2

– Теперь пошли, – поторопил его капитан.

– Хорошо. – Слабость и оцепенение не проходили. – Хорошо, давайте...

– Ш-ш-ш! – Капитан повернулся на звук приближавшихся голосов. Справа их отделяла от коридора стена не из дерева, а из плотной парусины. Она заканчивалась в четырех дюймах от пола. В просвете были видны сапоги. Пять пар солдатских сапог.

Один голос выбился из общего шума:

– ...не знал, что у *него* есть сын.

– Да перестань, – ответил второй, – ублюдки только и делают, что плодят ублюдков... это ты должен знать очень хорошо, Саймон.

Последовал грубый гогот – так обычно смеялись старшеклассники в школе Джека, из тех, кто пускал по кругу косячки за мастерской и обращался к младшим загадочными, но иногда пугающими словами: вафлер, и рукоблуд, и марфодит. И после каждого такого слова следовал приступ гогота, какой он только что услышал.

– Заткнитесь! Быстро заткнитесь! – Третий голос. – Если он вас услышит, не успеет тридцать раз взойти солнце, как вы будете патрулировать Пограничье!

Кто-то что-то сказал, но так тихо, что Джек не разобрал ни слова.

Опять смех, более сдержанный.

Еще одна неразборчивая фраза.

И удаляющийся смех.

Джек посмотрел на капитана. Тот не отрывал глаз от парусиновой стены, его губы разошлись в злобном оскале. О ком говорили солдаты, сомнений не вызывало. А если они это говорили, кто-то мог их слушать... кто-то, кому это слышать не следовало. И кто-то мог задаться вопросом: а откуда взялся этот внезапно появившийся бастард? Даже такой ребенок, как Джек, это понимал.

– Ты услышал достаточно? – спросил капитан. – Нам надо идти. – Похоже, ему хотелось вновь тряхнуть Джека... но он не решился.

И тебе велели... приказали... уж не знаю что... идти на запад, так?

Он менялся, подумал Джек. Менялся дважды.

Первый раз – когда Джек показал ему акулий зуб, который был резным медиатором в мире, где товары по дорогам развозили грузовики, а не запряженные лошадьми телеги. И второй раз, когда Джек подтвердил, что собирается на запад. Угроза в его поведении сменилась желанием помочь... в чем?

Я не могу сказать... не могу сказать, что тебе делать.

На лице капитана отражалось религиозное благоговение... или религиозный ужас.

Он хочет выбраться отсюда, боится, что нас могут здесь застукать, подумал Джек. Но это не все, верно? Он боится меня. Боится...

– Пошли, – повторил капитан. – Пошли, ради Джейсона.

– Ради кого? – тупо переспросил Джек, но капитан уже потянул его за собой. Выйдя из комнаты, они повернули налево, и капитан наполовину потащил, наполовину повел Джека по коридору, одна стенка которого была деревянной, а вторая – парусиновой, пахнущей плесенью.

– Мы пришли не этим путем, – прошептал Джек.

– Не хочу попадаться на глаза тем, кто видел, как мы входили, – также шепотом ответил капитан. – Это люди Моргана. Помнишь высокого? Такого тощего, что сквозь него все видно?

– Да. – Джек помнил сухую улыбку и глаза, которые не улыбались. Этот тощий мужчина выглядел суровым. И безумным. И еще: у Джека возникло смутное чувство, что он знал этого мужчину.

– Осмонд. – Теперь капитан потянул Джека направо.

Запах жарящегося мяса усилился, воздух буквально благоухал им. И Джеку ужасно хотелось попробовать так вкусно пахнущее мясо. Его не отпускал страх, нервы натянулись как струны, он, возможно, стоял на грани безумия... но рот наполнился слюной.

– Осмонд – правая рука Моргана, – пробурчал капитан. – Он ничего не упускает, и я бы не хотел, чтобы он увидел тебя дважды, парень.

– Что вы имеете в виду?

– Ш-ш-ш! – Капитан сжал ноющую руку Джека еще сильнее. Они приближались к широкому пологу, который перегораживал дверной проем. Джеку он напомнил занавеску в душевой, но этот полог был из мешковины, нити которой располагались так редко, что ткань больше походила на сеть. И кольца, на которых висел полог, были из кости, а не хромированного металла. – Теперь плачь, – горячо выдохнул капитан в ухо Джека.

Он сдвинул полог и втащил мальчика в огромную кухню, наполненную дразнящими ароматами (запах мяса по-прежнему доминировал) и клубящейся жарой. Джек смутно различил жаровни, большую трубу, женские лица под большими белыми косынками, наплавившими ему головные уборы монахинь. Несколько женщин стояли вдоль длинного железного корыта на козлах. Их раскрасневшиеся лица блестели от пота. Они мыли кастрюли и другую кухонную утварь. Другие расположились у стола, занимавшего середину комнаты, что-то резали, рубили, строгали, вычищали. Одна несла противень с еще не испеченными пирогами. Все тарасились на Джека и капитана, когда те проходили по кухне.

– Чтобы больше этого не было! – орал капитан на Джека, тряся его, как терьер – крысу, и при этом быстро продвигаясь к двустворчатой двери в дальнем конце помещения. – Не было, слышишь меня? Если ты еще раз увильнешь от своих обязанностей, я сдеру с тебя шкуру, как снимают кожуру с печеной картошки.

Тут капитан прошипел:

– Они это запомнят и будут об этом говорить, так что плачь, черт бы тебя побрал!

В этот самый момент, когда капитан с изуродованным шрамом лицом тащил его по жаркой кухне, держа за руку и за шею, Джек сознательно представил себе ужасное: мать в похоронном бюро. Увидел ее в пышных складках белой органди: она лежала в гробу в свадебном платье, которое носила в фильме «Заварушка на Дрэг-стрип», вышедшем на экраны в 1953 году. Ее лицо все яснее и яснее проступало перед его мысленным взором, идеальная восковая копия, и Джек видел, что на матери миниатюрные золотые сережки-крестики, которые он подарил ей на Рождество два года назад. Потом лицо изменилось. Подбородок закрутился. Нос стал более прямым, более патрицианским. Волосы чуть посветлели, стали

жестче. Теперь в гробу лежала Лаура Делессиан, и гроб этот не изготовили в каком-то безымянном похоронном бюро, а выдолбили из цельного ствола – гроб викингов, если такие существовали. Не составляло труда увидеть, как этот гроб пылает на штабеле сухих бревен. Он определенно не предназначался для того, чтобы его опустили в безмолвную землю. Это была Лаура Делессиан, королева Долин, и в своем воображении Джек видел ее ясно и отчетливо, но королева была в свадебном платье его матери из фильма «Заварушка на Дрэг-стрип», и в ее ушах блестели сережки-крестики, которые дядя Томми помог ему выбрать в магазине «Шарпс» в Беверли-Хиллз. Внезапно слезы хлынули горячим, обжигающим потоком – не притворные слезы, а настоящие; Джек оплакивал не только мать, а обеих женщин, умирающих в разных мирах, связанных невидимой нитью, которая может гнить, но никогда не разорвется, по крайней мере до их смерти.

Сквозь слезы он увидел гиганта в развевающихся белых одеждах, который спешил к ним. Белый поварской колпак заменяла красная бандана, но Джек подумал, что предназначение ее то же самое – показывать, кто на кухне хозяин. Повар размахивал деревянной вилкой с тремя зубцами, выглядевшей очень грозно.

– УБИР-РАЙТЕСЬ! – заорал на них шеф, но из гигантской груди вырвался до абсурда тонкий голосок тщедушного гея, выговаривающего продавцу обуви за качество обслуживания. А вот в вилке Джек ничего абсурдного не видел. Она тянула на смертоносное оружие.

– УБИР-РАЙТЕСЬ ИЗ МОЕЙ КУХНИ, СЛИЗНЯКИ! ЧЕР-РЕЗ НЕЕ НИКТО ПУТЬ НЕ СР-РЕЗАЕТ! ЗДЕСЬ НЕ ПР-РОХОДНОЙ ДВОР-Р! И ЕСЛИ ВЫ ЭТОГО НЕ ЗАПОМНИТЕ, КЛЯНУСЬ БОГОМ ПЛОТНИКОМ, Я ВЫР-РЕЖУ ЭТО НА ВАШИХ ЗАДАХ!

Он ткнул в них вилкой, отвернувшись и прикрыв глаза, как будто, несмотря на грубую речь, ему претил вид льющейся крови. Капитан убрал руку с шеи Джека и, как тому показалось, небрежно вытянул перед собой. Мгновением позже все шесть с половиной футов шеф-повара лежали на полу. Мясная вилка составляла ему компанию, оказавшись в луже клубничной начинки среди ошметков белого теста, которые так и не стали пирогом. Шеф катался, прижимая к груди сломанную в запястье правую руку, и кричал высоким, напоминавшим звуки флейты голосом. Новости, которые он сообщал тем, кто его слышал, конечно же, не радовали: он мер-р-тв, капитан его точно убил, как минимум покалечил, жестокий и бессер-рдечный капитан Внешней стр-ражи изувечил ему пр-равую р-руку и лишил его ср-редств к существованию, так что отныне ему уготована жизнь нищего; капитан пр-ричинил ему ужасную боль, невозможно даже пр-редставить себе, какую сильную боль, ни один человек на...

– *Заткнись!* – рявкнул капитан, и шеф заткнулся. Незамедлительно. Он лежал на полу, как огромный ребенок, прижимая правую руку к груди, красная бандана пьяно сползла набок, открыв одно ухо (по центру мочки поблескивала маленькая черная жемчужина), толстые щеки дрожали. Работавшие на кухне женщины ахнули и зашептались, когда капитан наклонился над перепуганным властелином этой заполненной клубами пара пещеры, где они проводили дни и ночи. Джек, по-прежнему плача, заметил чернокожего мальчика (*смуглого* мальчика, поправил его внутренний голос), стоявшего у самой большой жаровни. Рот мальчика раскрылся, лицо выражало удивление, как у персонажа менестрель-шоу¹⁴, но он не забывал поворачивать ручку, и баранья нога продолжала вертеться.

– А теперь послушай, и этого совета тебе не найти в «Книге доброго земледелия», – начал капитан, когда его нос едва не соприкоснулся с носом шефа (парализующая хватка – к счастью, рука Джека уже онемела, и боли не чувствовалось – при этом не ослабла

¹⁴ Менестрель-шоу – шуточное представление, в котором участвуют белые, загримированные под негров.

ни на йоту). – Никогда... никогда не подходи к мужчине с ножом... или с вилкой... или с копьем... или даже, прости Господи, со щепкой в руке, если не собираешься его убить. Всем известно, какие повара вспыльчивые, но вспыльчивость не подразумевает нападения на капитана Внешней стражи. Ты меня понимаешь?

Шеф простонал что-то слезливое и воинственное. Джек не разобрал, что именно – акцент повара заметно усилился, – но сказанное имело какое-то отношение к матери капитана и помоечным псам, рыщущим у павильона.

– Это возможно, – ответил капитан. – Никогда не знал эту даму. Но я не получил ответа на мой вопрос. – И он ткнул шефа в бок пыльным ободраным сапогом. Пнул достаточно мягко, но шеф взвыл так, будто капитан врезал ему со всей силы. Женщины вновь зашептались.

– Удалось ли нам достичь понимания в вопросе шеф-поваров, оружия и капитанов? В противном случае потребуются дополнительные разъяснения.

– Удалось! – выдохнул шеф. – Удалось! Удалось! Уда...

– Отлично. Потому что сегодня мне уже надоело разъяснять непонятливым. – Капитан вновь схватил Джека за шею. – Так ведь, парень? – И снова тряхнул мальчика, вызвав вопль, лишь отчасти наигранный. – Что ж... полагаю, это все, что он может сказать. Ума у парня не много, как и у его матери.

Капитан мрачно оглядел кухню.

– Доброго вам дня, дамы. Да пребудет с вами благословение королевы.

– И с вами, добрый сэра, – решила ответить самая старая из них и сделала неуклюжий реверанс. Остальные последовали ее примеру.

Капитан потащил Джека через кухню. Джек сильно ударился бедром об угол корыта для мойки и вновь взвыл. Выплеснулась горячая вода. Дымящиеся капли, шипя, побежали по доскам и исчезли между ними. *У этих женщин руки постоянно в такой воде*, подумал Джек. *Как они это выдерживают?* Тут капитан, который уже почти нес его, вытолкнул Джека через еще один полог из мешковины в коридор, который находился за ним.

– Фу! – выдохнул капитан. – Мне это не нравится, совершенно не нравится, от этого мутит.

Налево, направо, снова направо. Джек чувствовал, что они приближаются к наружной стене павильона, и ему хватило времени, чтобы задаться вопросом, почему внутри павильон гораздо больше, чем можно себе представить, глядя на него снаружи. Потом капитан протолкнул его в щель между полотнищами, и они оказались под открытым небом, вышли в яркий дневной свет, который после сумрака павильона с такой силой ударил Джека по глазам, что ему пришлось зажмуриться.

Капитан не терял ни секунды. Грязь чавкала и хлюпала под ногами. Пахло сеном, и лошадами, и навозом. Джек вновь открыл глаза и увидел, что они пересекают то ли огороженный пятачок для выгула лошадей, то ли загон, то ли двор у амбара. Он увидел парусиновую изгородь, за которой кудахтали куры. Тощий мужчина, голый, если не считать грязного килта и веревочных сандалий, деревянными вилами бросал сено в открытое стойло, из которого печально смотрела лошадь, размером чуть больше шотландского пони. Они уже миновали стойло, когда разум Джека смог переварить увиденное: у лошади было две головы.

– Эй! – крикнул он. – Могу я заглянуть в стойло? Там...

– Нет времени.

– Но у лошади...

– Я сказал, нет времени. – Тут капитан возвысил голос: – И если я еще раз увижу, как ты лежишь на боку, когда работа еще не сделана, то всыплю тебе дважды!

– Нет, это больше не повторится! – крикнул Джек (по правде говоря, повторы начали ему надоедать). – Клянусь, не повторится! Я же говорил, я буду хорошим!

Впереди уже виднелись деревянные ворота в стене из неотесанных бревен. Джек видел такие – они огораживали поселения в старых вестернах (его мать снялась в нескольких). К воротам были прибиты тяжелые скобы, но Джек отметил, что запорного бруса в них нет. Он стоял у стены слева от ворот, толстый, как железнодорожный шлагбаум. Створки разошлись на несколько дюймов. Джек вконец запутался, петляя по коридорам, но здравый смысл подсказал ему, что они на задворках павильона.

– Слава Богу, – проговорил капитан уже более нормальным голосом. – Теперь...

– Капитан, – раздалось позади них. Мужской голос, тихий, но внятный, звучащий нарочито небрежно. Капитан остановился как вкопанный. Голос раздался в тот самый момент, когда обезображенный шрамом спутник Джека протягивал руку к левой створке, чтобы толкнуть ее. Не вызывало сомнений, что обладатель голоса наблюдал за ними и дожидался именно этого момента.

– Быть может, ты представишь мне твоего... э-э-э... сына?

Капитан повернулся, Джек вместе с ним. Посреди загона – инородное тело среди всей этой грязи – стоял худющий придворный, которого боялся капитан. Осмонд. Он разглядывал их меланхолическими темно-серыми глазами. Джек увидел, как что-то шевелится в этих глазах, в самой глубине. Страх вдруг усилился, обрел острие. *Да он чокнутый*, осознал Джек. *Безумней не бывает.*

Осмонд приблизился на два аккуратных шага. В левой руке он держал обтянутую кожей рукоятку кнута. Кнутовище чуть сужалось, переходя в сам кнут, трижды обмотанный вокруг плеча Осмонда, толстый, как гремучая змея. Ближе к свободному концу кнут разделялся на дюжину более тонких кнутиков из переплетенных полосок сыромятной кожи, а каждый кнутик оканчивался грубым блестящим металлическим наконечником.

Осмонд дернул рукоятку, и кольца кнута с сухим шипением сползли с его плеча. Покачал рукой, и косички из сыромятной кожи заерзали в перемешанной с соломой грязи.

– Твоего сына? – повторил Осмонд и приблизился еще на шаг. И внезапно Джек понял, почему этот человек показался ему знакомым. В тот день, когда его чуть не похитили... Белый костюм!

Джек подумал, что скорее да, чем нет.

3

Капитан сжал пальцы в кулак, поднес ко лбу, поклонился. После короткого колебания Джек последовал его примеру.

– Мой сын, Льюис, – сдавленно произнес капитан, не распрямляясь. Джек увидел это, скосив глаза влево. Он тоже не стал распрямляться, его сердце бешено колотилось.

– Спасибо, капитан. Спасибо, Льюис. Да благословит вас королева. – Когда Осмонд коснулся Джека кнутовищем, тот чуть не вскрикнул. Он выпрямился, подавляя вопль.

Осмонд стоял уже в двух шагах, не отрывая от Джека безумного, меланхолического взгляда. На нем был кожаный жилет с вроде бы бриллиантовыми застежками, пенящаяся кружевами рубашка, на запястье правой руки поблескивал браслет-цепочка (судя по тому, как Осмонд держал кнут, Джек догадался, что он левша). Волосы забраны назад и перевязаны широкой лентой, похоже, из белого атласа. От Осмонда исходили два запаха. Один его мать называла «мужским ароматом», подразумевая лосьон после бритья, одеколон, что-то такое. В случае Осмонда это был запах сухости и пудры. Джеку он напомнил старые черно-белые английские фильмы с судами на Олд-Бейли¹⁵. Судьи и адвокаты в этих фильмах носили парики, и Джек подумал, что коробки из-под париков пахли, как Осмонд: сушью

¹⁵ Олд-Бейли – улица в Лондоне, где находится Центральный уголовный суд.

и рыхлой сладостью, словно самый старый в мире пончик с сахарной пудрой. А под этим запахом проступал другой, более естественный и менее приятный, принадлежащий непосредственно Осмонду. Запах слоев пота и грязи, запах человека, который мылся редко, если мылся вообще.

Да. Осмонд был одним из существ, которые пытались похитить его в тот день.

Желудок Джека завязался узлом и дернулся.

– Я не знал, что у тебя есть сын, капитан Фаррен. – Хотя обращался Осмонд к капитану, смотрел он по-прежнему на Джека.

Льюис, думал тот. Ты Льюис, не забывай...

– Лучше бы его у меня не было, – ответил капитан, глянув на Джека со злобой и презрением. – Я оказал ему честь, приведя в большой павильон, а он сбежал от меня, как пес. Я поймал его за...

– Да, да, – оборвал его Осмонд и рассеянно улыбнулся.

Он не верит ни единому слову, в отчаянии подумал Джек и почувствовал, как его разум еще на шаг придвинулся к панике. Ни единому слову!

– Мальчишки плохие. Все мальчишки плохие. Это аксиома.

Он постучал кнутовищем по запястью Джека. Тот нервно вскрикнул... и его лицо тут же залила краска стыда.

Осмонд хихикнул.

– Плохие, да, это аксиома. Все мальчишки плохие. Я был плохим, и, готов спорить, ты тоже, капитан Фаррен. Да? Да? Ты был плохим?

– Да, Осмонд, – ответил Фаррен.

– Очень плохим? – спросил Осмонд. Невероятно, но он начал пританцовывать в грязи. Однако ничего женоподобного Джек в этом не видел. В худощавом, чуть ли не хрупком Осмонде не чувствовалось ничего гомосексуального. А если в его словах и улавливался какой-то намек, Джек интуитивно понимал, что дело в другом. Нет, куда явственнее проступали злоба и... безумие. – Очень плохим? На редкость плохим?

– Да, Осмонд, – деревянным голосом ответил Фаррен. Его шрам блестел в послеполуночном свете, теперь уже не розовый, а красный.

Осмонд прекратил импровизированный танец так же резко, как и начал. Холодно посмотрел на капитана.

– *Никто* не знал, что у тебя есть сын, капитан.

– Он незаконнорожденный, – ответил капитан. – И слабоумный. Как теперь выясняется, еще и ленивый. – Он вдруг повернулся и ударил Джека в ухо. Несильно, но рука у капитана Фаррена была тяжелая, как кирпич. Джек взвыл и упал в грязь, держась за ухо.

– Очень плохой, по большей части *на редкость* плохой, – повторил Осмонд, но теперь его худое лицо превратилось в бесстрастную маску, скрывающую все чувства. – Вставай, плохой мальчик. Плохих мальчиков, которые не слушаются отцов, должно наказывать. И плохих мальчиков должно допрашивать. – Он взмахнул кнутом. Раздался сухой щелчок. Охваченный паникой разум Джека попытался уйти в воспоминания о родном ему мире. Любым способом. Щелчок хлыста Осмонда напомнил ему выстрел из духовушки «Дейзи», которую ему подарили в восемь лет. Ему и Ричарду Слоуту.

Осмонд потянулся и схватил Джека за измазанное грязью предплечье белой, похожей на паучью лапку рукой. Привлек мальчика к себе, в эти запахи – старой сладкой пудры и старой затхлой грязи. Странные серые глаза впелись в синие глаза Джека. Тот ощущал, как тяжелеет мочевой пузырь, и прилагал все силы к тому, чтобы не надуть в штаны.

– Ты кто? – спросил Осмонд.

4

Слова повисли в воздухе между ними.

Джек чувствовал, что капитан смотрит на него: лицо сурово, но глаза полны отчаяния. Слышал кудахтанье кур, лай собаки, скрип приближающейся большой телеги.

Скажи мне правду, ложь я отличу сразу, требовал взгляд Осмонда. Ты очень похож на одного плохого мальчика, с которым я однажды повстречался в Калифорнии... Ты тот самый мальчик?

И на мгновение на губах Джека задрожало признание:

Джек, я Джек Соьер, да, я тот мальчик из Калифорнии, королева этого мира была моей матерью, только я умер, и я знаю вашего босса, я знаю Моргана – дядю Моргана, – и я скажу вам все, что вы захотите узнать, если только вы перестанете буравить меня вашими ужасными безумными глазами, да, я все скажу, потому что я всего лишь ребенок, а именно это делают дети, они говорят, они рассказывают все...

Но тут он услышал голос матери, ее насмешливые интонации:

Ты собираешься все рассказать этому парню, Джеки? ЭТОМУ парню? От него воняет, как на распродаже в отделе мужских одеколонов, и он похож на средневекового Чарлза Мэнсона... но поступай как знаешь. Ты сможешь обвести его вокруг пальца – и без труда, – но поступай как знаешь.

– Кто ты? – повторил Осмонд, прижимаясь еще плотнее, и на его лице Джек прочитал полнейшую уверенность – он привык получать у людей интересующие его ответы... и не только у двенадцатилетних мальчишек.

Джек глубоко, со всхлипом, вдохнул (*Когда хочешь добиться максимальной громкости, когда хочешь, чтобы тебя услышали на последнем ряду балкона, ты должен задействовать диафрагму, Джеки. Тогда голосовые связки выдадут максимум*) и завопил:

– Я СОБИРАЛСЯ ВЕРНУТЬСЯ! КЛЯНУСЬ БОГОМ!

Осмонд, который наклонился вперед, рассчитывая на едва слышный слезливый шепот, отпрянул, словно Джек внезапно ударил его. Наступил одной ногой на хвосты-косички своего кнута и едва не упал.

– Ты, чертов маленький...

– Я СОБИРАЛСЯ ВЕРНУТЬСЯ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПОРИТЕ МЕНЯ, ОС-МОНД! Я СОБИРАЛСЯ ВЕРНУТЬСЯ! Я НИКОГДА НЕ ХОТЕЛ ПРИХОДИТЬ СЮДА НИКОГДА Я НИКОГДА Я НИКОГДА...

Капитан Фаррен подскочил к нему и ударил в спину. Джек распластался в грязи, по-прежнему крича.

– Он слабоумный, как я вам и говорил, – услышал он голос капитана. – Я приношу извинения, Осмонд. Можете быть уверены, я выпорю его так, что не останется и клочка целой кожи. Он...

– *Что он вообще здесь делает?* – взвизгнул Осмонд, тонко и пронзительно, совсем как торговка рыбой. – *Что этот сопливый ублюдок здесь делает? Не предлагай мне показать его пропуск! Я знаю, нет у него пропуска! Насколько мне известно, ты мог притащить его сюда,*

чтобы накормить со стола королевы... чтобы он украл столовое серебро... одного взгляда достаточно, чтобы понять, что он очень *плохой*, невыносимо *плохой*, абсолютно *плохой*!

Вновь щелкнул кнут, но уже не тихим щелчком духовушки «Дейзи» – на этот раз словно грохнул выстрел из винтовки двадцать второго калибра, и Джек успел подумать: *Я знаю, к чему все идет*, – а потом большая жестокая рука вцепилась ему в спину. Боль ввинтилась в его плоть и начала разрастаться, жаркая и сводящая с ума. Он закричал, извиваясь в грязи.

– Плохой! Ужасно плохой! Абсолютно плохой!

Каждый «плохой» сопровождался щелчком кнута Осмонда, пятерней, впивающейся в спину, криком Джека. Его спина горела. Он понятия не имел, как долго это продолжалось – с каждым ударом ярость Осмонда пылала все ярче, – но тут раздался новый голос:

– Осмонд! Осмонд! Вы здесь! Слава Богу!

И топот бегущих ног.

– Ну? Ну? Что такое? – резко спросил Осмонд, его дыхание чуть сбилось.

Рука схватила Джека за локоть, помогла подняться. Когда он покачнулся, она обхватила его за талию и удержала на ногах. Не верилось, что капитан, который так жестко и грубо тащил его по павильону, мог проявить подобную нежность.

Джек вновь пошатнулся. Мир стремился расплыться перед глазами. Струйки теплой крови текли по спине. Он смотрел на Осмонда с быстро набирающей силу яростью, и ему нравилось ощущать эту ярость. Она служила отличным противоядием страху и замешательству.

Ты это сделал... ты причинил мне боль, ты поранил меня. А теперь слушай, обезьяна. Если у меня появится шанс поквитаться с тобой...

– Ты в порядке? – прошептал капитан.

– Да.

– Что? – прокричал Осмонд двум мужчинам, появление которых прервало наказание Джека.

Первого Джек уже видел: один из денди, мимо которых они с капитаном прошли, направляясь к потайному коридору. Второй чем-то напоминал возницу, с которым Джек столкнулся, едва появившись в Долинах. Этот человек выглядел крайне испуганным, и ему изрядно досталось: кровь из рваной раны на левой стороне головы запеклась, залив практически всю левую щеку. Он поцарапал левую руку, порвал камзол.

– Что ты говоришь, шакал?

– Мой фургон перевернулся на повороте в дальнем конце деревни Мастеровых, – ответил возница. Он говорил медленно, растягивая слова, как человек, еще не отошедший от шока. – Мой сын погиб, господин. Его раздавило бочками. В день майского сева ему только исполнилось шестнадцать. Его мать...

– Что? – вновь взвизгнул Осмонд. – Бочки? С элем? Не из Кингсленда? Ты же не хочешь мне сказать, что перевернул фургон, полный бочек «Кингслендского эля», безмозглый осел? Ты же не хочешь мне этого сказать, да-а-а-а?

На последнем слове голос Осмонда взлетел до невообразимых высот, словно он переразвивал оперную диву. Звук вибрировал и переливался. И одновременно Осмонд вновь начал приплясывать... но на этот раз от ярости. Сочетание получилось таким странным, что Джеку пришлось поднять обе руки ко рту, чтобы заглушить произвольный смех. От этого движения рубашка заскользила по растерзанной спине, мгновенно отрезвив мальчика еще до того, как капитан шепотом предупредил, что смеяться никак нельзя.

Терпеливо, словно Осмонд упустил самое важное (в чем возница, должно быть, не сомневался), мужчина начал вновь:

– Ему только исполнилось шестнадцать на день майского сева. Его мать не хотела, чтобы он ехал со мной. Я и подумать не мог...

Осмонд поднял хлыст и нанес удар с невероятной, неуловимой для глаза скоростью. Только что он держал кнутовище в опущенной руке, и хвосты-косички из сыромятной кожи месили грязь, а в следующее мгновение уже раздался хлопок – вновь как от выстрела из детской духовушки. Возница, закричав, отшатнулся, закрыл лицо руками. Свежая кровь сочилась сквозь грязные пальцы. Он упал, бормоча сдавленным, булькающим голосом:

– Мой господин! Мой господин! Мой господин!

– Пойдемте отсюда, – простонал Джек. – Быстрее!

– Подожди! – ответил капитан. Его суровое лицо чуть смягчилось. В глазах затеплилась надежда.

Осмонд повернулся к денди, который отступил на шаг, безмолвно шевеля полными алыми губами.

– Это был «Кингсленд»? – тяжело дыша, спросил он.

– Осмонд, вам нельзя так волноваться...

Осмонд чуть приподнял левую руку. Металлические наконечники косичек заскребли по сапогам денди. Тот отступил еще на шаг.

– Не смей указывать, что мне можно, а что – нет. Только отвечай на мои вопросы. Я рассержен, Стивен, я невероятно, страшно рассержен. Это был «Кингсленд»?

– Да, – кивнул Стивен. – Я очень сожалею, но...

– На Сторожевой дороге?

– Осмонд...

– *На Сторожевой дороге, осел?*

– Да. – Стивен шумно сглотнул.

– Разумеется. – Тощее лицо Осмонда рассекла отвратительная усмешка. – Где находится деревня Мастеровых, как не на Сторожевой дороге? Может ли деревня летать? А? Стивен, может деревня перелететь с одной дороги на другую? Может? Может?

– Нет, Осмонд, конечно же, нет.

– Нет. Значит, эти бочки раскатились по Сторожевой дороге, правильно? И я могу предположить, что перевернувшийся фургон перегораживает Сторожевую дорогу, тогда как лучший в Долинах эль пропитывает землю, чтобы дождевые черви могли уйти в запой? Это правильно?

– Да... да. Но...

– Морган едет по Сторожевой дороге! – взвизгнул Осмонд. – *Морган едет, и ты знаешь, как мчатся его лошади!* Если дилижанс обогнет поворот и наткнется на этот завал, кучер не успеет остановить лошадей! *Дилижанс может перевернуться! Морган может погибнуть!*

– Святойбоже, – прошептал Стивен в одно слово. Его бледное лицо побледнело еще сильнее.

Осмонд кивнул.

– Думаю, если дилижанс Моргана опрокинется, нам следует молиться за его смерть, а не выздоровление.

– Но... но...

Осмонд отвернулся и почти побежал к тому месту, где стоял капитан Внешней стражи со своим «сыном». За его спиной несчастный возница все еще копошился в грязи, повторяя: «Мой господин».

Взгляд Осмонда коснулся Джека, а потом сместился, словно мальчика и не существовало.

– Капитан Фаррен! Ты следил за тем, что происходило здесь в последние пять минут?

– Да, Осмонд.

– Следил внимательно? Ничего не упустил? Ты ничего не упустил?

– Думаю, что нет.

– Думаешь, значит? Какой ты прекрасный капитан! Полагаю, мы еще поговорим о том, каким образом такой прекрасный капитан мог стать отцом этой лягушачьей мошонки.

Холодный взгляд вновь коснулся Джека.

– Но сейчас времени для этого нет, правильно? Нет. Я предлагаю тебе взять с десятков твоих самых крепких людей и быстро... нет, очень быстро... отправить их на Сторожевую дорогу. Ты ведь сможешь определить место происшествия по запаху?

– Да, Осмонд.

Осмонд глянул на небо.

– Моргана ждут к шести часам... может, чуть раньше. Сейчас два. Я бы сказал, что два. По-твоему, два, капитан?

– Да, Осмонд.

– А что скажешь ты, маленький говнюк? Тринадцать? Двадцать три? Восемьдесят один? Который час?

Джек таращился на него. Осмонд пренебрежительно усмехнулся, и Джек почувствовал, как вновь закипает ярость.

Ты причинил мне боль, и если у меня появится шанс...

Осмонд вновь смотрел на капитана.

– Я предлагаю до пяти часов попытаться спасти те бочки, которые остались целыми. После пяти надо как можно быстрее очистить дорогу. Это понятно?

– Да, Осмонд.

– Тогда пошел отсюда.

Капитан Фаррен поднес кулак ко лбу и поклонился. Тупо таращась на Осмонда, ненавидя его так яростно, что стучало в висках, Джек последовал примеру капитана. Осмонд отвернулся от них еще до того, как кулак Фаррена поднялся ко лбу, и направился к вознице, пощелкивая кнутом, наполняя двор звуками выстрелов из духовушки «Дейзи».

Возница услышал шаги Осмонда и начал кричать.

– Пошли. – Капитан в последний раз потянул Джека за руку. – Ты не захочешь это видеть.

– Нет, – пробормотал Джек, – Господи, нет.

Но когда капитан Фаррен толкнул правую створку ворот и они наконец-то покинули павильон, Джек это услышал – и слышал той ночью во сне: один выстрел карабина следовал за другим, и каждый сопровождался криком обреченного возницы. А Осмонд издавал какие-то звуки. От напряжения у него перехватывало дыхание, и определить, что это за звуки, не представлялось возможным, не посмотрев на его лицо... а этого Джеку как раз и не хотелось.

Впрочем, он и так практически не сомневался.

Он знал, что Осмонд смеется.

5

Они вернулись к главным воротам дворца, где толпился народ. Люди бросали короткие взгляды на капитана Фаррена и расступались перед ним. Капитан шел быстро, мрачный, погруженный в свои мысли, и Джек почти бежал, чтобы не отставать.

– Нам повезло, – внезапно нарушил молчание капитан. – Нам чертовски повезло. Я думаю, он собирался тебя убить. – Джек уставился на капитана, во рту у него пересохло. – Он безумен, ты знаешь, безумен, как человек, который гонялся за пирогом. – Джек понятия не имел, о чем речь, но согласился, что Осмонд безумен.

– Что...

– Подожди. – Капитан подвел Джека к маленькой нише, куда они зашли после того, как Джек показал капитану акулий зуб. – Стой здесь и жди меня. Ни с кем не разговаривай.

Он скрылся за пологом. Джек стоял, смотрел и ждал. Мимо прошел жонглер, глянул на Джека, не сбиваясь с ритма, продолжая подкидывать с полдюжину шаров. Стайка грязных детей следовала за ним, как за крысоловом из Гамельна. Молодая женщина с младенцем, который сосал огромную грудь, сказала, что может кое-чему научить его, если у него есть пара монет, показать, что маленький стручок нужен не только для того, чтобы писать. Засмутившись, Джек отвернулся, его лицо горело.

Молодая женщина залилась каркающим смехом.

– *О-о-о-о, этот симпатичный молодой человек СТЕСНЯЕТСЯ! Иди сюда, красавчик! Иди...*

– Отвали, шлюха, а не то закончишь этот день в подземелье.

Капитан вернулся в сопровождении другого мужчины, старого и толстого, но в чем-то схожего с Фарреном: он тоже выглядел как настоящий солдат, а не персонаж комической оперы Гилберта и Салливана. Толстяк пытался застегнуть форменную куртку на большом животе, не выпуская из руки инструмента, напоминавшего валторну.

Молодая женщина с грязным младенцем убежала, даже не взглянув на Джека. Капитан взял у толстяка валторну, чтобы тот мог застегнуться, и что-то ему сказал. Толстяк кивнул, привел форму в порядок, забрал инструмент, отошел и поднес его к губам. Это был не тот звук, который услышал Джек, впервые попав в Долины. Тогда трубили несколько горнов, словно сообщая о чем-то важном: у Джека возникла аналогия с герольдами. Сигнал валторны напоминал фабричный гудок: предстояла какая-то работа.

Капитан подошел к Джеку.

– Пошли со мной.

– Куда?

– На Сторожевую дорогу, – ответил капитан Фаррен и с удивлением, а отчасти и со страхом взглянул на Джека Сойера. – Которую мой дед называл Западной дорогой. Она тянется на запад через все более мелкие деревни, до самого Пограничья. За Пограничем она ведет в никуда... или в ад. Если ты пойдешь на запад, тебе в сопровождающие понадобятся Господь, парень. Но я слышал, Он сам никогда не бывал дальше Пограничья. Пошли.

Вопросы теснились в голове Джека – целый миллион, – однако капитан шагал так быстро, что на слова просто не хватало дыхания. От большого павильона они двинулись на юг, спустились с холма, миновали то место, где Джек впервые появился в Долинах. Сельская ярмарка шумела теперь совсем близко. Джек слышал зазывалу, приглашавшего всех желающих попытать удачу с Ослом дьявола. Удержавшийся на его спине две минуты получит приз, кричал зазывала. Дующий с моря ветерок далеко разносил его голос, как и запах горячей

еды – поджаренной кукурузы и все того же мяса. Желудок Джека урчал. Теперь, спасшись от Осмонда, Великого и Ужасного, он ощущал жуткий голод.

Не доходя до ярмарки, они свернули направо, на дорогу, гораздо более широкую, чем та, что вела к большому павильону. *Сторожевая дорога*, подумал Джек и тут же, ощутив внутри холодок страха, поправился: *Нет... Западная дорога. Путь к Талисману.*

И вновь поспешил за капитаном Фарреном.

6

Осмонд не ошибся: при необходимости они могли положиться на свой нюх. Еще за милю до деревни со странным названием ветер донес до них кислый запах разлитого эля.

Практически весь транспортный поток двигался в одну сторону – на восток. По большей части фургоны, которые тащили взмыленные лошади (впрочем, Джек не увидел ни одной с двумя головами). Он предположил, что в этом мире фургоны заменяли грузовые фуры, «даймонд-рео» и «питербилты». Некоторые были доверху загружены сумками, баулами и мешками, другие – сырым мясом, третьи – клетками с кудахчущими курами. На окраине деревни Мастеровых мимо них на огромной скорости пронеслась телега с женщинами. Все они смеялись и кричали. Одна поднялась, задрала юбку, открыв волосатую промежность, пьяно рыгнула и завертела бедрами. Она свалилась бы через край телеги в кювет – и, вероятно, сломала бы себе шею, – если бы другая женщина не схватила ее сзади за юбку и не дернула на себя.

Джек снова покраснел, как и в тот раз, когда увидел белую грудь молодой женщины, сосок в губах грязного младенца. *О-о-о-о, этот симпатичный молодой человек СТЕСНЯЕТСЯ!*

– Господи! – пробормотал капитан, прибавляя шагу. – Они все пьяные! Напились разлитого эля! И шлюхи, и возница! Они разобьются на дороге или свалятся с обрыва... невелика потеря! Заразные шлюхи!

– По крайней мере, – пропыхтел Джек, – дорога, наверное, не перегорожена, раз по ней такое движение. Ведь так?

Они уже вошли в деревню Мастеровых. Широкою Западную дорогу здесь поливали маслом, чтобы прибить пыль. Мимо проезжали все новые фургоны, люди группами переходили улицу, и все разговаривали слишком громко. Джек увидел, как двое мужчин заспорили у здания, напоминавшего ресторан. Внезапно один врезал другому. Через мгновение оба катались по земле. *«Кингслендским элем» накачались не только шлюхи*, подумал Джек. *Я думаю, здесь его отведали все.*

– Эти большие фургоны, что мы видели, едут отсюда, – пояснил капитан Фаррен. – Некоторые, поменьше, могли проскочить, но дилижанс Моргана совсем не маленький.

– Морган...

– Давай пока забудем про Моргана.

Запах эля усиливался, становясь все резче, по мере того как они миновали центр деревни, приближаясь к дальней окраине. Ноги Джека болели, но он пытался не отстать от капитана. По его прикидкам, они отшагали мили три. *Сколько же это в моем мире?* – подумал он и тут вспомнил о волшебном соке Спида. Лихорадочно ощупал камзол, убежденный, что бутылки нет... но нашел ее, надежно закрепленную в той части одежды, которая в Долинах заменяла нижнее белье.

Когда они добрались до западной окраины деревни, фургонный поток заметно обмелел, зато резко возросло число пешеходов, направлявшихся на восток. Большинство покачивалось, смеялось, у многих заплетались ноги. Ото всех разило элем. У некоторых он капал с одежды, словно они плюхались в лужу эля и лакали его, как собаки. Джек полагал, что так

оно и было. Он увидел смеющегося мужчину, который вел за руку смеющегося мальчика лет восьми. Пугающее сходство мужчины с отвратительным дневным портье из «Альгамбры» бросалось в глаза, и Джек понял, что видит его здешнего двойника. Оба – и мужчина, и мальчик – были пьяны, и когда Джек обернулся, чтобы посмотреть им вслед, мальчишку начало тошнить. Его отец – Джек предположил, что это его отец – грубо дернул мальчика за руку, когда тот попытался отойти за растущие у дороги кусты, чтобы проблеваться в относительном уединении. Мальчишку качнуло к отцу, как собаку на коротком поводке, и вырвало на какого-то пожилого мужчину, который лежал на обочине и храпел.

Лицо капитана Фаррена мрачнело больше и больше.

– Бог поколотит их всех, – прорычал он.

Даже те, кто крепко принял на грудь, по широкой дуге обходили капитана со шрамом на щеке. Теперь у него на ремне висели кожаные ножны, из которых торчала рукоять, как предполагал Джек, короткого, но острого меча (ножны и меч появились, когда капитан вернулся с толстяком). Если кто-то приближался, капитан брался за рукоять, и этого хватало, чтобы пьяный быстро освобождал дорогу.

Десятью минутами позже (Джек уже точно знал, что скоро свалится без сил) они прибыли к месту происшествия. Судя по всему, фургон накренился и перевернулся на повороте. В результате бочки раскатились по дороге. Многие разбились, и двадцать футов дороги превратились в болото. Одна мертвая лошадь лежала под фургоном, виднелись только ее задние ноги. Вторая валялась в кювете, из ее уха торчал обломок бочковой планки. Джек не думал, что он попал туда сам по себе. Вероятно, лошадь переломала ноги, и кто-то избавил ее от мучений подручными средствами.

Между лошадьми на дороге распростерся сын возницы. Половина его лица с тупым изумлением смотрела в синеющее над Долинами небо. Вторая половина превратилась в красную пульпу, в которой, словно хлопья штукатурки, белели осколки кости.

Джек увидел, что карманы мертвеца вывернуты.

По месту происшествия бродили человек десять. Они медленно передвигались, часто наклоняясь, чтобы, сложив ладони лодочкой, зачерпнуть эля из следа лошадиного копыта или смочить в луже носовой платок либо кусок материи, оторванный от одежды. Большинство пошатывалось. Многие смеялись и что-то сварливо кричали. Как-то раз после долгих уговоров мать разрешила Джеку пойти с Ричардом Слоутом на сдвоенный вечерний сеанс в один из кинотеатров Уэствуда, где показывали «Ночь живых мертвецов» и «Рассвет мертвецов». Волочащие ноги пьяные люди напомнили ему зомби из тех фильмов.

Капитан Фаррен вытащил меч, короткий и предназначенный для боя, как и предполагал Джек, совсем не похожий на мечи в романтических фильмах. Чуть длиннее мясницкого тесака, в пятнах и вмятинах, с рукоятью, обтянутой старой кожей, потемневшей от пота. С темным лезвием... за исключением режущей кромки. Она сверкала, очень острая и без всяких зазубрин.

– Пошли прочь! – проревел капитан. – Держитесь подальше от королевского эля, безбожники! Пошли прочь и не смейте пить то, что вам не принадлежит!

Ему ответило недовольное ворчание, но они отошли от капитана Фаррена... за исключением одного здоровенного мужчины, на черепе которого волосы росли случайно разбросанными в океане лысины островками. Джек прикинул, что при росте под семь футов здоровяк весит фунтов триста.

– Ты хочешь потягаться со всеми нами, солдат? – спросил громила и махнул грязной рукой в сторону деревенских, которые отошли от болота эля и обломков бочек.

– Конечно. – Фаррен улыбнулся здоровяку. – Именно этого я и хочу, а прежде всего с тобой, пьяный кусок дерьма. – Улыбка Фаррена стала шире, и здоровяк подался назад. –

Подойди ко мне, если хватит духа. С удовольствием порублю тебя в капусту. Хоть чем-то скрашу этот отвратительный день.

Что-то бормоча себе под нос, здоровяк поплелся в деревню.

– Эй, вы все! – крикнул Фаррен. – Валите отсюда. Сейчас от королевского павильона придут мои люди. Они недовольны тем, что получили такой приказ, и я не могу их за это винить и отвечать за их действия! Я думаю, у вас хватит времени, чтобы дойти до деревни и попрятаться по подвалам до их прихода! Настоятельно советую вам так поступить! Пошли прочь!

Они уже шли к деревне Мастеровых, и впереди всех – здоровяк, который попытался возражать капитану. Фаррен что-то буркнул и вновь оглядел место происшествия. Снял форменную куртку и накрыл лицо сына возницы.

– Интересно, кто из них вывернул карманы парня, умирающего на дороге. – Фаррен, похоже, размышлял вслух. – Если б узнал, повесил бы на кресте еще до заката.

Джек промолчал.

Капитан долго стоял, глядя на мертвого юношу, одной рукой потирая бугристый шрам на щеке. Потом повернулся к Джеку, словно вспомнил, где находится.

– Ты должен уйти, парень. Немедленно. Пока Осмонд не решил, что хочет продолжить допрос моего сына-идиота.

– А что будет с вами? – спросил Джек.

Капитан улыбнулся.

– Если ты уйдешь, никаких проблем не возникнет. Я скажу, что отослал тебя к матери или что в приступе ярости ударил тебя поленом по голове и убил. Осмонд поверит. Ему не до того. Им всем не до того. Они ждут, когда она умрет. Это случится скоро. Если только... Он не закончил.

– Иди, – после паузы продолжил Фаррен. – Не теряй времени. А когда услышишь приближение дилижанса Моргана, убегай с дороги в лес. *Глубоко в лес.* Иначе он учует тебя, как кошка – крысу. Он мгновенно узнает о малейших отклонениях от порядка. От установленного *им* порядка. Он дьявол.

– Я услышу его приближение? Дилижанса? – тихо спросил Джек. Он смотрел на дорогу за разбитыми бочками. Она чуть поднималась к опушке соснового леса. *Там будет темно,* думал Джек, *и если Морган поедет с другой стороны...* Страх и одиночество слились воедино и поднялись волной отчаяния, которая обрушилась на него. *Спиди, я не смогу этого сделать! Или ты этого не знаешь? Я всего лишь ребенок.*

– Дилижанс Моргана запряжен шестью парами лошадей, а тринадцатая бежит спереди, – ответил Фаррен. – Когда они мчатся галопом, кажется, что гром катится по земле. Ты его услышишь, будь уверен. И тебе хватит времени, чтобы спрятаться. Только сразу уходи с дороги.

Джек что-то прошептал.

– Что? – резко переспросил Фаррен.

– Я сказал, что не хочу идти, – чуть громче ответил Джек. Слезы подступили к глазам, и он понимал: если они польются, ему их не остановить. Он разрыдается и начнет упрашивать капитана Фаррена увести его отсюда, защитить, *сделать что-то...*

– Думаю, уже поздно говорить о твоих желаниях, – покачал головой капитан Фаррен. – Я не знаю твоей истории, парень, да и не хочу знать. Я даже не хочу знать твоего имени.

Джек стоял, глядя на него снизу вверх, ссутулившись, со жгучими слезами в глазах и дрожащими губами.

– Расправь плечи! – с внезапной яростью взревел капитан. – Кого ты сможешь спасти? Куда ты сможешь дойти? В таком виде ты не пройдешь и десяти шагов! Ты слишком молод,

чтобы быть мужчиной, но ты хотя бы можешь им притвориться, верно? Ты похож на побитую собаку!

Обидевшись, Джек расправил плечи и вскинул голову. Его взгляд упал на останки сына возницы, и он подумал: *По крайней мере я жив, пока жив. Он прав. Жалеть себя – это роскошь, которую я не могу себе позволить.* Что правда, то правда. Но при этом Джек все равно злился на капитана со шрамом на лице, с такой легкостью заглянувшего ему в голову и нажавшего нужные кнопки.

– Так лучше, – сухо прокомментировал Фаррен. – Не намного, но лучше.

– Спасибо, – с издевкой ответил Джек.

– Тебе нельзя отступать, парень. Осмонд у тебя на хвосте. Скоро к нему присоединится Морган. И наверное... наверное, там, откуда ты пришел, тоже не все в порядке. Но возьми это. Если Паркус прислал тебя ко мне, значит, он хотел, чтобы я дал тебе это. Бери и уходи.

Капитан протягивал Джеку монету. Замявшись, мальчик взял ее. Размером монета была с полдоллара времен Кеннеди, но гораздо тяжелее... тяжелая, как золото, догадался он, однако цвета тусклого серебра. Джек смотрел на профиль Лауры Делессиян... и его снова поразило – на миг, но в самое сердце – сходство с матерью. Нет, не просто сходство: несмотря на мелкие отличия, скажем, более тонкий нос и чуть сильнее закругленный подбородок, это была его мать. Джек это знал. Он перевернул монету и увидел животное с головой и крыльями орла и телом льва. Зверь словно смотрел на Джека. Слегка занервничав, мальчик сунул монету под камзол, где она составила компанию бутылке с волшебным соком Спиدي.

– Зачем она мне? – спросил Джек.

– Узнаешь. Когда придет время, – ответил капитан. – Может, и не узнаешь. В любом случае я выполнил свой долг перед тобой. Скажи это Паркусу, когда увидишь его.

Джек вновь почувствовал, как по нему прокатилась волна нереальности.

– Иди, сынок, – добавил Фаррен тише, но не намного мягче. – Делай свою работу... или то, что сможешь сделать.

В итоге именно ощущение нереальности – настойчиво убеждающее, что он часть чьей-то галлюцинации – и заставило Джека сдвинуться с места. Левая нога, правая, сено, солома. Пинком отбросил в сторону деревянный обломок, пропитанный элем. Переступил через искореженное колесо. Обошел край фургона, не обращая внимания ни на засыхавшую там кровь, ни на вьющихся над ней мух. Что Джеку кровь и жужжащие мухи, если ему все это грезится?

Он добрался до конца залитого элем и усеянного обломками бочек участка дороги и оглянулся... но капитан Фаррен стоял к нему спиной, вероятно, высматривая своих людей, а может, чтобы не смотреть на Джека. В любом случае причина значения не имела. Спина – она и есть спина. Чего на нее смотреть?

Он сунул руку под камзол, потрогал монету, которую дал ему Фаррен, потом стиснул ее в кулаке. Немного приободрился. Сжимая монету, как ребенок сжимает четвертак, который ему дали, чтобы купить в кондитерской сласти, Джек зашагал по дороге.

7

Прошло, наверное, часа два, когда Джек услышал звук, который капитан Фаррен назвал «громом, катящимся по земле»... а может, и все четыре. Как только солнце скрылось за западным краем леса (а произошло это вскоре после того, как Джек вошел в лес), он потерял счет времени.

Несколько раз экипажи проезжали на восток, вероятно, направляясь к павильону королевы. Всякий раз, слыша приближение одного из них (издалека – чистый воздух далеко разносил каждый звук, напоминая Джеку слова Спиدي о том, как один мужчина выдерживал

редиску, а второй, находясь в полумиле, узнавал об этом), он думал о Моргане и спешно перебирался через кювет, чтобы укрыться в лесу. Ему не нравилось, пусть даже ненадолго, заходить под эти темные деревья, откуда было видно дорогу; приятного в лесу было мало, но еще меньше Джеку хотелось, чтобы дядя Морган (мальчик по-прежнему верил: именно он – начальник Осмонда, что бы ни говорил капитан Фаррен) поймал его на дороге.

Поэтому всякий раз, заслышав приближающийся фургон или карету, он уходил с дороги, а как только она пустела, возвращался на нее. Однажды, когда Джек пересекал сырой, заросший сорняками кювет по правую руку, что-то пробежало – или проползло – по его ноге, и он вскрикнул.

Конечно, все эти фургоны и кареты доставляли немало хлопот, замедляли его продвижение, но при этом и подбадривали: по крайней мере в этом мире он был не один.

Однако ему все равно чертовски хотелось выбраться из Долин.

Более противного лекарства, чем волшебный сок Спида, Джеку пробовать не доводилось, но он с радостью сделал бы большой глоток, если бы знал, что кто-нибудь – к примеру, сам Спиди – появится перед ним и заверит, что, открыв глаза, он первым делом увидит золотистые арки «Макдоналдса», которые его мать называла великими американскими сиськами. Внутри у Джека нарастало ощущение давящей тревоги, чувство, что лес этот опасен сам по себе, что в нем есть существа, знающие о его присутствии, что, возможно, и *сам лес* знает о его присутствии. Ведь деревья приблизились к дороге, верно? Да. Раньше их останавливали кюветы. Теперь – нет. Прежде лес целиком состоял из сосен и елей. Теперь добавились и незнакомые виды деревьев; черные стволы некоторых переплетались друг с другом, прочие казались странными хвойно-папоротниковыми гибридами. Отвратительного вида серые корни последних хватались за землю, как одутловатые пальцы. *Наш мальчик?* – словно шептала вся эта мерзость в голове Джека. *НАШ мальчик?*

Это только у тебя в голове, Джеки. Ты просто немного напуган.

Да, наверное, – но он в это не верил.

Деревья действительно *менялись*. Ощущение, что лес давит на него, становилось все более реальным. Как и чувство, что за ним *наблюдают*. И он начал думать, что ужасные мысли, крутившиеся у него в голове, – это послание леса... словно деревья что-то сообщали ему на коротких волнах.

Но бутылка Спида с волшебным соком уже наполовину опустела, а ведь нужно, чтобы содержимого хватило на весь путь через Соединенные Штаты. А ведь сок может закончиться еще в Новой Англии, если он будет прикладываться к бутылке всякий раз, когда его охватит страх.

Мыслями он вернулся к тому огромному расстоянию, которое преодолел в своем мире, когда первый раз вернулся из Долин. Сто пятьдесят футов здесь равнялись половине мили там. При таком соотношении – если только оно не варьировало, чего исключить было нельзя, – он мог, пройдя десять миль, оставить за спиной Нью-Хэмпшир, словно надел сапоги-скороходы.

Но деревья... эти серые рыхлые корни...

Когда действительно начнет темнеть, когда небо из синего станет фиолетовым, я прыгну назад. Это точно. Двух мнений быть не может. Я не собираюсь шагать по этому лесу в темноте. Если волшебный сок закончится в Индиане или чуть раньше, старина Спиди сможет отправить мне бутылку через «Ю-пи-эс».

Все еще думая об этом – а также о том, что хорошо бы иметь план (пусть лишь на несколько ближайших часов), – Джек внезапно осознал, что приближается еще один экипаж, запряженный большим числом лошадей.

Вскинув голову, он замер посреди дороги. Его глаза широко раскрылись, и в голове с невероятной скоростью прокрутились два эпизода: сначала возник большой автомобиль – не «мерседес» – с двумя мужчинами в салоне, а потом – автофургон «ДИКОЕ ДИТЯ» с залитой кровью радиаторной решеткой, на огромной скорости мчащийся по улице от трупа дяди Томми. Он видел руки на рулевом колесе фургона... только это были не руки. Странные, сочлененные копыта.

Когда они мчатся галопом, кажется, что гром катится по земле.

И теперь, слыша этот звук – еще далекий, но совершенно отчетливый, спасибо чистому воздуху, – Джек задавался вопросом, как он мог принимать приближающиеся фургоны или кареты за дилижанс Моргана? Конечно же, никогда больше он такой ошибки не совершит. Звук, доносившийся до его ушей, зловещий, предвещающий беду... такой мог издавать только катафалк, да, катафалк, которым правил сам дьявол.

Джек застыл на дороге, словно кролик, выхваченный из темноты лучами фар. А звук нарастал – гремели колеса и копыта, скрипела кожаная упряжь. Теперь он слышал и голос кучера: *Хи-и-йя! Хи-и-йя! ХИ-И-ЙЯ!*

Джек стоял на дороге, стоял, и его голова гудела от ужаса. *Не могу шевельнуться, ох дорогой Боже ох дорогой Христос я не могу шевельнуться мама мама ма-а-а-а...*

Он застыл, представляя, как что-то огромное и черное, напоминающее почтовую карету, несется по дороге, запряженное черными животными, больше похожими на пум, чем на лошадей. Видел черные занавески, колышущиеся на окнах кареты, видел стоящего на козлах кучера, с развевающимися волосами и дикими, как у маньяка, глазами.

Видел, как они приближаются к нему, не сбавляя скорости.

Видел, как они размазывают его по дороге.

Только последнее и вырвало Джека из ступора. Он побежал направо, к обочине, зацепился ногой за один из шишковатых корней, упал, покатился по земле. Его спина, практически не дававшая о себе знать последние пару часов, вспыхнула болью, лицо мальчика искривила гримаса.

Он поднялся и, согнувшись, нырнул в лес.

Встал за одним из черных деревьев, бугристая кора которого – ствол напомнил Джеку баньяны, которые он в позапрошлом году видел на Гавайях, – была словно смазана каким-то маслом, и прикосновение к ней вызывало отвращение. Джек перешел к другому дереву, сосне, растущей чуть левее.

Грохот дилижанса и его сопровождения нарастал. Каждую секунду Джек ожидал, что они проскочат мимо, к деревне Мастеровых. Его пальцы то сжимались, то расслаблялись на смолистой коре сосны. Он кусал губы.

Прямо перед ним оказался узкий просвет между листьями, папоротниками и сосновыми иголками, через который он отчетливо видел дорогу. И когда Джек уже начал думать, что отряд Моргана так и не покажется, мимо галопом проскакал десяток, а то и больше всадников, направлявшихся на восток. Первый держал в руке флаг, но разглядеть его Джек не сумел... да, пожалуй, и не хотел. А потом мимо проскочил дилижанс.

В поле зрения он находился короткое время – не больше секунды, может, меньше, – но Джек рассмотрел его во всех подробностях. Огромный, высотой не меньше двенадцати футов. Еще три фута добавляли чемоданы и баулы, крепко привязанные к крыше. Голову каждой лошади украшал черный плюмаж. От ветра, возникшего при такой скорости, плю-

мажи стелились по спинам лошадей. Джек потом подумал, что Моргану для каждой поездки требовались новые лошади, потому что те, которых он видел, бежали из последних сил. Пена и кровь пузырились на мордах, глаза безумно выкатывались из орбит, сверкая белками.

В его воображении – а может, у него на глазах – черные креповые занавески колыхнулись за незастекленными окнами. Внезапно в одном из этих черных продолговатых окон возникло бледное лицо, вроде бы обрамленное париком. Его появление шокировало ничуть не меньше, чем призрак в оконном проеме дома с привидениями. Это лицо не принадлежало Моргану Слоуту... но при этом и принадлежало.

И обладатель этого лица знал, что Джек – или другая опасность, столь же ненавистная и личная – затаился у дороги. Джек это понял, увидел по широко раскрывшимся глазам и злобно искривившемуся рту.

Капитан Фаррен говорил: «Он учует тебя, как кошка – крысу», – и теперь Джек в страхе подумал: *Он меня учуял, это точно. Он знает, что я здесь, и что теперь? Готов спорить, он остановит дилижанс и отправит солдат в лес, чтобы они отыскивали меня.*

Еще один отряд всадников, охранявших Моргана с тыла, промчался мимо. Джек ждал, вжимая пальцы в сосновую кору, уверенный, что Морган даст команду остановиться. Но никто не остановился, скоро грохот дилижанса и сопровождавших его солдат начал затихать.

*Его глаза, вот в чем сходство. Темные глаза на бледном лице. И...
Наш мальчик? ДА-С-С-С!*

Что-то поползло по его стопе... вверх по лодыжке. Джек вскрикнул и отпрянул, думая, что это змея. Но, посмотрев вниз, увидел, что это один из серых корней поднимается по его голени.

Это невозможно, тупо подумал он. Корни не двигаются...

Он отступил назад, вырвал ногу из грозящих сжаться серых тисков. Почувствовал боль в голени, как от ожога. Поднял глаза, и страх змеей заполз в его сердце. Он понял, почему Морган, почуяв его, все равно уехал. Морган знал: войти в этот лес – все равно что войти в тропическую реку, кишашую пираньями. Почему капитан Фаррен не предупредил его? Джек нашел только одно объяснение: капитан со шрамом на лице не знал, никогда не заходил так далеко на запад.

Теперь пришли в движение все серые корни хвойно-папоротниковых гибридов. Они приподнимались, падали, ползли по мягкой земле к Джеку. *Энты и их жены*, мелькнула в голове Джека безумная мысль. *ПЛОХИЕ энты и их жены*. Один особенно толстый корень, шесть нижних дюймов которого были темными и сырыми от земли, поднялся и закачался перед ним, как кобра, вылезшая из корзинки факира. *НАШ мальчик! ДА-С-С-С!*

Корень наклонился к нему. Джек отпрыгнул, отдавая себе отчет, что корни уже сформировали живой барьер между ним и дорогой. Он прижался спиной к дереву... потом с криком подался вперед, потому что кора зашевелилась... как спазматически сокращающиеся мышцы. Джек оглянулся и увидел одно из деревьев с черными стволами. Теперь ствол двигался, извивался. На его бугристой поверхности сформировалось жуткое лицо, один глаз широко раскрылся, второй мерзко подмигивал. Раздался отвратительный скрежет: кора под глазами разорвалась, из щели закапала желтовато-белая жижа. *НАШ! О да-с-с-с!*

Корни, как пальцы, пролезли между руками Джека и грудной клеткой, словно собираясь пощекотать его.

Он вырвался, невероятным усилием воли уцепившись за остатки здравого смысла, принялся шарить под камзолом в поисках бутылки Спида. Слышал – краем уха, – как что-то

вспарывалось или рвалось. Наверное, деревья вырывали себя из земли. Толкин такого не писал.

Джек ухватил бутылку за горлышко и вытащил ее. Взялся за крышку, и тут один из серых корней мягко обвил ему шею, а мгновением позже затянулся удавкой палача.

У Джека перехватило дыхание. Бутылка выскользнула из его руки, он целиком и полностью сосредоточился на корне-душителе. Джеку удалось подsunуть под него пальцы. На ощупь корень был не холодный и жесткий, как дерево, а теплый и гибкий, как плоть. Джек боролся, отдавая себе отчет, что хрипит, задыхаясь, и на подбородок летит слюна.

С невероятным усилием ему удалось оторвать корень от шеи. Тот попытался обвить запястье, но Джек с криком отдернул руку. Посмотрел вниз и увидел, что бутылка ускользает от него: другой корень ухватил ее за горлышко и тащил куда-то. Джек потянулся к ней. Корни цепляли его за ноги, обвивали их. Он тяжело упал на землю, пытаясь дотянуться до бутылки. Пальцы скребли мягкую лесную почву, чтобы выиграть дюйм-другой.

Он коснулся зеленого стекла... и схватил бутылку. Потянул на себя со всей силы, понимая, что корни накрепко прихватили его ноги и ему не вырваться. Снял крышку. Еще один корень опустился вниз, легкий, как паутина, попытался отбросить бутылку в сторону. Джек оттолкнул корень и поднес горлышко к губам. Внезапно его окутал запах гниющих фруктов.

Спиди, пожалуйста, пусть твой сок сработает.

Новые корни ползли по его спине, обвивали талию, поворачивая из стороны в сторону, но Джек уже жадно пил, дешевое вино текло по щекам. Он проглотил мерзкую жидкость, со стонами и мольбами, но ничего не менялось, *волшебство не сработывало*, Джек не открывал глаз, но чувствовал, как корни оплетают руки и ноги, чувствовал...

8

...как вода пропитывает джинсы и рубашку, ощущал запахи

Вода?

грязи и сырости, слышал

Джинсы? Рубашку?

кваканье лягушек и

Джек открыл глаза и увидел оранжевый свет заходящего солнца, отражавшийся от широкой реки. На восточном берегу стеной стоял густой лес, на западном, где он находился, к кромке воды спускалось длинное поле, кое-где подернутое вечерним туманом. Земля хлюпала от влаги. Джек лежал у самой воды, в заболоченном месте, среди высокой травы. До морозов оставалось не меньше месяца, и Джек запутался в растительности, как человек, просыпающийся от кошмара, путается в простынях.

Окончательно вывалившись в грязь, он с трудом поднялся, лямки рюкзака резали подмышки. Еще не придя в себя от пережитого ужаса, Джек стряхнул с рук и лица ошметки травы. Отступил от воды, оглянулся и увидел бутылку Спиди, лежавшую в грязи рядом с пробкой. Часть волшебного сока вылилась или расплескалась при борьбе со злобными деревьями Долин. Теперь бутылка опустела уже на две трети.

Он немного постоял, глядя на реку, его заляпанные грязью кроссовки наполовину погрузились во влажную землю. Он вернулся в свой мир, в старые добрые Соединенные

Штаты Америки. Джек не видел ни золотых арок, хотя и надеялся, что увидит, ни небоскребов, ни спутника, поблескивающего в темнеющем небе, но знал, где находится и как его зовут. Вопрос состоял в следующем: а побывал ли он в другом мире?

Он всматривался в незнакомую реку, в незнакомую местность, вслушивался в далекое спокойное мычание коров. Подумал: *Это точно не Аркадия-Бич, Джеки.*

Нет, не Аркадия-Бич, но он недостаточно хорошо знал окрестности города, чтобы сказать, что находится от него дальше, чем в четырех или пяти милях. Однако в воздухе не ощущалось запаха Атлантического океана, и Джек точно знал, что он в глубине материка. Он вернулся назад, словно проснувшись от кошмара... ничего такого просто не могло быть, начиная с возницы и его телеги, на которой лежало облепленное мухами мясо, и заканчивая живыми деревьями. Какой-то кошмар с хождением во сне? Логично. Его мать умирала, и теперь он понимал, что знал об этом достаточно давно: все признаки были налицо, и подсознание сделало правильный вывод, хотя разум отрицал очевидное. Все это создавало подходящие условия для самогипноза, а безумный алкаш Спиди Паркер внес свою лепту. Конечно. Все складывалось.

Дяде Моргану это бы понравилось.

По телу Джека пробежала дрожь, он судорожно сглотнул. Ощутил боль. Не такую, как при воспалившемся горле, а как при мышечной травме.

Поднял левую руку – в правой была бутылка – и легонько погладил ладонью шею, словно женщина, проверяющая, нет ли морщинок. Нащупал вспухшую ссадину повыше кадыка. Кровоточила она не сильно, но прикосновение к ней вызывало болезненные ощущения. Ее оставил корень, который едва не задушил Джека.

– Явь, – прошептал он, глядя на оранжевую воду, слушая кваканье лягушек-быков и далекое мычание коров. – Все явь.

9

Джек начал подниматься по склону к дальнему краю поля, оставляя реку – и восток – позади. Прошел, наверное, с полмили, когда ритмичное ерзанье рюкзака по ноющей спине (последствия порки Осмонда никуда не делись, о чем ему не позволял забыть смещавшийся из стороны в сторону рюкзак) напомнило кое о чем. Он отказался съесть огромный сэндвич Спиди, но разве Спиди не сунул то, что от него осталось, в рюкзак, пока он разглядывал медиатор?

Желудок от этой мысли радостно подпрыгнул.

Джек снял рюкзак, стоя по колена в тумане под вечерней звездой. Отстегнул один из клапанов – и да, там лежал сэндвич, не кусочек и не половина, а целый, завернутый в газету. Глаза Джека наполнились теплыми слезами. Ему хотелось, чтобы Спиди оказался рядом и он смог обнять старика.

Десять минут назад ты называл его безумным старым алкоголиком.

Лицо Джека вспыхнуло, но стыд не помешал ему расправиться с сэндвичем в пять укусов. Он застегнул клапан, закинул рюкзак на плечи и двинулся дальше. Настроение улучшилось: урчащую дыру в животе на какое-то время удалось заткнуть. Джек снова стал самим собой.

Вскоре в сгущающейся темноте замерцали огни. Фермерский дом. Залаяла собака – хриплым басом крупного пса, – и Джек замер.

В доме, подумал он. Или на привязи. Я надеюсь.

Он взял правее, и через какое-то время пес перестал лаять. Ориентируясь по огням фермерского дома, Джек скоро вышел на узкую дорогу с гудронным покрытием. Посмотрел направо, налево, не зная, в какую сторону идти.

Что ж, друзья, а вот и Джек Соьер, на полпути из ниоткуда в никуда, мокрый до костей и в грязных кроссовках. Добро пожаловать, Джек!

Чувство одиночества и тоска по дому вновь навалились на него. Джек попытался их отогнать. Плюнул на указательный палец левой руки, потом резко ударил по левой ладони правой рукой. Большая часть слюны отлетела вправо – или так ему показалось, – и он повернулся и зашагал в выбранном направлении. Сорок минут спустя, когда его уже шатало от усталости (и, хуже того, снова мутило от голода), он увидел гравийный карьер, а рядом с ним – какую-то лачугу, к которой вела перегороженная цепью дорога.

Джек нырнул под цепь и пошел к лачуге. На двери висел замок, но из-под одной стены маленького домишки вымыло землю. Потребовалась лишь минута, чтобы снять рюкзак, подлезть под стену лачуги и затащить рюкзак за собой. Теперь благодаря замку на двери мальчик чувствовал себя в безопасности.

Он огляделся и увидел, что вокруг полно очень старых инструментов – карьер, судя по всему, давно забросили, и Джека это более чем устраивало. Он разделся догола, чтобы избавиться наконец от влажной грязной одежды. В одном из карманов джинсов нашупал монету, которую дал ему капитан Фаррен: в компании обычной мелочи она казалась гигантом. Джек вытащил ее и увидел, что монета с профилем королевы на одной стороне и крылатым львом на другой превратилась в серебряный доллар 1921 года. Какое-то время он смотрел на профиль леди Свободы, а потом убрал монету в карман.

Достал чистую одежду, подумав, что грязную сложит в рюкзак утром – она к тому времени высохнет, – а может, выстирает ее, либо в прачечной, либо в подвернувшейся реке.

В поисках носков его рука наткнулась на что-то узкое и твердое. Джек вытащил сей предмет и увидел, что это зубная щетка. Мгновенно возникли образы: дом, безопасность, здравомыслие. Щетка символизировала все это. И не представлялось возможным подавить эти чувства или хотя бы заставить их отстать от него. Зубную щетку положено видеть в ярко освещенной ванной, когда на тебе хлопчатобумажная пижама, а на ногах теплые шлепанцы. Ей не место на дне рюкзака в холодном и темном сарае для инструмента, на краю гравийного карьера в захолустном безымянном поселке.

Одиночество бушевало внутри, ощущение, будто он стал изгоем. Джек заплакал. Не истерично, как иной раз плачут люди, пытаясь замаскировать ярость слезами, а тихо и безысходно – так плачет человек, осознавший, что он совсем один и это надолго. Он плакал, потому что в его мире не осталось безопасности и здравомыслия. Одиночество стало реальностью, и до безумия был, возможно, всего один шаг.

Джек заснул до того, как слезы полностью иссякли. Заснул, свернувшись вокруг рюкзака, голый, если не считать чистого нижнего белья и носков. Слезы проложили чистые полосы в грязи, покрывавшей его щеки, а в одной руке он сжимал зубную щетку.

Глава 8 Тоннель Оутли

1

Шестью днями позже Джек практически полностью выбрался из грозившего поглотить его отчаяния. По прошествии этих первых дней на дороге он словно шагнул из детства во взрослую жизнь, миновав отрочество. Действительно, он не возвращался в Долины с того момента, как очнулся на западном берегу реки, но оправдывал свое решение, пусть продвигался на запад медленнее, желанием сохранить сок Спида на крайний случай.

И потом, разве Спида не говорил ему, что путешествовать лучше по дорогам этого мира? Просто следуй указателям, дружок.

Когда ярко светило солнце, автомобили подвозили его на тридцать – сорок миль к западу, а набитый желудок ни на что не жаловался, Долины казались невероятно далекими и призрачными; напоминали фильм, который он уже начал забывать, чистую фантазию. Иногда, если Джек откидывался на спинку пассажирского сиденья автомобиля какого-нибудь учителя и отвечал на обычные вопросы по своей Истории, он действительно о них забывал. Долины уходили от него, и он становился – почти становился – обычным мальчиком, каким был в начале этого лета.

Особенно на больших автострадах, где его обычно высаживали у съезда, а буквально через десять или пятнадцать минут рядом останавливалась следующая машина. Теперь он находился где-то рядом с Батавией, в западной части штата Нью-Йорк, шел спиной вперед по резервной полосе автострады 90, подняв руку с оттопыренным большим пальцем, чтобы добраться до Буффало. После Буффало он намеревался взять южнее. *Важно*, думал Джек, *продумать лучший способ что-то сделать, а потом следовать намеченному плану.* «Рэнд Макнэлли» и История позволили ему преодолеть часть пути, уже оставшуюся позади. Теперь требовался водитель, который подвез бы его до Чикаго или Денвера (или Лос-Анджелеса, если уж грезить об удаче, Джеки-бой), и тогда он смог бы отправиться в обратный путь еще до середины октября.

Он загорел, в кармане лежали пятнадцать долларов, полученные на последнем месте работы – посудомойщиком в придорожном ресторане «Золотая ложка» в Обурне, – мышцы окрепли. Иногда ему хотелось плакать, но после той первой ночи в сарае он не давал воли слезам. Держал все под контролем, и это имело значение. Теперь он знал, что надо делать, дошел до этого методом проб и ошибок, ничего не пускал на самотек и думал, что уже видит перед собой конец путешествия, хотя путь предстоял неблизкий. Оставаясь главным образом в этом мире, как и говорил ему Спида, он мог продвигаться к цели достаточно быстро и вернуться в Нью-Хэмпшир с Талисманом, затратив не так уж много времени. Джек уже чувствовал, что все получится и проблем возникнет гораздо меньше, чем он поначалу ожидал.

Об этом, во всяком случае, думал Джек Сойер, щурясь от бившего в глаза слепящего солнца, когда запыленный синий «форд-фарлейн» свернул на обочину и остановился, ожидая, пока мальчик подбежит к нему. *Тридцать или сорок миль*, думал он. Представил себе страницу «Макнэлли», которую изучил этим утром, и решил: Оутли. Похоже, скучное, маленькое и безопасное местечко. Он двигался по намеченному пути, и теперь ничто не могло ему помешать.

2

Прежде чем открыть дверцу «фарлейна», Джек наклонился и заглянул в окно. Заднее сиденье было завалено каталогами и флаерами. Переднее пассажирское занимали два больших чемодана. Черноволосый мужчина с брюшком практически скопировал позу Джека, наклонившись над рулевым колесом, чтобы посмотреть в окно на подростка. Коммивояжер. Пиджак синего костюма висел на плечиках за спиной водителя. Узел галстука приспущен, рукава закатаны. Коммивояжер лет тридцати пяти, неспешно объезжающий свою территорию. И наверняка любящий поговорить, как и все его коллеги. Мужчина улыбнулся Джеку, взял один из чемоданов и перенес через спинку на заваленное заднее сиденье. За первым последовал второй.

– Освободим тебе местечко.

И Джек знал, что первым делом мужчина спросит его, почему он не в школе.

Он открыл дверцу.

– Спасибо. – И сел.

– Далеко едешь? – спросил коммивояжер, посмотрев в зеркало заднего вида, перед тем как включить передачу и вырулить обратно на проезжую часть.

– В Оутли, – ответил Джек. – Думаю, миль тридцать.

– Ты только что провалил географию, – сообщил ему коммивояжер. – До Оутли больше сорока пяти миль. – Он повернулся к Джеку и удивил мальчика, подмигнув ему. – Не обижайся, но мне не нравится, когда я вижу детей, голосующих на дороге. Поэтому всегда их подвожу. По крайней мере знаю, что со мной они в безопасности. Никаких пощупываний-поглаживаний, понимаешь, о чем я? Здесь слишком много чокнутых, малыш. Ты читаешь газеты? Я говорю о хищниках. А ты можешь оказаться дичью.

– Конечно, вы правы, – ответил Джек. – Но я стараюсь быть осторожным.

– Как я понимаю, ты живешь где-то неподалеку?

Мужчина по-прежнему смотрел на него, бросая короткие взгляды на дорогу, а Джек лихорадочно рылся в памяти, вспоминая название какого-нибудь города, который остался позади.

– В Пальмире. Я из Пальмиры.

Коммивояжер кивнул.

– Приятный городок. – Он наконец-то повернулся лицом к дороге, и Джек чуть расслабился, привалившись к удобной плюшевой спинке. А потом мужчина наконец-то спросил:

– Надеюсь, ты не удрал из дому? – И подошло время Истории.

Джек рассказывал ее так часто, изменяя только названия городов по мере продвижения на запад, что она уже сама монологом слетала с языка.

– Нет, сэр. Мне просто надо попасть в Оутли, чтобы какое-то время пожить у тети Элен. Элен Возн. Она сестра моей мамы. Учительница. Видите ли, прошлой зимой умер мой папа, и жить нам стало тяжелее... а две недели назад у мамы усилился кашель, и она едва могла подняться по лестнице, и доктор сказал, что ей хорошо бы какое-то время провести в постели, вот она и спросила сестру, не возьмет ли она меня к себе. Она учительница и все такое, так что в Оутли я смогу ходить в школу. Тетя Элен никому не позволит бездельничать, будьте уверены.

– Ты хочешь сказать, что твоя мать разрешила тебе добираться из Пальмиры в Оутли *на попутках*? – спросил мужчина.

– Нет, конечно же, нет... она бы никогда этого не сделала. Нет, она дала мне деньги на автобус, но я решил их сэкономить. У нас дома давно уже не так много денег, да и у тети Элен с ними напряженка. Моя мама разозлилась бы, узнав, что я голосую на дороге. Но

мне кажется, это пустая трата денег. Я считаю, что пять баксов – это пять баксов, так чего отдавать их водителю автобуса?

Мужчина искоса глянул на него.

– И как долго ты собираешься пробыть в Оутли?

– Трудно сказать. Я надеюсь, мама скоро поправится.

– Только обратно не добирайся на попутках, хорошо?

– У нас больше нет машины, – ответил Джек, расширяя Историю. Ему это нравилось. – Можете поверить? Они пришли глубокой ночью и забрали ее. Жалкие трусы. Знали, что все будут крепко спать. Пришли глубокой ночью и забрали машину прямо из гаража. Мистер, я бы дрался за нашу машину, и тогда мама отвезла бы меня к тете. А теперь, когда маме надо к доктору, ей приходится спускаться вниз по холму и идти еще примерно пять кварталов до автобусной остановки. Как они могли это сделать? Просто пришли и украли нашу машину! Как только у нас появилась бы такая возможность, мы бы снова начали выплаты. Я хочу сказать, разве это не воровство?

– Случись такое со мной, я бы сказал, что воровство, – кивнул мужчина. – Что ж, я надеюсь, твоя мать быстро поправится.

– Мы оба на это надеемся, – искренне ответил Джек.

Разговор продолжался в том же духе, пока на щитах-указателях не начала мелькать информация о съезде в Оутли. Коммивояжер свернул на резервную полосу сразу за съездом, улыбнулся Джеку.

– Удачи тебе, малыш.

Джек кивнул и открыл дверцу.

– Надеюсь, тебе не придется провести в Оутли много времени.

Джек вопросительно посмотрел на него.

– Ты же знаешь, что это за место?

– Немного. Не так чтобы очень.

– Настоящая дыра. Из тех, где едят то, что раздавят на дороге. Гориллавилл. Ешь пиво, потом пьешь стакан. Что-то вроде этого.

– Спасибо за предупреждение. – Джек вылез из машины. Коммивояжер помахал рукой, и «фарлайн» уехал, быстро превратившись в темную точку, мчащуюся к низкому оранжевому солнцу.

3

Примерно миллю или чуть дольше дорога тянулась по скучной равнине. Далеко впереди Джек видел маленькие щитовые двухэтажные дома, притулившиеся на краю полей, бурых и пустых, и дома эти не выглядели фермерскими. Унылые и редкие, они смотрели на пустынные поля, застыв в серой неподвижной тишине, нарушаемой только далеким гулом, который доносился с автострады 90. Не мычали коровы, не ржали лошади – Джек не видел ни животных, ни сельскохозяйственной техники. Около одного из домов стояло несколько старых ржавых автомобилей. В этих домах могли жить только люди, которые настолько не терпели себе подобных, что даже Оутли казался им излишне густонаселенным городом. Пустующие поля служили им рвом, отгораживавшим их щитовые облупившиеся замки.

Потом Джек вышел на перекресток, прямо-таки срисованный из комикса: две узкие пустынные дороги, перекрещивающиеся в абсолютной пустоте и уходящие в точно такую же пустоту. У Джека уже возникли сомнения в правильности выбранного пути, поэтому он поправил рюкзак и подошел к ржавому черному столбу, на котором крепились два указателя, такие же черные и ржавые, с названиями дорог. Может, сойдя с автострады по съезду, ему следовало пойти налево, а не направо? Согласно указателю, дорога, проложенная парал-

лельно автостраде, называлась Догтаун-роуд. Догтаун¹⁶? Джек прошелся по ней взглядом. Черная полоска асфальта среди бескрайних, ровных как стол, заросших бурьяном полей. Полоска асфальта, по которой шел он, согласно другому указателю, называлась Милл-роуд. Примерно через милю дорога ныряла в тоннель, почти скрытый кронами деревьев и ковром плюща, издали напоминавшего лобковые волосы. Среди плюща виднелся белый указатель, вероятно, на нем и державшийся. С такого расстояния надпись Джек разобрать не мог. Он сунул руку в карман и сжал монету, подаренную ему капитаном Фарреном.

Желудок уже подавал голос. Пора и пообедать, так что надо двигать отсюда и найти город, где он сможет отработать свою еду. Он решил не сворачивать с Милл-роуд, во всяком случае, пока не минует тоннель и не посмотрит, что на другой стороне. Джек продолжил путь, и черная дыра в зеленой стене деревьев росла с каждым шагом.

Холодный и сырой, пахнувший кирпичной пылью и вспаханной землей тоннель, казалось, всосал его в себя, а потом начал сжиматься. Джек даже испугался, что тоннель уводит под землю – просвета впереди не наблюдалось, – но потом понял, что асфальт идет ровно. «ВКЛЮЧИТЕ ФАРЫ» – предупреждал щит-указатель на въезде в тоннель. Джек наткнулся на кирпичную стену и почувствовал, как на руки посыпалась мелкая крошка.

– Фары, – сказал он себе, сожалея о том, что у него нет даже фонарика. Тоннель, по видимому, немного изгибался. Джек медленно и осторожно, как слепой, уперся вытянутыми руками в стену и пошел вдоль нее, касаясь шероховатой поверхности пальцами. Когда такое происходило с Койотом в мультфильмах про Дорожного бегуна, тот обычно оказывался на капоте грузовика.

Послышалось суетливое поскребывание по асфальту, и Джек замер.

Крыса, подумал он. *Может, кролик, срезающий путь между полями.* Нет, судя по звукам, животное было более крупное.

Звук повторился, удаляясь. Джек сделал еще шаг вперед. В глубине тоннеля кто-то вдохнул. Один раз. Мальчик остановился, гадая: *Это животное?* Он касался пальцами влажной стены, дожидаясь выдоха. На животное не похоже: ни крыса, ни кролик не могли так глубоко вдохнуть. Джек продвинулся еще на несколько дюймов, не желая признаваться себе, что боится того, кто мог затаиться в тоннеле.

Он вновь замер, услышав донесшийся из черноты звук, очень похожий на тихий смешок. В следующую секунду из глубин тоннеля разлился запах, знакомый, пусть пока Джек и не мог определить, где с ним сталкивался, резкий, сильный и мускусный.

Мальчик оглянулся. Вход в тоннель уже наполовину скрывшийся благодаря повороту стены, находился далеко-далеко и размером не превышал кроличью норку.

– Кто здесь? – спросил он. – Эй? Есть здесь кто-нибудь? Кто-нибудь?

Кажется, дальше по тоннелю зашептались.

Он не в Долинах, напомнил Джек себе, в самом худшем случае он мог спугнуть какого-то глупого пса, зашедшего в тоннель, чтобы вздремнуть в прохладной темноте. И тогда он просто спас псу жизнь, разбудив до того, как его раздавит автомобиль.

– Эй, песик! – крикнул он. – Песик!

И тут же его вознаградили звуки лап, бегущих по тоннелю. Но... они приближались или удалялись? Прислушиваясь к мягкому постукиванию, он не мог определить, бежит ли животное к нему или от него. Потом подумал, что источник этих звуков, возможно, не впереди, а сзади, повернул голову и обнаружил, что входа в тоннель уже не видно.

Что-то заскреблось в футе или двух позади, Джек рванулся вперед и сильно ударился плечом об изгибающуюся стену.

¹⁶ Догтаун – дословно «Собачий город» (англ.).

Разглядел в темноте силуэт – вроде бы собачий. Джек шагнул и снова остановился – он настолько потерял ориентацию, что решил, будто перенесся в Долины. Тоннель наполнял резкий мускусный, животный запах, и приближался к нему точно не пес.

Дуновение холодного воздуха принесло новые запахи: машинного масла и перегара. Джек чувствовал, что силуэт все ближе.

Лишь на мгновение перед ним возникло зависшее в темноте лицо, словно подсвеченное изнутри слабенькой, едва тлеющей лампочкой: длинное, обиженное, только кажущееся молодым. Ему сопутствовали запахи пота, машинного масла, перегара. Джек вжимался в стену, поднимая кулаки, и стоял так даже после того, как лицо растворилось в темноте.

Охваченный ужасом, он подумал, что слышит шаги, легкие и быстрые, удаляющиеся к входу в тоннель, и, оторвав взгляд от квадратного фута черноты, оглянулся. Темнота, тишина. Тоннель опустел. Джек сунул руки под мышки и откинулся на кирпичную стену, прижавшись к ней рюкзаком. Через минуту продолжил путь.

Выйдя из тоннеля, он обернулся, чтобы посмотреть в него. Никаких звуков, никаких странных существ, спешащих к нему. Он приблизился к тоннелю на три шага, всмотрелся в его жерло. А потом сердце его чуть не остановилось, потому что к нему летели два огромных оранжевых глаза. Половину расстояния, разделявшего их и Джека, они преодолели в считанные секунды. Он не мог сдвинуться с места: его ноги по лодыжки ушли в асфальт. Наконец он сумел вытянуть перед собой руки, ладонями вперед, словно пытаясь оттолкнуть опасность. Глаза надвигались на него, загудел клаксон. За секунду до того, как автомобиль вырвался из тоннеля – за рулем сидел краснорожий мужчина, размахивая кулаком, – Джек успел отпрыгнуть в сторону.

– ГО-О-ОВ-НЮ-Ю-Ю... – донеслось из перекошенного рта. Еще не придя в себя, Джек повернулся и смотрел, как автомобиль мчится вниз по склону к городку, судя по всему, Оутли.

4

Расположенный среди заброшенных полей Оутли расплзался от двух основных улиц. Первая, продолжение Милл-роуд, начиналась от огромного обшарпанного здания, возвышавшегося посреди большущей автостоянки. *Фабрика*, подумал Джек. Далее тянулись салоны подержанных автомобилей (с обвисшими флагами), рестораны быстрого обслуживания (великие американские сиськи), боулинг с гигантской неоновой вывеской («БОУЛ-А-РАМА!»), продовольственные магазины, заправочные станции. После них Милл-роуд превращалась в пять или шесть кварталов делового района, со старыми двухэтажными домами, перед которыми автомобили парковались капотом к тротуару. На другой основной улице, понятное дело, находились дома самых важных жителей города – большие, с верандами и широкими лужайками. На пересечении этих улиц в свете предвечернего солнца мигал красным светофор. Еще один светофор, кварталах в восьми, загорелся зеленым. Неподалеку находилось большое здание с множеством окон, которое выглядело как больница для душевнобольных, хотя, вероятнее всего, было школой. Эти улицы окружали маленькие домики, среди которых встречались постройки непонятного предназначения, огороженные высоким сетчатым забором.

Многие окна фабрики были выбиты, а часть окон в центре города закрывали листы фанеры. В обнесенных сетчатым забором бетонированных дворах лежали груды мусора. Даже дома важных горожан казались запущенными, с просевшими половицами веранд, облупленной краской. Принадлежали они, похоже, владельцам автосалонов, стоянки которых заполняли непродаваемые автомобили.

Джек уже собрался было развернуться и отправиться в Догтаун, несмотря на название, но в этом случае ему вновь пришлось бы пройти по тоннелю на Милл-роуд. В торговом районе кто-то нажал клаксон, и от этого звука Джека охватили невыносимое чувство одиночества и ностальгия.

Он не мог расслабиться, пока не поравнялся с воротами фабрики. Тоннель на Милл-роуд остался далеко позади. Примерно треть окон на грязно-кирпичном фасаде отсутствовала, многие другие тарачились на Джека большими квадратами коричневого картона. Даже на дороге ощущались запахи машинного масла, закопченных конвейерных лент, лязгающих шестерен. Джек сунул руки в карманы и быстрым шагом направился к центру города.

5

Вблизи Оутли выглядел еще более унылым, чем с вершины холма. В салонах подержанных автомобилей продавцы стояли у окон своих офисов, даже не выходя на улицу. Флаги обвисли, потрепанные и безрадостные; оптимистические плакаты, вывешенные вдоль потрескавшегося тротуара перед рядами автомобилей – «ОДИН ВЛАДЕЛЕЦ! ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОКУПКА! АВТОМОБИЛЬ НЕДЕЛИ!», – пожелтели. Чернила расплзлись и стекали с некоторых букв, словно их смыло дождем. Очень мало людей ходило по этим улицам. Направляясь к центру города, Джек увидел старика с запавшими щеками и серой кожей, который пытался закатить пустую тележку для продуктов на бордюрный камень. Когда мальчик приблизился, старик что-то проскрипел, враждебно и испуганно, оскалив черные, как у барсука, десны. Он подумал, что Джек хочет отнять у него тележку.

– Извините. – Сердце Джека вновь гулко забилося. Старик всем телом прикрывал тележку, защищая ее, демонстрируя врагу черные десны. – Извините, – повторил Джек. – Я только хотел помочь...

– Пайшивый вой! Пайшивый ВО-О-ОЙ! – взвизгнул старик, слезы покатались по его морщинистым щекам.

Джек поспешил уйти.

Двадцать лет назад, в шестидесятых, Оутли, должно быть, процветал. Часть Милл-роуд в городской черте напоминала о тех временах, когда акции росли, бензин стоил дешево и никто не слышал слов «дискреционный доход»¹⁷, потому что денег всем хватало. Люди вкладывали их во франшизы и маленькие магазинчики, и если не процветали, то хотя бы держались на плаву. Эти короткие кварталы все еще вселяли призрачную надежду, но во франшизных ресторанчиках сидели лишь немногочисленные подростки, потягивавшие колу, а в стеклянных витринах множества магазинов висели плакаты – старые, как и в автосалонах, – с надписями: «ПОСЛЕДНЯЯ РАСПРОДАЖА! ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ!». Джек не увидел ни одного объявления о найме на работу.

В центре Оутли реальность проглядывала сквозь радостные клоунские цвета, оставшиеся от шестидесятых. Джек тащился вдоль понурых кирпичных домов, рюкзак становился все тяжелее, а ноги болели все сильнее. Он бы пошел в Догтаун, если бы не ноги и необходимость вновь пройти по тоннелю на Милл-роуд. Разумеется, в темноте не прятался скалящийся человек-волк – в этом он уже себя убедил. И никто не заговаривал с ним в тоннеле. Просто Долины очень его потрясли. Сначала королева, потом убитый парнишка у перевернувшейся телеги, половина лица которого превратилась в кровавую пульпу. Наконец, Мор-

¹⁷ Дискреционный доход – часть чистого дохода потребителя, остающаяся после неизбежных расходов, уплаты налогов, затрат на удовлетворение первейших жизненных потребностей.

ган и деревья. Но это произошло *там*, где подобное могло случиться... даже, вероятно, считалось нормальным. *Здесь* этим вещам не место.

Он оказался перед длинным грязным окном, над которым едва читалась облупившаяся надпись на кирпичной стене: «МЕБЕЛЬНЫЙ СКЛАД». Джек приложил руки к глазам, всмотрелся в стекло. Увидел деревянный пол, а на нем – диван и стул, покрытые белыми чехлами, на расстоянии пятнадцати футов друг от друга. Двинулся дальше, гадая, не придется ли ему выпрашивать еду.

Чуть впереди четверо мужчин сидели в автомобиле перед магазином с забитыми досками окнами. Джек посмотрел на автомобиль, древний черный «десото», который выглядел так, словно из него сейчас выскочит Бродерик Кроуфорд, отметил отсутствие покрышек. На лобовом стекле красовался приклеенный скотчем прямоугольник желтой бумаги пять на восемь дюймов, гласивший: «КЛУБ ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ». Мужчины – двое на переднем сиденье, двое на заднем – играли в карты. Джек подошел к переднему пассажирскому окну.

– Извините, – обратился он к мужчинам, и сидевший ближе других картежник глянул на него рыбьим серым глазом. – Вы не знаете, где...

– Отвали, – сипло, словно с набитым ртом, ответил мужчина. Половину лица, обращенную к Джеку, испещряли старые шрамы от угрей, а само лицо выглядело на удивление плоским, словно кто-то наступил на него еще в младенчестве.

– Я просто хотел узнать, нет ли тут места, где я мог бы поработать пару дней.

– Попробуй Техас, – предложил мужчина, сидевший на водительском кресле, и пара на заднем сиденье загоготала, расплескав пиво на свои карты.

– Я сказал тебе, парень, отвали. – Плосколицый рыбеглазый мужчина посмотрел на Джека. – Или я самолично выбью из тебя все дерьмо.

И Джек понимал, что тот говорит правду: задержись он еще на секунду, и мужчина вылезет и избьет его в кровь. Потом вернется в машину и откроет новую банку пива. Пол был усеян банками «Роллинг рок»: выпитые валялись на боку, полные стояли в пластиковых упаковках. Джек отступил на шаг; «рыбий глаз» уже отвернулся от него.

– Наверное, действительно попробую поискать работу в Техасе. – Он двинулся дальше, ожидая услышать, как за спиной откроется дверца «десото», но услышал только, как вскрыли очередную банку пива.

Сначала треск, потом шипение.

Джек ушел не оглядываясь.

Он добрался до конца квартала и оказался на перекрестке с другой главной улицей. На засыхающей лужайке с желтыми сорняками стояли фибергласовые фигурки, отдаленно напоминавшие диснеевских оленят. Бесформенная старуха с мухобойкой в руке смотрела на него с дивана-качелей, стоящего на веранде.

Джек отвернулся от ее подозрительного взгляда и увидел перед собой последний из унылых кирпичных домов на Милл-роуд. Три бетонные ступени вели к раскрытой сетчатой двери. В длинном темном окне светилась рекламная надпись «БУДВАЙЗЕР». На фут правее красовалась вывеска: «БАР АПДАЙКА В ОУТЛИ», – а несколькими дюймами ниже к стеклу был приклеен желтый бумажный прямоугольник, такой же, как на ветровом стекле «десото», только с желанными словами «ТРЕБУЮТСЯ ПОМОЩНИКИ». Джек снял рюкзак с плеч, сунул под мышку и поднялся по ступеням. И когда он переходил из утомленного солнечного света в темноту бара, ему вдруг вспомнился густой плющ на въезде в тоннель на Милл-роуд.

Глава 9

Джек в «Ловчем кувшине»

1

Менее чем через шестьдесят часов Джек Сойер, пребывавший в совсем ином состоянии духа, чем тот Джек Сойер, который решился войти в тоннель Оутли в среду, находился в холодной кладовой «Бара Апдайка», прятал рюкзак за бочонками «Буша», стоявшими в дальнем углу, как алюминиевые кегли на боулинговой дорожке великана. Джек собирался убежать через два часа, после закрытия бара. Слово это – не *уйти*, не покинуть, а *убежать* – свидетельствовало о том, в какой отчаянной, по его мнению, ситуации он оказался.

Мне было шесть, Джону Б. Сойеру было шесть, Джеки было шесть. Шесть.

Мысль эта, несомненно, абсурдная, в тот вечер возникла у него в голове и принялась повторяться. Он считал ее очередным свидетельством того, как он напуган, насколько уверен, что попал в ловушку, которая вот-вот захлопнется. Он понятия не имел, что означает эта мысль, она просто кружилась и кружилась в голове, как деревянная лошадка, закрепленная на поворотном круге карусели.

Шесть. Мне было шесть. Джеки Сойеру было шесть.

Снова и снова, по кругу и по кругу несется она.

Кладовая примыкала к общему залу бара, и сегодня разделявшая их стена вибрировала от шума, пульсировала, как кожа на барабанах. Всего лишь двадцатью минутами раньше это был пятничный вечер, а по пятницам текстильная фабрика Оутли и завод резинотехнических изделий Догтауна выплачивали зарплату. И теперь народу в баре набилось под завязку... и даже больше. Слева от барной стойки висело большое объявление: «ОДНОВРЕМЕННОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ЗАЛЕ БОЛЕЕ 220 ЧЕЛОВЕК ЯВЛЯЕТСЯ НАРУШЕНИЕМ ПУНКТА 331 ПРАВИЛ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ДЕЙСТВУЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ОКРУГА ДЖЕНЕСИ». Вероятно, пункт 331 временно прекращал свое действие по завершении рабочей недели, потому что, по прикидкам Джека, в баре собралось больше трехсот человек, отрывавшихся под музыку кантри-вестерн-группы, именовавшей себя «Парни из Дженни-Вэлли». Играли они ужасно, но у них была педальная стил-гитара. «Здесь парни любят педаль-стил, Джек», – объяснил ему Смоуки.

– Джек! – проорала Лори, перекрывая стену звука.

Лори, женщина Смоуки. Джек не знал ее фамилии. Он едва слышал голос Лори за грохотом музыкального автомата, вопящего на полную мощность, потому что группа ушла на перерыв. Все пятеро музыкантов стояли у дальнего конца барной стойки и накачивались «Черным русским», который отпускался им за полцены. Лори сунула голову в кладовую. Тусклые светлые волосы удерживали детские белые заколки, поблескивавшие под флуоресцентным светом.

– Джек, если ты сейчас же не прикатишь этот бочонок, боюсь, он сломает тебе руку.

– Хорошо, – ответил Джек. – Скажи ему, что сейчас буду.

У него по коже побежали мурашки, и не от холода. У Смоуки Апдайка не забалуешь. Смоуки, который то и дело менял бумажные поварские колпаки, нахлобучивая их на

узкую голову, Смоуки с большими пластмассовыми вставными челюстями, купленными по почтовому каталогу, наводящими ужас и чересчур красивыми в своей идеальной ровности, Смоуки с яростными карими глазами и грязно-желтыми склерами старика. Смоуки Апдайк, который каким-то образом, по-прежнему непонятным для Джека – и оттого еще более пугающим, – сумел превратить мальчика в узника.

Музыкальный автомат временно смолк, остался рев толпы, который даже чуть усилился, чтобы компенсировать музыкальную паузу. Какой-то ковбой с озера Онтарио затянул грубым пьяным голосом: «Йи-и-и-ХО-О!» Вскрикнула женщина. Разбилось что-то стеклянное. Вновь включился музыкальный автомат, взревел, как двигатели ракеты «Сатурн» при взлете.

Из тех мест, где едят то, что раздавят на дороге.

Сырым.

Джек наклонился над алюминиевым бочонком, перетащил его примерно на три фута, скривив рот от боли. Несмотря на холод, на лбу выступил пот, спина запротестовала. Бочонок скрежетал, продвигаясь по неровному бетону. Джек остановился, тяжело дыша, в ушах у него звенело.

Он подвез ручную тележку к бочонку. Поставил его на обод, покатил вперед, к тележке, и когда уже опускал, потерял над ним контроль – тот весил лишь на несколько фунтов меньше Джека. Бочонок тяжело плюхнулся на переднюю часть тележки, где лежал кусок ковра, чтобы смягчать подобные удары. Джек попытался закатить бочонок на тележку, одновременно убрав руки, чтобы их не раздавило между бочонком и бортом тележки. Не успел. Тем не менее руки остались целы. Джек сунул пульсирующие болью пальцы левой руки в рот и пососал, в его глазах стояли слезы.

Ладно, пальцы он лишь слегка прищемил, но слышал шипение газа, выходящего из дренажного клапана на крышке бочонка. Если Смоуки подключит бочонок и пойдет пена... или, хуже того, если откроет крышку и пиво гейзером ударит ему в лицо...

Лучше о таком не думать.

Прошлым вечером, в четверг, когда он попытался прикатить Смоуки бочонок, тот упал на бок. Дренажный клапан сорвало. Пиво, пенясь, потекло по полу к сливному отверстию. Джек стоял, перепуганный и застывший, не слыша криков Смоуки. Из бочонка вытекал не «Буш» – «Кингсленд». Не пиво, а эль... королевский эль.

Тогда Смоуки ударил его первый раз, отбросив мальчика на занозистую стену кладовой.

– Это твое жалованье за сегодня, – прорычал Смоуки. – И больше так не делай, Джек.

В этой фразе, «больше так не делай», сильнее всего Джека напугало предположение, что у него будет еще много возможностей сделать это. То есть Смоуки Апдайк ожидал, что он пробудет здесь долгое, долгое время.

– Джек, поторопись!

– Уже иду, – тяжело дыша, ответил Джек. Спиной вперед покатил тележку к двери, нащупал сзади ручку, повернул, распахнул дверь. Она ударилась обо что-то большое, мягкое и податливое.

– Господи, смотри, куда прешь!

– Ой, извините.

– Я тебе сейчас ойкну, говнюк, – ответил голос.

Джек подождал, пока не стихнут тяжелые шаги в коридоре, вновь попытался открыть дверь.

Узкий коридор был выкрашен ядовито-зеленой краской. В нем воняло говном, и мочой, и чистящим средством «Тайди Боул». Стены покрывали граффити – творчество скучающих пьяниц, ожидавших возможности использовать по назначению «ПОЙНТЕРОВ» или «СЕТТЕРОВ». Самая большая надпись, сделанная черным маркером, растянулась почти во всю зеленую стену и казалась апофеозом тупой, бесцельной ярости, накопившейся в Оутли: «ОТПРАВИТЬ В ИРАН ВСЕХ АМЕРИКАНСКИХ НИГГЕРОВ И ЕВРЕЕВ».

Шум общего зала проникал и в кладовую. В коридоре он уже гремел. Джек бросил взгляд поверх бочонка на тележке, чтобы убедиться, что его рюкзак не виден от двери.

Он понимал, что должен уйти. *Должен*. Молчащий телефон наконец-то заговорил и, казалось, заковал его в капсулу темного льда... это было плохо. Но Рэндолф Скотт был еще хуже. Конечно, этот парень не был Рэндолфом Скоттом, просто он выглядел как Рэндолф Скотт в фильмах пятидесятых. Смоуки Апдайк, возможно, был еще хуже... хотя Джек в этом уже сомневался. С того момента, как увидел (или подумал, что увидел), что глаза человека, похожего на Рэндолфа Скотта, меняют цвет.

Но хуже всего был сам Оутли... это Джек знал наверняка.

Оутли, штат Нью-Йорк, в самом сердце округа Дженеси, теперь казался ужасной западней, которую поставили на Джека... прямо-таки муниципальным «ловчим кувшином». Одно из чудес природы, «ловчий кувшин». Попасть в него легко. Выбраться – практически невозможно.

2

Высокий мужчина с большущим, покачивающимся животом стоял, ожидая, когда освободится мужской туалет. Он перекачивал из одного уголка рта в другой пластиковую зубочистку и пристально смотрел на Джека. Подросток решил, что угодил дверью в этого пузатого.

– Говнюк, – сообщил пузатый, и тут дверь туалета открылась. Из него вышел мужчина. На мгновение глаза Джека встретились с его глазами. Тот самый мужчина, похожий на Рэндолфа Скотта. Но не кинозвезда – обычный рабочий из Оутли, пропивающий недельное жалованье. Потом он уедет на наполовину оплаченном «мустанге» с дребезжащими дверцами или на оплаченном на три четверти мотоцикле – большом старом добром «харлее», возможно, с наклейкой «ПОКУПАЙ АМЕРИКАНСКОЕ» на боку.

Его глаза стали желтыми.

Нет, это твоё воображение, Джек, всего лишь твоё воображение. Он всего лишь...

...всего лишь рабочий, который приглядывается к нему, потому что он – новенький. Сам-то, наверное, учился здесь в старшей школе, играл в футбол, накачал девчонку-католичку из группы поддержки и женился на ней, девчонка растолстела на шоколаде и готовых обедах «Штоуффера». Обычный неудачник из Оутли, всего лишь...

Но его глаза стали желтыми.

Прекрати! Не стали!

И все-таки что-то в нем заставило Джека подумать о случившемся по пути в город... случившемся в темноте тоннеля.

Толстяк, обозвавший его говнюком, отпрянул от сухощавого мужчины в джинсах «Левайс» и чистой белой футболке. Рэндолф Скотт двинулся к Джеку, размахивая большими жилистыми руками.

Его глаза блеснули ледяной синевой... и начали изменяться, мутнеть и светлеть.

– Малыш, – произнес он, и Джек торопливо удрал, открыв задом дверь, не волнуясь о том, кого она могла ударить.

Шум обрушился на него. Кенни Роджерс ревел хвалебную песню некоему Рубену Джеймсу. *Ты подставлял всегда другую щеку*, – вдалбливал Кенни набившимся в зал пьяницам, – *ведь кротких ждет прекрасный лучший мир*. Кротких в зале Джек не видел. «Парни из Дженни-Вэлли» возвращались на эстраду и разбирали инструменты. Все выглядели пьяными и потерянными... возможно, не понимали, где находятся, за исключением игравшего на педальной стил-гитаре. На лице этого парня читалась скука.

Слева от Джека женщина что-то жарко говорила в трубку телефона-автомата. Сам Джек, будь его воля, больше никогда не прикоснулся бы к трубке, даже за тысячу долларов. Пока она говорила, пьяный спутник лапал ее, засунув руку под ковбойку. На большой танцплощадке не меньше семидесяти пар топтались и обнимались независимо от того, какая звучала музыка, быстрая или медленная. Просто обнимались, вжимаясь друг в друга, руки мяли ягодицы, губы сливались с губами, пот тек по щекам и проступал большими кругами под мышками.

– Слава тебе, Господи! – воскликнула Лори и открыла калитку, чтобы Джек мог вкатить бочонок за стойку. Смоуки стоял в середине, наполнял поднос Глории джин-тоником, водкой с лимонным соком и коктейлем «Черный русский», который действительно составлял конкуренцию пиву в борьбе за право называться самым популярным напитком Оутли.

Джек увидел Рэндолфа Скотта, выходящего в зал из коридора. Он смотрел в сторону Джека, его синие глаза тут же поймали взгляд мальчика. Рэндолф легонько кивнул, как бы говоря: *Мы поговорим. Да, сэр. Может, мы поговорим о том, что могло, а чего не могло быть в тоннеле Оутли. Или о кнутах. Или о больных матерях. Может, поговорим о том, что ты проведешь в округе Дженеси много-много времени, пока не станешь стариком, плачущим над тележкой для продуктов. Что думаешь насчет этого, Джеки?*

По телу Джека пробежала дрожь.

Рэндолф Скотт улыбнулся, словно увидел эту дрожь... или почувствовал. Потом нырнул в толпу.

Мгновением позже сильные тонкие пальцы Смоуки впились в плечо Джека – искали самое болезненное место и, как всегда, нашли. Умные пальцы, знающие, где проходят нервы.

– Джек, ты должен шевелиться быстрее. – В голосе Смоуки почти слышалось сочувствие, но пальцы давили, двигались, искали. От него пахло розовыми пастилками «Канада мент», которые он то и дело кидал в рот. Купленные по почте вставные челюсти клацали и щелкали. Иногда слышалось мерзкое чавканье, когда они сползали, а он засасывал их на положенное место. – Ты должен шевелиться быстрее, а не то мне придется смазать тебе зад скипидаром. Ты понимаешь, что я говорю?

– Д-да, – ответил Джек, стараясь не застонать.

– Ладно. Это хорошо. – На мгновение пальцы Смоуки вжались сильнее, надавили на нервный узел. Джек застонал. Смоуки это вполне устроило. Он убрал руку.

– Помоги мне подсоединить бочонок, Джек. И давай сделаем это быстро. Вечер пятницы, люди хотят пить.

– Утро субботы, – тупо поправил его Джек.

– И тогда тоже хотят. За дело.

Джеку как-то удалось помочь Смоуки поднять бочонок на квадратную подставку под стойкой. Тонкие, похожие на веревки мышцы Смоуки бугрились и извивались под футбол-

кой с надписью «БАР АПДАЙКА В ОУТЛИ». Бумажный колпак на узкой голове этого хорька оставался на месте, край всегда касался левой брови, вопреки закону всемирного тяготения. Джек наблюдал, затаив дыхание, как Смоуки отворачивает красный дренажный клапан-пробку. Бочонок задышал более шумно, но не вспенился. Тихий вздох облегчения сорвался с губ Джека.

Смоуки уже катил к нему пустой бочонок.

– Отвези его в кладовую, а потом приберись в туалете. Помнишь, что я говорил тебе сегодня днем?

Джек помнил. В три часа дня взвыла сирена, словно оповещающая о воздушном налете, и Джек чуть не выпрыгнул из штанов. Лори засмеялась и повернулась к Смоуки: «Глянь на Джека, Смоуки. Думаю, он только что обмочился». Смоуки мрачно, без тени улыбки глянул на Джека и подозвал его взмахом руки. Объяснил, что эта сирена сообщает о начале выплаты недельного жалованья на текстильной фабрике Оутли. Сказал, что такая же сирена оповещает о начале выплаты на заводе резинотехнических изделий Догтауна. Там изготавливали пляжные игрушки, надувных кукол и презервативы с такими названиями, как «Ребрышки удовольствия». Скоро, сказал Смоуки, в бар потянется народ.

– И ты, и я, и Лори, и Глория должны стать быстрыми как молния, – наставлял его Смоуки, – потому что в пятницу после крика орла мы должны заработать все те деньги, которые недополучаем каждое воскресенье, понедельник, вторник, среду и четверг. Когда я крикну тебе, что надо привезти бочонок пива, ты должен сделать это, прежде чем смолкнет мой крик. И каждые полчаса заходи в туалет со своей шваброй. В пятницу вечером каждый посетитель облегчается раз в четверть часа, а то и чаще.

– Женский я беру на себя, – добавила подошедшая Лори. Ее тонкие волосы вились золотом, белизна кожи соперничала с вампирами из комиксов. Она то ли простудилась, то ли сидела на кокаине, потому что постоянно шмыгала носом. Джек полагал, что это простуда. Он сомневался, что в такой дыре, как Оутли, кто-то мог позволить себе кокаин: слишком дорогое удовольствие. – Женщины получше мужчин. Не намного, но все-таки получше.

– Заткнись, Лори.

– Сам заткнись, – огрызнулась она, и рука Смоуки сверкнула молнией. Прогредел гром, и внезапно на бледной щеке Лори возник отпечаток пятерни Смоуки, как переводная татуировка. Лори заплакала... но Джек, к своему полному недоумению, увидел, что ее глаза светятся счастьем. Она относилась к женщинам, верившим в принцип «бьет – значит, любит».

– Не сиди сложа руки, и у тебя не возникнет проблем, – продолжил Смоуки. – Помни, что должен пошевеливаться, если я крикну, что надо привезти бочонок. И помни, что надо каждые полчаса заходить со шваброй в мужской туалет и подтирать блевоту.

Тут он снова сказал Смоуки, что хочет уйти, а Смоуки повторил свое лживое обещание насчет второй половины воскресенья... Но какой смысл думать об этом?

Крики стали громче, к ним добавился грубый смех. Раздался треск ломающегося стула и пронзительный крик боли. Кулачный бой – третий за вечер – завязался на танцплощадке. Смоуки выругался и протиснулся мимо Джека.

– Убери этот бочонок.

Джек положил пустой бочонок на тележку и повез к двери в коридор, опасаясь вновь наткнуться на Рэндолафа Скотта. Но увидел, что тот стоит в толпе вокруг дерущихся, и чуть расслабился.

В кладовой он поставил пустой бочонок на погрузочную платформу – за этот вечер в «Баре Апдайка в Оутли» опустошили уже шесть бочек. Покончив с этим, вновь проверил, на месте ли рюкзак. Его охватила паника – рюкзак украли, – и сердце застучало паровым молотом. В рюкзаке лежала и бутылка с волшебным соком, и монета из Долин, ставшая в этом мире серебряным долларом. Вспотев от ужаса, Джек сместился правее, сунул

руку между двух следующих бочонков. Нащупал через зеленый нейлон рюкзака округлость бутылки Спида. Сердцебиение начало выравниваться, но Джека трясло, а ноги подгибались – так бывает, когда едва не случилась беда.

Мужской туалет вызывал отвращение. Раньше Джека могло вырвать от одного вида блевотины, но за этот вечер привык к вони... и полагал, что это не самое худшее. Он налил горячей воды, добавил порошка «Комет» и принялся сгребать все это месиво к сливному отверстию, мыслями вернувшись к событиям последних двух дней, волнуясь, как волнуется животное, попавшее лапой в капкан.

3

Когда Джек впервые вошел в «Бар Апдайка в Оутли», его встретили темнота и пустота. Музыкальный автомат и еще два, для игры в пинбол и «Космических захватчиков», были выключены. Светилась только реклама пива «Буш» над барной стойкой: цифровые часы меж двух горных пиков, напоминавшие невиданную летающую тарелку.

Чуть улыбаясь, Джек направился к стойке. И почти подошел к ней, когда за спиной раздался бесстрастный голос:

– Это бар. Несовершеннолетних здесь не обслуживают. Ты что, тупой? Пошел вон.

Джек чуть не выпрыгнул из штанов. Он как раз нащупал в кармане деньги, думая, что все будет как в «Золотой ложке»: он сядет на высокий стул, что-то закажет, потом спросит о работе. Разумеется, нанимать на работу такого, как он, незаконно, во всяком случае, без разрешения, подписанного родителями или опекуном, но зато ему можно платить меньше установленного законом минимума. Намного меньше. И переговоры о жалованье обычно начинались с Истории № 2 – «Джек и злой отчим».

Он развернулся и увидел мужчину, сидевшего в одиночестве в одной из кабинок и смотревшего на него с холодной, презрительной настороженностью. Мужчину тощего, но крепкого – веревки мышц ходили под белой футболкой и на шее. Футболке составляли компанию мешковатые белые поварские штаны и бумажный поварской колпак, сдвинутый на левую бровь. Узкой головой мужчина напоминал хорька. Короткие волосы серебрились на висках. Между большими руками лежала стопка счетов и калькулятор «Тексас инструментс».

– Я увидел ваше объявление о работе, – ответил Джек, не питая особых надежд. Этот мужчина не собирался его нанимать, да он и сам не знал, хочет ли здесь работать. Мужчина выглядел злым и прижимистым.

– Увидел, значит? – хмыкнул тот. – Должно быть, научился читать в один из перерывов между прогулами. – На столе лежала пачка «Филлис черутс». Мужчина достал одну.

– Я не знал, что это бар. – Джек отступил на шаг к двери. Солнечный свет пробивался сквозь грязное стекло, а потом, казалось, замертво падал на пол, словно «Бар Апдайка в Оутли» находился в другом измерении. – Наверное, я подумал, что это... вы понимаете, бар и гриль. Что-то такое. Я уже ухожу.

– Подойди сюда. – Карие глаза мужчины пристально смотрели на него.

– Нет, все хорошо, – нервно ответил Джек. – Я уже...

– Подойди сюда. Сядь. – Мужчина зажег деревянную спичку, чиркнув о ноготь большого пальца, раскурил сигару. Муха, сидевшая на поварском колпаке, жужжа, улетела в темноту. Его взгляд не отрывался от Джека. – Я тебя не укушу.

Джек медленно подошел к кабинке, после короткого колебания скользнул за столик напротив мужчины, чинно сложил руки перед собой. Шестдесят часов спустя, с падающими на глаза влажными от пота волосами, подтирая мочу и блевоту в мужском туалете в половине первого ночи, Джек думал – нет, *знал*, – что его глупая самоуверенность позво-

лила ловушке захлопнуться (и она захлопнулась в тот момент, когда он сел напротив Смоуки Апдайк, пусть тогда он об этом не догадывался). Венерина мухоловка закрывается, если внутрь залетает несчастное насекомое. «Ловчий кувшин» с его тонким ароматом и гладкими как стекло стенками ждет, пока какой-нибудь крылатый идиот не окажется внутри, где и утонет в скопившейся на дне дождевой воде. В Оутли кувшин наполняла не вода, а пиво – других отличий не наблюдалось.

Если бы он тогда убежал...

Но он не убежал. И еще подумал, стараясь выдержать холодный карий взгляд, а вдруг он все-таки получит работу. Майнетт Банберри, женщина, которой принадлежала «Золотая ложка» в Обурне, отнеслась к Джеку по-доброму, обняла на прощание, чмокнула в щеку и даже дала три больших сэндвича в дорогу, но он прекрасно понимал, что к чему. Мягкость и даже некое подобие доброты не скрывали хладнокровной нацеленности на получение прибыли, то есть, откровенно говоря, жадности.

В штате Нью-Йорк минимальная часовая заработная плата составляла три доллара сорок центов. Как и требовал закон, эта информация висела на кухне «Золотой ложки»: ярко-розовый лист, размерами почти не уступавший киношному постеру. Но поваром здесь работал гаитянин, который едва говорил по-английски и наверняка въехал в страну нелегально. Так, во всяком случае, думал Джек. Готовил он как бог, ломтики картофеля и моллюски не проводили в кипящем масле ни секунды дольше положенного. Девушка, помогавшая миссис Банберри обслуживать клиентов, очень миленькая, но с пустыми глазами, попала к ней по программе обеспечения работой умственно отсталых. В таких случаях закон о минимальной часовой заработной плате не применялся, и шепелявая слабоумная красотка с неподдельным восторгом сообщила Джеку, что зарабатывает доллар двадцать пять центов *каждый час, и все эти деньги – ее*.

Сам Джек получал полтора доллара. Он выторговал себе такую оплату и знал: если бы миссис Банберри не оказалась в бедственном положении – ее посудомойщик смылся, ушел выпить чашечку кофе и не вернулся, – она бы торговаться не стала. Или соглашайся на доллар двадцать пять центов, сынок, или скатертью дорога. Это свободная страна.

И теперь, думал он с незнакомым ему прежде цинизмом, который являлся частью его новой самоуверенности, *перед ним другая миссис Банберри. Мужчина, а не женщина, крепкий и худой, а не толстый и приветливый, кислый, а не улыбочивый, но в принципе – все та же миссис Банберри.*

– Значит, ищешь работу? – Мужчина в белых штанах и бумажном колпаке положил сигару в пепельницу со словом «КЭМЕЛС» на дне. Муха перестала мыть ножки и улетела.

– Да, сэр, но вы говорите, что это бар и все такое...

Предчувствие беды вновь шевельнулось в нем. Эти карие глаза и желтые склеры его тревожили – глаза старого кота-охотника, который расправился со многими и многими мышками.

– Да, это мой бар. Смоуки Апдайк. – Он протянул руку. Джек в изумлении протянул свою. Мужчина сжал ее один раз, почти до боли. Потом ослабил хватку... но руки Джека не выпустил. – Ну?

– Что? – Джек понимал, что выглядит глупо и даже испуганно... но он *чувствовал* себя глупо и немного испугался. И потом, он хотел, чтобы Апдайк отпустил его руку.

– Разве родители не научили тебя представляться?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что Джек едва не назвал свои настоящие имя и фамилию, а не те, которыми воспользовался в «Золотой ложке». Их он называл и подвозив-

шим его людям, если они хотели знать, кого посадили в свой автомобиль. Он уже свыкся с тем, что Льюис Фаррен – его «дорожное имя».

– Джек Со... э... Сотель, – ответил он.

Апдайк еще секунду сжимал его руку, карие глаза не мигая смотрели на мальчика. Потом разжал пальцы.

– Джек Со-э-Сотель. Наверное, самая длинная гребаная фамилия во всем телефонном справочнике, да, малыш?

Джек покраснел, но промолчал.

– Ты не такой уж здоровый. Думаешь, сможешь поставить на обод девяностофунтовый бочонок с пивом и закатить его на ручную тележку?

– Думаю, смогу, сэр, – ответил Джек, не зная, сможет или нет. Впрочем, особой проблемы он не видел: в таком пустующем баре бочонки, похоже, приходилось менять только по большим праздникам.

Апдайк словно прочитал его мысли.

– Да, сейчас никого нет. В четыре-пять часов мы начинаем вертеться. А по выходным здесь действительно полно народу. Именно тогда тебе придется отрабатывать свои деньги, Джек.

– Ну, я не знаю. А сколько вы будете платить?

– Доллар в час, – ответил Апдайк. – Хотел бы платить больше, но... – Он пожал плечами и постучал пальцем по пачке счетов. Даже улыбнулся одними губами, как бы говоря: *Сам видишь, как обстоят дела, малыш, все в Оутли замедляется, как дешевые карманные часы, которые забыли завести... все замедляется с семьдесят первого года.* Его глаза по-прежнему неотрывно наблюдали за лицом Джека, пристальные, как у кота.

– Не так чтобы много. – Джек говорил медленно, но думать старался очень быстро.

«Бар Апдайка в Оутли» – могила... за стойкой не было даже несчастного алкоголика, посасывающего пиво и не отрывающего глаз от телевизора. Если в Оутли и пьют, так это в том автомобиле-«клубе». Полтора доллара в час – тяжело заработанные деньги, если пахать, не разгибая спины. В таком месте доллар в час – легкая работенка.

– Да, – согласился Апдайк, возвращаясь к калькулятору, – не много. – Его голос говорил, что Джек может согласиться или уйти. Обсуждение закончилось.

– Может, мне и подойдет.

– Что ж, это хорошо, – кивнул Апдайк. – Теперь мы должны выяснить еще один момент. От кого ты бежишь и кто тебя ищет? – Карие глаза вернулись к лицу Джека и теперь буравили его. – Если кто-то идет по твоему следу, я не хочу, чтобы он портил мне жизнь.

Этот вопрос не поколебал самоуверенности Джека. Он не считал себя семи пядей во лбу, но ему хватало ума, чтобы понять: в пути потребуется еще одна легенда, предназначенная для потенциальных работодателей. История № 2 – «Злобный отчим».

– Я из маленького городка в Вермонте. Фендервилла. Мои мать и отец развелись два года назад. Отец пытался получить опеку надо мной, но судья отдал меня матери. Так они поступают практически всегда.

– Именно так они и поступают. – Апдайк снова занялся счетами и так низко склонился над калькулятором, что едва не касался носом клавиш, но Джек чувствовал, что он все равно слушает.

– Мой отец поехал в Чикаго и там нашел работу. Он пишет мне примерно раз в неделю, но перестал приезжать в прошлом году, после того как Обри избил его. Обри...

– Твой отчим, – вставил Апдайк, и Джек сощурился: к нему вернулось недавнее недоверие. В голосе Апдайка не было сочувствия. Тот будто смеялся над ним, зная, что история Джека – выдумка чистой воды.

– Да, – кивнул Джек. – Моя мама вышла замуж полтора года назад. Он часто меня бьет.

– Грустно, Джек. Очень грустно. – Апдайк поднял голову, сардонические недоверчивые глаза вновь смотрели на Джека. – И ты удрал в Чикаго, где вы с отцом будете счастливо жить до скончания веков.

– Я на это надеюсь, – ответил Джек, и тут его осенило. – Я точно знаю, что мой настоящий отец не будет подвешивать меня за шею в стенном шкафу. – Он оттянул ворот футболки, показав отметину. Она уже поблекла, но пока он работал в «Золотой ложке», оставалась яркой и отвратительно лилово-красной. Как клеймо. Однако в «Золотой ложке» у него не было повода продемонстрировать ее. Разумеется, оставил эту отметину корень, который едва не оборвал жизнь Джека в другом мире.

Экспромт удался: он увидел, как глаза Апдайка широко раскрылись от удивления, а может, и шока. Мужчина наклонился вперед, сдвинув несколько желтых и розовых листков.

– Господи Иисусе, малыш. Это сделал твой отчим?

– Тогда я и решил убежать.

– Он может появиться здесь в поисках своего автомобиля, или мотоцикла, или бумажника, или гребаной заначки травки?

Джек покачал головой.

Смоуки еще несколько секунд смотрел на Джека, потом выключил калькулятор.

– Пойдем в кладовую, малыш.

– Зачем?

– Хочу посмотреть, сможешь ли ты поставить один из этих бочонков на ребро. Если сможешь привезти бочонок, когда он мне потребуется, работа твоя.

4

Джек, к полной удовлетворенности Апдайка, продемонстрировал, что может поставить большой алюминиевый бочонок на ребро, а потом, перекатывая, поставить на тележку. Он справился без особых проблем – только днем позже он уронит бочонок и получит в нос.

– Что ж, неплохо, – кивнул Апдайк. – Ты, конечно, маловат для такой работы и, возможно, наживешь гребаную грыжу, но тебя никто не неволил.

Он сказал Джеку, что начинать тот будет в полдень и работать до часа ночи («Во всяком случае, пока сможешь»), а платить ему будут каждый вечер при закрытии. Наличными.

Они вернулись в зал и там увидели Лори, в темно-синих баскетбольных шортах, таких коротких, что из-под них виднелись края вискозных трусиков, и блузке без рукавов, которую она наверняка приобрела в «Маммот-марте» в Батавии. Ее жидкие светлые волосы удерживали пластмассовые заколки, и она курила «Пэлл-Мэлл», густо измазав фильтр помадой. Большой серебряный крест болтался между грудями.

– Это Джек, – представил своего нового работника Апдайк. – Можешь убрать объявление.

– Беги, малыш, – посоветовала ему Лори. – Еще есть время.

– Закрой хлебало.

– Заставь меня.

Апдайк шлепнул ее по заду, достаточно сильно, чтобы она отлетела к стойке. Джек моргнул, вспомнив, как щелкал кнут Осмонда.

– Мужлан. – Глаза Лори заблестели от слез... но выглядела она очень довольной, словно считала, что так и должно быть.

Тревога Джека теперь ощущалась отчетливее, резче... перешла в страх.

– Не обращай на нас внимания, малыш. – Лори направилась к желтому прямоугольнику объявления. – Все будет хорошо.

– Его зовут Джек – не *малыш*. – Смоуки вернулся в кабинку, где проводил «собеседование» с Джеком, и начал собирать счета. – Малыш – это гребаный козленок. Или тебя не учили этому в школе? Приготовь парню пару бургеров. Он будет начинать работу в полдень.

Лори сняла с окна объявление и положила за музыкальный автомат с таким видом, будто проделывала это многократно. Проходя мимо Джека, подмигнула ему.

Зазвонил телефон.

Все трое посмотрели на него, вздрогнув от резкого звука. Джеку показалось, что к стене прилип большой черный слизняк. Мальчик словно выпал из времени. Успел заметить бледность Лори – цветом выделялись только поблекшие пятнышки прыщей. Успел всмотреться в жесткое, скрытное лицо Апдайка, увидеть выпирающие вены на его длинных кистях. И прочесть пожелтевшее объявление над телефонным аппаратом: «ПОЖАЛУЙСТА, ОГРАНИЧЬТЕ РАЗГОВОР ТРЕМЯ МИНУТАМИ».

В повисшей тишине телефон звонил и звонил.

Джек, охваченный внезапным ужасом, подумал: *Это меня. Издалека... из далекого, ОЧЕНЬ далекого далека.*

– Ответь, Лори, – бросил Апдайк, – чего стоишь?

Лори пошла к телефону.

– «Бар Апдайк в Оутли». – Ее тихий голос дрожал. Она послушала. – «Бар Апдайк в Оутли». Алло? Алло?.. Твою мать.

И с треском повесила трубку.

– Никого. Мальчишки, наверное. Иногда хотят знать, есть ли у нас «Принц Альберт» в жестянке. Какие ты любишь бургеры, малыш?

– Джек! – взревел Апдайк.

– Джек, хорошо, хорошо, Джек. Какие ты любишь бургеры, Джек?

Джек ответил, что не сильно прожаренными, с коричневой горчицей и бермудским луком. Он расправился с едой в мгновение ока и выпил стакан молока. Тревога ушла вместе с голодом. Мальчишки, сказала она. Но его глаза то и дело возвращались к телефону, и он задавался вопросом, действительно ли это были мальчишки?

5

Ровно в четыре пополудни дверь открылась, словно пустота бара служила хитро расставленной западней, призванной привлечь его (как «ловчий кувшин» привлекает невинным видом и сладким запахом), и в зал вошли мужчины в рабочей одежде. Лори включила музыкальный автомат и автоматы для игры в пинбол и «Космических захватчиков». Несколько человек громко поприветствовали Смоуки, который сухо улыбнулся в ответ, продемонстрировав купленные по почте вставные челюсти. Большинство заказало пиво. Двое или трое – «Черного русского». Один – член «Клуба хорошей погоды», Джек в этом практически не сомневался – бросал в музыкальный автомат четвертаки, вызывая голоса Микки Джилли, Эдди Рэббита, Уэйлона Дженнингса и других. Смоуки велел Джеку взять в кладовой ведро и швабру и вымыть танцплощадку перед эстрадой, которая пустовала в ожидании пятницы и «Парней из Дженни-Вэлли». А после того как площадка просохнет, сказал Смоуки, надо взять «Пледж» и натереть ее. «Ты поймешь, что все сделано по правилам, когда увидишь в ней свою улыбающуюся физиономию», – объяснил он.

6

Так Джек начал работать в «Баре Апдайк в Оутли».

В четыре-пять часов мы начинаем вертеться.

Что ж, Смоуки ему не солгал. До того момента, как Джек отодвинул тарелку и начал зарабатывать деньги, бар практически пустовал. К шести часам собралось человек пятьдесят, и на работу пришла официантка Глория, девушка крепкого сложения. Некоторые посетители встретили ее радостными воплями и криками «Ур-р-ра». Глория присоединилась к Лори, разнося вино, множество «Черных русских» и океаны пива.

Помимо бочонков «Буша», Джек таскал из кладовой бутылочное пиво – «Будвайзер», само собой, а также местных фаворитов – «Дженеси», «Утика-клуб» и «Роллинг рок». На руках появились волдыри, заболела спина.

Между походами в кладовую за ящиками с пивом и походами в кладовую после команды: «Привези мне бочонок, Джек» (эта фраза уже вызывала у него дрожь ужаса), – он возвращался на танцплощадку со шваброй и большой бутылкой «Пледж». Один раз пустая пивная бутылка пролетела мимо его головы, разминувшись с ней на несколько дюймов. Он пригнулся, с гулко забившимся сердцем, и бутылка разбилась о стену. Смоуки выгнал пьяного хулигана вон, его вставные челюсти обнажились в крокодильей улыбке. Выглянув в окно, Джек увидел, как хулиган ударил парковочный счетчик с такой силой, что выскочила красная табличка «НАРУШЕНИЕ».

– Иди сюда, Джек, – нетерпеливо позвал его Смоуки, вернувшийся за стойку. – Она пролетела мимо, так? Убери осколки.

Полчаса спустя Смоуки отправил его в мужской туалет. Мужчина средних лет с прической а-ля Джо Пайн стоял, покачиваясь, у одного из писсуаров. Одной рукой он держался за стену, другой тряс огромный необрезанный член. Между его стоптанными рабочими ботинками дымилась лужа блевоты.

– Приберись здесь, малыш. – Мужчина, покачиваясь, двинулся к двери, по пути так хлопнув Джека по спине, что едва не свалил мальчика с ног. – Нужно освободить место любым доступным способом, верно?

Джек сумел дождаться, пока за мужчиной закроется дверь, а потом его вырвало.

Ему удалось воспользоваться единственной кабинкой, где в унитазе плавала несмытая зловонная рвота предыдущего посетителя. Джек выблевал остатки обеда и пару раз судорожно вдохнул, после чего его вырвало вновь. Трясущейся рукой он нащупал кнопку слива, нажал. Через стену доносились приглушенные голоса Уэйлона и Вилли, поющих о Лакенбахе, штат Техас.

Внезапно перед Джеком возникло лицо матери, более прекрасное, чем на экране, с огромными глазами, потемневшими и печальными. Он увидел ее одну, сидящую в их номере в «Альгамбре», забытая сигарета дымилась в пепельнице. Она плакала. Плакала о нем. Его сердце заболело очень сильно, и он подумал, что сейчас умрет от любви к ней и желания быть рядом... от стремления к жизни, где нет тварей, затаившихся в тоннелях, нет женщин, радующихся отвешенным им оплеухам, после которых они могли поплакать, нет мужчин, которые блюют между ног, пока отливают. Ему хотелось вернуться в «Альгамбру», и он ненавидел Спида Паркера черной ненавистью за то, что тот убедил его пойти этой ужасной дорогой на запад.

В этот самый момент последние остатки самоуверенности исчезли, окончательно и бесповоротно. Здравомыслие сменил идущий изнутри первобытный детский крик: *Я хочу к маме пожалуйста Господи я хочу к МАМЕ...*

Из кабинки он выходил на ватных ногах, думая: *Ладно с меня хватит пошел ты Спида этот мальчик отправляется домой, где бы он ни находился.* В этот момент его не тревожила умирающая мать. В этот момент невыносимой боли он думал только о себе, его волновало только самосохранение, будто он превратился в преследуемое хищником животное – оленя,

кролика, белку, бурундука. В этот момент он соглашался на смерть матери от рака с разползающимися по всему телу метастазами, если только перед смертью она сможет обнять его и поцеловать. Пожелать ему спокойной ночи и сказать, чтобы он не слушал в кровати чертов транзисторный приемник и полночи не читал под одеялом при свете карманного фонарика.

Он оперся рукой о стену и мало-помалу пришел в себя. Сознательным этот процесс Джек бы не назвал, просто он медленно, но верно брал себя в руки. Это он унаследовал от Фила Сойера и Лили Кавано. Он допустил ошибку, да, но назад не пойдет. Долины существовали, и Талисман скорее всего тоже. Он не собирался убить мать своей слабхарактерностью.

Джек наполнил ведро горячей водой из крана в кладовой и смыл блевоту.

Когда он вернулся в зал, часы показывали половину одиннадцатого, и толпа начала редеть: Оутли был рабочим городком, и выпивохи-трудяги по будням расходились рано.

Смоуки отослал его в кладовую за бочонком пива.

– Ты бледный как тесто, Джек, – заметила Лори. – Все нормально?

– Как думаешь, могу я выпить имбирного эля? – спросил он.

Она принесла ему стакан, и он выпил эль, заканчивая натирать танцевальную площадку. Без четверти двенадцать Смоуки велел ему привезти бочонок пива. Джек справился – но на пределе. В четверть первого Смоуки начал кричать на оставшихся посетителей, предлагая им разойтись. Лори отключила музыкальный автомат – Дик Керлесс с протяжным стоном замолк под вялые крики протеста. Глория отключила игровые автоматы, надела свитер (розовый, как пастилки «Канада мент»), которые постоянно сосал Смоуки, как десны его вставных челюстей) и ушла. Смоуки начал выключать лампы и подталкивать к двери оставшихся четверых или пятерых клиентов.

– Молодец, Джек, – похвалил он мальчика, когда зал окончательно опустел. – Ты поработал хорошо. Еще есть к чему стремиться, но начало достойное. Ты можешь лечь спать в кладовой.

Вместо того чтобы попросить заработанные деньги (Смоуки их ему не предложил), Джек поплелся к кладовой. Он так устал, что шатался, словно уменьшенная копия пьяниц, которых недавно попросили за дверь.

В кладовой он увидел Лори, сидевшую в углу на корточках – баскетбольные шорты задрались до неприличия высоко, – и с притупленной тревогой подумал, что она роется в его рюкзаке. Потом понял, что она расстилает пару одеял на джутовых мешках из-под яблок. Лори положила с одного конца маленькую атласную подушку с надписью «НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА».

– Я подумала, что устрою тебе уютное гнездышко, малыш.

– Спасибо. – Это доброе дело не представляло собой ничего особенного, но Джек едва не разрыдался. Он сдержал слезы и сумел улыбнуться. – Огромное спасибо, Лори.

– Пустяки. Все будет хорошо, Джек. Смоуки не такой уж плохой. Как только ты узнаешь его, поймешь, что он совсем неплохой. – В голосе Лори слышалась подсознательная тоска, будто ей хотелось, чтобы так оно и было.

– Наверное, неплохой, – ответил Джек, а потом импульсивно добавил: – Но завтра я уйду. Пожалуй, Оутли не для меня.

– Может, и уйдешь, Джек... а может, решишь немного задержаться. Почему не отложить решение до утра? – В ее маленькой речи звучало что-то натужное и неестественное, и ничего не осталось от искренней улыбки, с которой она сказала: «Я подумала, что устрою тебе маленькое гнездышко, малыш». Джек это заметил, но слишком устал, чтобы делать какие-то выводы.

– Ладно, посмотрим.

– Конечно, – согласилась Лори, направившись к двери. Послала ему воздушный поцелуй с грязной ладони. – Спокойной ночи, Джек.

– Спокойной ночи.

Он начал снимать рубашку... оставил ее, решив, что снимет лишь кроссовки: в кладовой было очень холодно и промозгло. Сел на мешки, развязал узлы, снял одну кроссовку, потом вторую. И уже собрался улечься на принесенную Лори подушку-сувенир с «НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ЯРМАРКИ» – и заснул бы, еще прежде чем голова коснулась ее, – когда в баре зазвонил телефон, пронзая тишину, ввинчиваясь в нее, заставляя подумать о колышущихся серых корнях, и кнутах с косичками из сыромятной кожи, и двухголовых пони.

Дзы-ынь, дзы-ынь, дзы-ынь – в тишину, в мертвую тишину.

Звонок, звонок, звонок, в час, когда мальчишки, интересующиеся «Принцем Альбертом» в жестянке, давно уже спят. *Дзы-ынь, дзы-ынь, дзы-ынь. Привет, Джеки, это Морган, и я почувствовал твое присутствие в моих лесах, маленький шустрый говнюк, я УЧУЯЛ тебя в моих лесах, и с чего ты взял, что в своем мире ты будешь в безопасности? Там тоже мои леса. Это твой последний шанс, Джеки. Возвращайся домой, а не то я вышлю войска. Против них тебе не устоять. Ты не...*

Джек поднялся и в носках пересек кладовую. Холодный пот, от которого бросало в дрожь, казалось, покрывал все его тело.

Он приоткрыл дверь.

Звонок, звонок, звонок, звонок.

И наконец:

– Алло. «Бар Апдайк в Оутли». И лучше бы вам звонить по делу. – Голос Смоуки. Пауза. – Алло? – Еще пауза. – Твою мать! – Смоуки с грохотом повесил трубку, и Джек услышал, как тот идет к двери, а потом поднимается по лестнице в маленькую квартиру на втором этаже, которую он занимал с Лори.

7

Джек, не веря своим глазам, переводил взгляд с листка зеленой бумаги в левой руке на несколько банкнот – по одному доллару – и мелочь в правой. Пришло утро четверга, и он попросил с ним расплатиться.

– Это что? – спросил он, по-прежнему не в силах поверить увиденному.

– Читать ты умеешь, – ответил Смоуки, – и считать тоже. На работе ты, конечно, еще тормозишь, Джек, во всяком случае, пока, но ума тебе хватает.

Теперь он сидел с зеленым листком в одной руке и деньгами в другой. Тупая злость начала пульсировать по центру лба, как вена. «ЧЕК ГОСТЯ» – значилось на зеленом листке. Точно такие же миссис Банберри выдавала клиентам «Золотой ложки». Далее шел заказ:

1 гамбургер \$1.35
1 гамбургер \$1.35
1 большой стакан молока.55
1 имбирный эль.55
Налог.30

Внизу крупными цифрами – общая сумма, \$4.10, обведенная ручкой. Джек заработал девять долларов, начав работу в четыре часа дня и закончив в час ночи. Смоуки вычел почти половину. У него осталось четыре доллара девяносто центов. Он поднял голову, охваченный яростью. Посмотрел сначала на Лори, которая вроде бы смутилась, потом на Смоуки, который невозмутимо встретил его взгляд.

- Это обман, – пискнул Джек.
- Джек, это неправда. Посмотри на цены в меню...
- Я про другое, и вы это знаете!

Лори поморщилась, словно ожидала, что Смоуки ударит Джека... но Смоуки лишь терпеливо смотрел на мальчика.

– Я не взял с тебя за постель, правда?

– Постель! – крикнул Джек, чувствуя, как кровь приливает к щекам. – Та еще постель! Мешки из-под яблок на бетонном полу! Та еще постель! Не хватало брать с меня и за это, грязный обманщик!

Лори испуганно ахнула и бросила взгляд на Смоуки... но тот спокойно сидел в кабинке напротив Джека, а между ними вился густой синеватый сигарный дым. На узкой голове Смоуки красовался новый бумажный поварской колпак, как обычно, сдвинутый на левую бровь.

– Вчера мы говорили о твоём ночлеге, – напомнил Смоуки. – Ты спросил, получишь ли его вместе с оплатой. Я ответил, что да. О твоей еде речи не было. Если бы ты задал этот вопрос, думаю, мы бы что-нибудь придумали. Может, и нет. Но ты этого не коснулся, так что пока получаешь только то, о чем мы договаривались.

Джека трясло, слезы беспомощной злости стояли в глазах. Он попытался что-то сказать, но с губ сорвался только сдавленный стон. От ярости он лишился дара речи.

– Разумеется, если ты хочешь сейчас обсудить скидку на еду и питье для сотрудников...

– Идите к черту! – наконец выдавил он из себя, поднял руку с четырьмя долларами и мелочью. – Хотелось бы, чтобы это стало хорошим уроком следующему мальчишке, который придет сюда наниматься на работу. Я ухожу!

Он направился к двери, но, несмотря на злость, знал – не просто думал, а знал наверняка, – что до тротуара ему не дойти.

– Джек.

Он взялся за дверную ручку, собираясь повернуть ее и выйти... но голос, наполненный скрытой угрозой, не допускал возражений. Джек разжал пальцы и обернулся, злость уходила. Внезапно он почувствовал себя ссохшимся и старым. Лори ушла за стойку и, напевая, подметала пол. Судя по всему, она решила, что Смоуки не пустит в ход кулаки, а поскольку остальное значения не имело, получалось, что все хорошо.

– Ты же не хочешь оставить меня в сложном положении накануне уик-энда.

– Я хочу отсюда уйти. Вы меня обманули.

– Нет, сэр, – ответил Смоуки. – Я все объяснил. Если кто и обсчитал тебя, так это ты сам. Теперь мы можем обсудить твой стол – пятидесятипроцентная скидка на еду, пожалуй, и бесплатная газировка. Раньше я не шел на такие уступки молодым работникам, которых время от времени нанимаю, но в этот уик-энд народу будет особенно много, учитывая сезонных рабочих, которые появляются здесь при сборе яблок. И ты мне нравишься, Джек, поэтому я и не врезал тебе, когда ты поднял на меня голос, хотя, наверное, и следовало. Но на этот уик-энд ты мне нужен.

Джек почувствовал, как ярость вспыхнула вновь, но тут же угасла.

– А если я уйду? – спросил он. – Я все равно заработал пять долларов, а уход из этого маленького говняного городка вполне можно считать премией.

Глядя на Джека, Смоуки сухо улыбнулся.

– Ты помнишь, как вчера вечером пошел в туалет, чтобы прибраться за парнем, который похвалился харчишками?

Джек кивнул.

– Помнишь, как он выглядел?

– Короткие волосы. Хаки. И что?

– Это Землекоп Этуэлл. Вообще-то его имя Карлтон, но он десять лет проработал на городских кладбищах, и все называют его Землекопом. Это было... да, двадцать или тридцать лет назад. Он пошел в городскую полицию примерно в то время, когда Никсона избрали президентом. Теперь он начальник полиции.

Смоуки поднял сигару, затянулся, посмотрел на Джека.

– Мы с Землекопом давнишние друзья, – продолжил он. – И если ты просто уйдешь отсюда, Джек, я не могу гарантировать, что у тебя не возникнет проблем с Землекопом. Все может закончиться тем, что он отправит тебя домой. А может, тебе придется собирать яблоки в садах, принадлежащих городу... у нас, если не ошибаюсь, их сорок акров. А может, тебя избыют. Или... я слышал, старине Землекопу нравятся бродячие детки. Особенно мальчики.

Джек подумал о пенисе размером с дубинку. Его замутило. Внутри все похолодело.

– Здесь ты, как говорится, под моим крылышком. А как только шагнешь за порог... как знать? Землекоп часто кружит по улицам. Ты можешь уйти из города без проблем, но, с другой стороны, рядом с тобой в любой момент может остановиться большой «плимут», на котором он ездит. Землекоп не так уж и умен, но нюх у него есть, а иногда... кто-то может ему и позвонить.

За стойкой бара Лори расставила вымытые тарелки, вытерла руки, включила радио и начала подпевать старой песне «Степпенволф».

– Вот что я тебе скажу. Задержись здесь, Джек. Поработай выходные. Потом я посажу тебя в свой пикап и сам выведу из города. Ты уедешь отсюда в полдень воскресенья с тридцатью баксами в кармане, которых у тебя не было, когда ты сюда пришел. И после этого ты не будешь думать, что Оутли такое уж плохое место. Что скажешь?

Джек посмотрел в эти карие глаза с желтыми склерами и маленькими красными точками. Отметил широкую, искреннюю улыбку Смоуки, открывшую вставные челюсти. Даже испытал странное, пугающее чувство дежавю, увидев, что муха вернулась на бумажный поварской колпак и моет тонкие лапки.

В том, что Смоуки лжет, он не сомневался. И подозревал, что Смоуки об этом знает. Закончив работу далеко за полночь, в воскресенье Джек вполне мог проспать до двух часов дня. И Смоуки откажется везти его, потому что Джек проспал, а он, Смоуки, теперь хочет посмотреть футбольный матч «Кольтов» и «Патриотов». А Джек не пойдет пешком не только потому, что все тело будет болеть от усталости, но и из страха, что Смоуки сможет оторваться от игры на минуту-другую, чтобы позвонить своему хорошему другу Землекопу Этуэллу и сказать: «Землекоп, старина, он сейчас идет по Милл-роуд, почему бы тебе не забрать его? А на вторую половину игры приезжай сюда. Пиво бесплатно, но, пожалуйста, не блюй в писсуар, пока не вернешь мне парня».

Таким представлялся ему один сценарий. Он мог придумать и другие, отличающиеся в мелочах, но с одинаковым исходом.

Улыбка Смоуки Апдайка стала шире.

Глава 10 Элрой

1

Когда мне было шесть...

Два предыдущих вечера «Бар Апдайк» к этому времени начинал затихать, но нынче гулянка только набирала ход, словно посетители рассчитывали встретить здесь зарю. Джек увидел, что два стола исчезли – пали жертвами кулачного боя, который начался перед его походом в сортир. Теперь на том месте, где они стояли, танцевали люди.

– Самое время, – пробурчал Смоуки, когда Джек протащил вдоль стойки ящик с бутылками и поставил у холодильника. – Поставь их на полку и возвращайся с гребаным «Бадом». Тебе следовало принести его первым.

– Лори не сказала...

Обжигающая, нестерпимая боль пронзила ногу Джека, когда Смоуки опустил на нее тяжелый ботинок. Подросток сдавленно вскрикнул и почувствовал, как от слез зашипало в глазах.

– Заткнись. Лори не отличит говна от гуталина, а ты достаточно умен, чтобы это знать. Бегом в кладовую и притащи мне ящик «Бада».

Он пошел, прихрамывая, морщась от боли в ноге, которую отдал Смоуки, гадая, не сломаны ли пальцы. Вполне возможно. Голова трещала от дыма, и шума, и бьющего по ушам визга «Парней из Дженни-Вэлли», двое из которых едва держались на ногах. Только одна мысль четко просматривалась в застилающем разум тумане: нельзя ждать до закрытия. Он просто не выдержит так долго. Если Оутли был тюремной, а «Бар Апдайк» – камерой в ней, то усталость являлась не менее суровым надзирателем, чем Смоуки Апдайк.

Несмотря на все тревоги, связанные с Долинами и тем, что могло его там поджидать, волшебный сок начал казаться единственным способом вырваться. Он мог сделать глоток и прыгнуть... а потом, если бы ему удалось пройти милю, максимум две на запад, он бы глотнул еще и вернулся бы в США, далеко-далеко к западу от административной границы этого жуткого маленького городка, быть может, возле Бушвилла или даже Пемброука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.